

87.5140000-83

10р +

Г 59

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ Ф. ПАВЛОВИЧА

108
2439

Э. РЕНАНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

С. Ф. ГРАДОВСКАГО

Съ авторизаціи Франца Ренана

ЦЕНА 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ВОСПОМОГАТЕЛЬНАГО ПЕЧАТНИКА И ПЕЧАТНИКА
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ВОСПОМОГАТЕЛЬНАГО ПЕЧАТНИКА И ПЕЧАТНИКА

1886

Э. РЕНАНЪ.

ние ихъ не коснулось, ибо Ренанъ обладалъ рѣдкимъ и драгоценнымъ даромъ дѣйствовать какъ на умъ, воображеніе и чувство, такъ и на совѣсть людей, являясь не только писателемъ въ общемъ смыслѣ этого слова, но и проповѣдникомъ. Вотъ почему даже его литературныя праги, не раздѣлившіе его взглядовъ, не разъ сознавались, что при чтеніи его произведеній они невольно восхищались авторомъ, убѣжденія котораго возбуждали ихъ негодованіе. А кто проселъ все имъ написанное (около 40 томовъ), кто окинулъ однимъ взглядомъ величественное зданіе, воздвигнутое этимъ гениемъ, тотъ долженъ испытать чувство вольнаго удивленія, како овладѣваетъ вами, когда, среди современныхъ науконныхъ, громадныхъ домовъ, казармъ и фабрикъ, мы вдругъ видимъ величественныя стѣны готическаго храма съ тонкими, какъ кружева, орнаментами изъ камня, съ чудными арками и съ высокими остроконечными башнями. Въ произведеніяхъ Ренана, какъ и въ готическихъ зданіяхъ, много тонкихъ, изящныхъ орнаментовъ и то же безотчетное стремленіе къ небу, къ вѣчному идеалу, скрытому отъ насъ подъ аркою разнаслащенной земной скоропроходящихъ явленій. А въ глубинѣ его міросозерцанія, точно подъ сводами готическаго храма, царитъ таинственный полумракъ, мѣшающій разглядѣть тѣхъ боговъ, которымъ поклоняется прославленный писатель. Очень часто онъ произноситъ великія священныя слова: истина, свобода, добро, справедливость, красота, Богъ. Порою намъ кажется, что Ренанъ молится, — столько глубокаго не-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	б
I. Дѣтство и отрочество Гегеля (1770—1800 гг.)	17
II. Юность (1800—1805 гг.)	30
III. Переломъ въ жизни Гегеля и первые шаги его на литературномъ поприщѣ (1805—1809 гг.)	42
IV. Труды Гегеля по эстетической философіи, по историческому библейскому знанію и по исторіи греческо-арабской философіи въ средніе вѣка. — Эстетика Гегеля (1809—1820 гг.)	58
V. Путешествіе на Востокъ. — Смерть Гегелетти. — Возвращеніе въ Парижъ. — Вступительная лекція въ Collège de France. — Побѣда въ Ачинѣ. — Труды Гегеля по исторіи религіи	72
VI. Путешествіе въ страну ледовъ. — Политическія катастрофы. — Подвѣдка съ Штраусомъ по поводу франко-германской войны. — Политическія воззрѣнія Гегеля и его философія драмы	109
VII. Философія Гегеля	125
VIII. Последние годы Гегеля. — Предвѣнія въ Бресѣ. — Волненья, смерть и похороны великаго философа	144
Выводы	153

Библиографическая справка.

Литература о Ренане и материалы для его биографии:

- 1) Gabriel Monod. — «Les maîtres de l'histoire: Renan, Taine, Michelet», 1894, Paris.
- 2) Paul Leroy. — «Renan peint par lui-même», 1893.
- 3) E. Caro. — «L'idée de Dieu et ses nouvelles critiques», 1893.
- 4) Paul Janet. — «La Crise philosophique», 1888.
- 5) J. Leconte. — «Les Contemporains: E. Renan», Vol. V.
- 6) E. Renan. — «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», 1881.
- 7) — «Fragments détachés», 1891.
- 8) Brunschwig. — «Sur la Philosophie d'Ernest Renan» («Revue de Métaphysique et de Morale», № 1, 1895).
- 9) M. de Fayet. — «Après M. Renan» («Revue des deux Mondes», 15 Nov., 1892).
- 10) Jules Simon. — «M. Renan» («La Revue de Paris», № 2, 1894).
- 11) Sainte Beuve. — «Nouveaux lundis» Vol. II. «Ernest Renan», Paris 1888.
- 12) Elias Gumberson; Dr. Zischel. — «Ernest Renan», («Ateneum», 1895 и 1892).
- 13) К. М. Моравски. «Was ist eine gute Renan?» 1895.

В русском языке:

- 14) А. Введенскій. — «Сравнительное сочинение философии въ Германіи и Франціи, Россія», 1894 г.
- 15) Г. Арсеньев. — «Новая философия», пер. В. Ватсона, 1890 г.
- 16) Дав. Бурин. — «Очерки современной философии, Россія», 1888 г.
- 17) Н. Н. Сорокин. — «Варья съ андранъ», Россія», 2-е изд.
- 18) Крыжановскій. — «Периодъ второго драмы въ философии Россіи» и друг. статьи («Востокъ», Кн. VI, 1893 г., Кн. VIII—IX, 1888 г. Апрель и Май 1894 г.).
- 19) Л.—С.—и. — «Философія взгляда Эрнеста Ренана», («Русское Обозрѣніе», 1892 г. 9—10 кн.).
- 20) Л.—С.—и. — «Ренанъ, какъ болшевикъ» и друг. статьи («Русское Обозрѣніе», Июнь и Май 1893 г., Октябрь—Декабрь 1892 г.).
- 21) Л. Э. Савельевскій. — «Философія драмы Ренана» и др. ст. («Вѣстникъ Европы», 11 и 12 кн. 1893 г. и 1-ая 1894 г.).
- 22) «Жемчужинный слезинка» («Историческій Вѣстникъ», Ноябрь 1892 г.).
- 23) К. К. Арсеньев. — «Философія драмы Ренана «Калибанъ», «Вѣстникъ Европы», Январь 1879 г.).

Введение.

Среди прославленных писателей нашего времени Ренанъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Уроженецъ глухой отсталой Бретани, воспитанный католическихъ монаховъ, посвятившій почти всю свою жизнь исследованиямъ по исторіи религій, онъ, казалось, былъ такъ далекъ отъ захватывающихъ интересовъ дня, такъ чуждъ своему времени и такъ неподатливъ на своихъ современниковъ, а между тѣмъ онъ пользовался не только громаднымъ успѣхомъ, но и несомнѣнно глубокимъ вліяніемъ. Его объемистые историческіе и философскіе труды, подобно моднымъ романамъ, расходиваясь къ десяткамъ издавій и были переведены почти на всеъ европейскіе языки. Выдающіеся писатели, какъ Тьеръ, Ламетуръ, Бурже, Флоберъ, Брандесъ и другіе, признали его громадное значеніе, и всякій образованный читатель нашего времени такъ или иначе воспыталъ на себя его вліяніе. Даже тѣ, которые совершенно незнакомы съ его произведениями, не могутъ поручиться, что это влія-

крениго чувства онъ произвѣдетъ въ своихъ произведеніяхъ,—и вдругъ послѣ пламенной молитвы раздается его тихій креническій смѣхъ надъ дурными человѣческими вѣрваніями.

Да, Рецанъ—несомнѣнно пераклассный крупный писатель, но съ неразгаданнымъ еще міросозерданіемъ и съ причудливымъ темпераментомъ сарены, затрудняющимъ до крайности критическое изслѣдованіе его произведеній. Въ немъ ярко отразились непримиримая претиворѣча, терзающія дурныхъ людей XIX вѣка, въ немъ самымъ причудливымъ образомъ сочетались язвительная вольтеровская проза, шиллеровскій идеализмъ и страстная мечтательность Жюль-Жака Руссо. Неудивительно, что писатель съ такимъ разностороннимъ талантомъ и сложнымъ міросозерданіемъ въ первыхъ порахъ встрѣтилъ осужденіе со стороны людей самыхъ противоположныхъ направленій. Дестриверы упрекали его въ дилетантизмъ, клерикалы—въ неврѣя, сравнивали его съ Юліаномъ Отступникомъ. Фанатики и ханжи всякаго рода въ направленіи Рецана усматривали злобнѣйшія признаки, свидѣтельствующія о полномъ разложеніи и упадкѣ западно-европейской цивилизаціи, а поклонники, напротивъ, сравнивали его съ великимъ идеалистомъ древняго міра—Платономъ и даже съ Данте, предсказывая, что современемъ, когда роль Рецана въ исторіи умственнаго развитія Европы будетъ выяснена надлежащимъ образомъ, возникнутъ особая академія для спеціальнаго изученія его бессмертныхъ произведеній.

Но при оцѣнкѣ великаго писателя нельзя до-

возмущаться подобными сравнениями и общими мѣстами, ничего въ сущности не выясняющими. Приходится прежде всего поставить категорическій вопросъ: въ чемъ же именно заключается значеніе Ренана? Представляютъ ли его произведенія дѣйствительно цѣнный вкладъ въ науку и въ литературу, или же его обаяніе и сила обуславливаются, какъ утверждаютъ многіе, лишь его авторскою ловкостью и чѣсто вышними особенностями его литературнаго стиля? Въ послѣднемъ случаѣ очевидно Ренанъ былъ бы недостоятъ своей славы, и очеркъ его научно-литературной дѣятельности не представлялъ бы значительнаго интереса для русской читающей публики, знающей Ренана больше по слухамъ. Пока одного мы не находимъ въ современной литературѣ удовлетворительнаго отвѣта на поставленные выше вопросы.

Обыкновенно, при оцѣнкѣ значенія Ренана, указываютъ прежде всего на то, что всякому бросается въ глаза — на его звучный, великолѣпный слогъ. Пока Бурже приводитъ по этому поводу отзывъ одного изъ учениковъ Флобера, признавашаго, что невозможно услѣдить, какими образомъ созданы фразы Ренана, до такой степени онъ представляется безъискусственными, несмотря на все ихъ изящество и звучность. Безъ сомнѣнія, такіа исключительная достоинства слога въ значительной степени содѣйствовали успѣху Ренана. Но современная Франція насчитываетъ дѣлую плеяду блестящихъ стилетовъ. Можетъ быть даже Ренанъ выше ихъ всѣхъ, хотя и это еще вопросъ. Но всякомъ случаѣ онъ не стоитъ ни въ сравненіи, а

въ научныхъ и философскихъ произведеніяхъ изящество слога не имѣетъ рѣшающаго значенія. Мыслитель Реванъ не могъ бы явиться великимъ вождемъ своего времени, еслибы онъ былъ лишь несравненнымъ мастеромъ формы. Но и значительная научная заслуга Ревана едва ли соотвѣтствуютъ его славі. Мы знаемъ, что нѣкоторые спеціальныя труды его, какъ напр.: «Исторія семитическихъ языковъ», «Аперроузъ и Амерронимъ» и толкованія библейскихъ текстовъ, пользуются известностью даже среди германскихъ ученыхъ, а научное значеніе его «Исторія первыхъ вѣковъ христіанства», «Исторія еврейскаго народа» и «Этюды по исторіи религій» хотя и представляется спорнымъ, тѣмъ не менѣе должно идти въ расчетъ при общей оцѣнкѣ результатовъ его дѣятельности. Кроме того въ Луврѣ хранятся не мало древнихъ финикійскихъ надписоконъ, вывезенныхъ Реваномъ изъ путешествія на Востокъ съ научною цѣлью. Но тѣмъ не менѣе, какъ исследователь-археологъ, онъ конечно уступаетъ Шамполіону, Мариетъ, Ленорману и др., обогатившимъ науку и музеи.

Какъ историкъ, онъ поражаетъ своею провѣтливостью и большою начитанностью. Онъ обладаетъ удивительнымъ даромъ воссоздавать по нѣсколькимъ случайно сохранившимся чертамъ характеры выдающихся историческихъ личностей и цѣлыхъ эпохъ, но тѣмъ не менѣе, по нѣлкію ученыхъ спеціалистовъ, Реванъ не выдерживаетъ строгой научной критикъ. Наибольше прославленное изъ его произведеній «Жизнь Ісуса» Жюль Вар-

ронъ называетъ прекрасный романомъ. Давидъ Штраусъ, — авторъ известнаго и тоже впрочемъ неудачнаго сочиненія подь тѣмъ же заглавіемъ, оказывается объ этомъ именно трудѣ съ некоторымъ даже пренебреженіемъ. Словомъ, люди самыхъ противоположныхъ направленій, какъ напр.: Брандесъ, Каро, Жана, согласны въ томъ, что въ произведеніяхъ Ренана, при всей его громадной эрудиціи, сказывается недостатокъ научной точности и объективности. И потому вѣроятно, какъ историкъ, Ренанъ никогда не пользовался особеннымъ авторитетомъ, подобно Гиббону, Ранке, Шлоссеру и Момзену.

Остается вопросъ: не заключается ли его значеніе главнымъ образомъ въ его философскихъ идеяхъ? Мольхеръ де-Вогла, задавшійся цѣлью указать эти идеи, не нашелъ въ нихъ ничего самобытнаго. Все міросозерданіе Ренана основано на отрицаніи во вселенной какой либо индивидуальной воли, дѣйствующей силой. Миръ подчиненъ неизмѣннымъ законамъ. Все въ немъ обусловлено стремленіемъ къ постепенному развитію, проявляющемуся во времени. За предѣлами человеческой мысли нѣтъ на землѣ никакихъ слѣдовъ божьего высшего сознанія. Постепенно въ человечествѣ вырабатывается коллективное сознаніе (въ смыслѣ Шпенгера). Основу общечеловѣческаго развитія и счастья составляетъ наука съ ея индуктивнымъ методомъ. Но вѣдь все это лишь общія мѣста, и конечно не въ нихъ заключается значеніе и сила Ренана. Но въ чемъ же наконецъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо

изучить произведенія Ренана въ связи съ его эпохой и происхожденіемъ. Эта связь должна непременно существовать, иначе онъ не могъ бы достигнуть такой великой славы и бесспорнаго вліянія. При разрѣшеніи поставленной нами задачи мы обратимъ особенное вниманіе на историческіе и философскіе труды Ренана и особенно его спеціально-филологическіе изысканія лишь на столько, на сколько это необходимо для общей литературной характеристики. Намъ предстоитъ нелегкая задача, ибо критическое изслѣдованіе его произведеній далеко не можетъ считаться законченнымъ, а во всемірной литературѣ немного найдется великихъ интеллектовъ, которые облекали бы свою мысль въ такую изящную, во вѣстѣ съ тѣмъ причудливую форму. «У меня двоякая натура», не разъ сознавался Ренанъ, «когда одна половина моей души впадаетъ, другая свѣтлѣетъ». Отсюда, можетъ-быть, въ его произведеніяхъ такъ много самыхъ поразительныхъ противорѣчій и недомолвокъ. Въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи онъ — дитя своего вѣка. Иногда кажется даже, что онъ намѣренно затемняетъ свою мысль, чтобы затронуть любопытство читателя. У него сплошь и рядомъ попадаются такіа напр. выраженія: «все можетъ быть; предположимъ, что это правда, если только мы не ошибаемся». Онъ готовъ признать нѣкоторую долю достовѣрности въ самыхъ противоположныхъ возрѣніяхъ. Истина, по его мнѣнію, заключается лишь въ отгѣнкахъ, и онъ неуказанно проводитъ этотъ принципъ въ своихъ произведеніяхъ, обращая особенное вниманіе на

частности, на конкретную сторону вещей и по возможности избѣгая общихъ мѣстъ и догматизма. Онъ какъ будто боится высказывать свои задушевные вѣрованія, или у него можетъ быть мѣтъ некая неизвѣстная уверенность, а только мѣтныя, непрерывно мѣняющіяся подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній и обстоятельствъ? Впрочемъ это вѣдь общая черта людей второй половины XIX вѣка, самыми характерными представителями котораго въ области политики являются такіе дѣятели, какъ Бисмаркъ, Гамбетта, Биссолати и Марсазонь, а въ литературѣ — Ренанъ. Основатель социалистической партіи — Гамбетта прекрасно понималъ свое время. Въ одной изъ своихъ блестящихъ своихъ рѣчей онъ далъ восторженъ возгласъ своей партіи, провозгласивъ, что въ политикѣ, какъ и въ наукѣ, мѣтъ и не можетъ быть неизвѣстныхъ абсолютныхъ принциповъ и что все должно приспособляться къ обстоятельствамъ. Этотъ взглядъ представляется въ всѣхъ отношеніяхъ очень удобнымъ, а потому и приживается слишкомъ часто. Мы знаемъ, къ какиимъ результатамъ онъ приводитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда скептицизмъ отождествляется съ полнымъ отсутствіемъ убѣжденій, превращается въ уличное, дерзкое зубоскальство надъ благороднѣйшими человѣческими вѣрованіями и служитъ очень удобнымъ оправданіемъ гнуснаго предательства и гражданскихъ злоупотребленій.

Очевидно, подобный скептицизмъ и легкомысліе ведутъ къ безвыходной борьбѣ партій и грубому обману въ политикѣ, къ шарлатанству въ наукѣ, къ всеобщему паденію и шаткости убѣжденій. На

скажемъ двѣхъ человѣкъ, отрицающихъ все безъ исключенія—науку, прогрессъ, добро, правду и Бога,—это злѣйшій врагъ культуры, ибо онъ порываетъ всѣ нравственныя связи съ человѣчествомъ. А въ наши дни, когда такіе уроды рождаются тысячами, немскій скептицизмъ Ренана приобретаетъ особенное значеніе и несомнѣнный интересъ въ смыслѣ знаменія времени.

Какъ глубоко измѣнился міръ! Прославленные свѣтлѣе XVIII вѣка, пророкъ Гольбахъ и Вольтеръ, грозные разрушители отжившихъ традицій и вѣрованій, въ своемъ родѣ были тоже фанатиками, только не религіознаго догмата, а отвлеченной идеи. Вѣра въ безграничное могущество чело-вѣческаго разума, поддунувшая революціонныхъ дѣятелей и жеманцевъ добраго стараго времени въ тяжкой борьбѣ съ феодальнымъ строемъ и средневековыми суевѣріями, въ половинѣ XIX вѣка какъ будто угасаетъ вихотѣ съ послѣдними выр-вами февральской революціи. Революціонные дѣ-тели новѣйшей формаціи уже не вѣрять въ мо-гущество чело-вѣческаго разума, но большей части отрицательно относятся къ наукѣ, въ отвлеченныя идеи не играютъ, никакихъ декларацій правъ чело-вѣка не провозглашаютъ, а ведутъ борьбу исключительно на практической почвѣ, памлету откровенный лозунгъ Бисмарка «сила выше права!». Въ газетныхъ статьяхъ, въ рѣчахъ адвокатовъ и вождей многочисленныхъ политическыхъ партій пре-глядывается то-же стремленіе судить обо всемъ на основаніи ближайшихъ, иногда даже ложно подта-сованныхъ фактовъ, избѣгая во возможности от-

веченныхъ теорій. Наконецъ сомнѣніе въ полезнѣ и достовѣрности научныхъ выводовъ и широкихъ философскихъ обобщеній все сильнѣе и сильнѣе скандалится не только въ современныхъ полуобразованныхъ массахъ, но и среди выдающихся прославленныхъ писателей. Реваль является бытъ-можетъ самымъ сильнымъ выразителемъ этого скептическаго настроенія, направленаго не только противъ вѣрованій, но и противъ господствующихъ политическихъ воззрѣній. И въ этомъ его оригинальность. Все великіе писатели пріобрѣтаютъ чаще всего вліяніе, благодаря галлѣ либо особенностямъ своего гевія. Шекспиръ выражаетъ насъ глубокимъ знаніемъ челоуѣческаго сердца, Байронъ — развѣтывающимся и могучимъ полетомъ воображенія, Милтънъ — патріотизмомъ и пріостно изображенія родныхъ нравовъ и природы. Великіе ученые и философы обликновенно достигаютъ безсмертія, какъ творцы великихъ теорій, опредѣляющихъ общее направленіе гѣлахъ вѣдохъ или философскихъ школъ. У Гегеля міръ является лишь воплощеніемъ абсолютной идеи, эволюціей свободнаго, постепенно сознающаго себя разума, а логическій процессъ развитія идей сводится къ тремъ основнымъ діалектическимъ моментамъ: къ тезису, антитезису и синтезу, т. е. къ положенію, отрицанію первоначальнаго положенія и къ окончательному примиренію двухъ крайностей. Откуда Контъ, напротивъ, доходитъ до полнаго отрицанія всякой метафизической идеи, отождествляя философію съ системою абстрактныхъ позитивныхъ наукъ: астрономіи, физики, химіи, фзіологіи и социологіи, клас-

сифинированных по степени возрастающей сложности явлений, подлежащих ихъ исследованію. Умственное развитіе человечества сводится, по мнѣнію Канта, къ тремъ основнымъ моментамъ: теологическому, метафизическому и положительному. Въ области естествознанія роль господствующей идеи XIX вѣка сыграла Дарвиновская теорія происхожденія видовъ путемъ полового подбора и борьбы за существованіе. Не бѣда, если современны общепринятыми идеи, являвшія громадныи успѣхъ, оказываются ошибочными, подобно чудовищной теоріи катастрофа Кюпье. Все-таки въ концѣ концовъ умственное развитіе человечества сводится къ послѣдовательной сжати великихъ теорій, охватывающихъ доступный нашему познанію міръ во всемъ его безконечномъ разнообразіи. Не святикъ Роланъ не вѣруетъ въ чудовищную силу абсолютныхъ идей, подобно метафизику Гегелю; не провозглашаетъ себя, подобно гениальному большому труженнику Канту, верховнымъ первосвященникомъ человечества, не ждетъ, что въ концѣ XIX вѣка установится новая духовная и свѣтская власть, не назначаетъ срока для окончательнаго торжества своихъ идей и не мечтаетъ создать совершенную программу умственнаго развитія, которую человечеству останется бы только исполнить.

Вотъ въ этомъ отсутствіи господствующихъ теорій, въ недоверіи къ религіознымъ догматамъ и научнымъ доктринамъ и заключается характерная особенность переживаемой нами эпохи, наиболее совершеннымъ выразителемъ которой является

Ренанъ. Къ чему онъ стремится? Въ чемъ его вѣра? Вотъ вопросы, сказанные очень тѣсно съ бока общимиъ вопросами о значеніи и характерѣ нашего тревожнаго, тяжелаго переходнаго времени.

Позитивному, безграничному сомнѣнію уже достигло своего крайняго развитія. Дальше идти некуда. Все осмыслено и ослезано, съ тѣхъ поръ какъ скептицизмъ вошелъ въ моду и сдѣлался достоинствомъ удачи. И отъ такого великаго прославленнаго ижеателя, какъ Ренанъ, мы имеемъ требовать, чтобы, напомнивъ разбитыхъ и осмысленныхъ идеологовъ, онъ указалъ намъ хоть тѣнь надежды впередъ, чтобы онъ не преклонился передъ грубой силой, не мѣнялъ своихъ убѣжденій по воли виллицихъ обстоятельствъ, подобно Басмарру, чтобы его скептицизмъ не превращалъ его стремленія къ истинѣ и добру, и чтобы онъ указалъ хоть далекий исходъ терзающимъ насъ сомнѣніямъ. Поэтому при изученіи его произведеній мы обратимъ особенное вниманіе на ихъ положительную сторону. Постараемся понять Ренанъ не только какъ скептика и разрушителя вѣрованій, но и какъ теоретика и провозвѣстника лучшаго будущаго.

28347

Дитство и отрочество Романа.

(1828 - 1838).

Жозеф-Эрнест Ренань только по своей национальности—французъ, а по происхожденію—сырѣе бретонца, то есть принадлежать къ особой расѣ, и по этой населенной почти сплошь сѣверо-западную Францію, на рубежах Лангедока и Атлантическаго океана, и пропадающей въ V и VI вѣкахъ нашей эры отъ сѣверныхъ древнихъ кельтовъ съ близкими къ Великобританіи. Этихъ классовъ населения въ Бретани еще помнитъ сохранившій древне-кельтское мировоззрѣніе, слѣдствіемъ лишь обогороженное тысячелѣтнимъ вліаніемъ христианской веры, и древній языкъ, каковыя горы и тѣлѣ предки, кельты, сражавшіеся съ Юліемъ Цезаремъ за 50 л. до Р. Хр.

И вотъ какимъ-то чудомъ, благодаря лишь силѣ первобытнаго народнаго духа, въ эпоху крушащихся политическихъ катастрофъ въ сдержанной культурной Франціи, зарождалась по всѣмъ направленіямъ телеграфныя и желѣзно-деревянныя линіи, не особенно далеко отъ столицы мира — Париза, сохранилось еще такое глухое углы, въ сравненіи съ которыми даже Чухлома, Чубоксары и другіе захудалые города, не считались бы особенно дѣками и отсталыми. Въ одномъ изъ такихъ мѣстечекъ, а именно въ Тресье, прѣтѣвшемся у подножія горагошаго средовѣкового монастыря, 27 февраля 1828 года въ бѣдной семьѣ родился болѣзненнымъ, недоношеннымъ ребенкомъ, которому современемъ было суждено сдѣлаться влѣстительнымъ душой своего народа.

«Въ первые два мѣсяца своей жизни Эрнестъ Ренань былъ такъ болезненъ и слабъ, что мать болѣзненно

ВЛАСТЬ БИБЛИОТ. № 28347

Handwritten signatures and notes at the bottom right.

за его жизнь. Было рѣшено прибѣгнуть къ кодовому, чтобы разгадать его судьбу. Старая индтарка Годь-схивать его рубашечку, побѣжала къ священному роднику и вскорѣ вернулась съ сияющим лицомъ. «Она хочетъ жить, она будетъ жить, — кричала старуха. — Его рубашечка, брошенная въ воду, не потонула». Впоследствии при встрѣчѣ съ Ренаномъ водила съ блестящими глазами воссылая великій расп: «О, великимъ мы знали, какъ рукава нашей рубашки подымались надъ водой».

Въ туманной странѣ легенды, волшебныхъ тайнъ и старыхъ сказокъ, какъ чудный сонъ, прошло все дѣтство Ренана. На его глазахъ, среди облачковъ, коронныхъ мостовъ, гробницъ, вѣстовъ и алтарей, такъ называемыхъ крематовъ, вежаровъ и долмазовъ, тихо отходилъ въ вѣчность древне-византизмъ и средневѣкован Бретань. На каждомъ шагѣ онъ встрѣчалъ остатки глубокой старины, слышалъ повѣданія вѣсни народныхъ гуслей и преданія о великихъ подвигахъ неслыханныхъ героевъ. Вѣстовъ съ простыми паролемъ онъ вѣрнулъ въ тайны священныя и кроветыя мѣста, въ жилища духовъ среди глухихъ болотъ и дуптерей и колена въ чинахъ, водившихъ въ верокресткахъ большихъ дорогъ, на вершинахъ дннхъ скалъ и банъ оленей въ честь вѣстныхъ святыхъ, во призываемыхъ католической церковью, но съ возмалтныхъ временъ служившихъ предметомъ поклоненія для толпы. Среди этихъ святыхъ особеннымъ почетомъ на роднѣ Ренана пользовался Св. Иса, покровитель свротъ, адель и всѣхъ уязвимыхъ. Въ величные дни, когда волем океана съ глухими стонкомъ разбивалось о прибрежная скалы, къ нему обращался съ мольбою жена и дѣтя рыбаковъ, застигнутыхъ морской бурей. Къ нему кивалъ о мнѣнн несправедливо обвиненные въ глубокомъ убѣжденн, что ихъ врагъ непременно узреть вѣчннй годъ со дня проваженнн вѣбствонной молитвы. А въ день храмового праздника всѣ молились, какъ одинъ человекъ, падая въ ницъ передъ алтаремъ Св. Иса, не смѣя поднять на него глаза, такъ какъ, по вѣбстому повѣрью, только при этомъ уловнн святой оставята крестнымъ знаме-

нимою своей пароды, а иначе рука его остается недвижимой, и по милости одного восторженного или любовитного ней правонарушителя могут лишиться на целый год великой благодати. Немало тоже у бретонского народа святых испитателей от различных болезней. Ренань, со слов матери, рассказывает в своих воспоминаниях, как его отец был избавлен от лихорадки. На заре его привели к часовни известного святого. Туда же шло много народа со всяким оружием своего ремесла. Рассказчик до-красна потел от жара, купец приблизился к статуе святого, громко восклицая: «Сейчас же исцели этого ребенка, или иначе я тебя пощупую, как лошадь». Бѣра творить чудеса. Ребенокъ выздоровѣлъ.

Неудивительно, что среди населения, испуганного войною кровавымъ христианства древне-германскаго вѣрованія и даже миссоверданіе V и даже IV вѣка нашей эры, очень часто встрѣчаются случаи настоящей религиозной мании. Явленія пророковъ тамъ дѣло обычное. Умать передъ захребной лямкой и муками да свалится въ дѣловъ рѣдъ перманентныхъ породныхъ вѣсовъ. Рассказано и скорбь о страданияхъ Неувантелан и святыхъ мучениковъ доводить янхъ важнѣшихъ простаконъ до поманго мстала, подъ вліаніемъ котораго степенные помандому люди ночью, случалось, покидали свои семьи и возвращались домой лишь на зарѣ усталые, съ окровавленными руками. Потомъ оказывалось, что они тайкомъ въ окрестныхъ чинахъ вырвали стрѣлы изъ статуй великомучениковъ и проода въ рѣкѣ Ренаньтано.

“ “

Семья Ренань, насколько можно судить по его воспоминаніямъ, ничѣмъ особенно не выделялась изъ этой толпы, но глубоко вѣрующей, таковой, терпѣливой, въ-сколько угрюмой и сосредоточенной массы труженниковъ-идеалистовъ. Ней его родственники, за исключеніемъ одного дальняго, составлявшего себѣ крупное состояніе и положеніе въ свѣтѣ торговой неграмы, были бѣдны, какъ бѣда, и совершенно неспособны къ промышленности и торговой дѣятельности, которую они впрочемъ и не

считали даже достойной порядочнаго человека. Съ юности въ свободное время, впрочемъ слишкомъ тринадцати лѣтъ, иногда посетившій родъ Рюрика или Рюрикъ прожилъ въ уездѣ Ладого, въ странѣ Голго, занимаясь почти исключительно земледѣлемъ и рыболовствомъ. Въ этой тѣло, безвѣстной, трудовой жизни обилие накопилось, по выраженію Рюрика, «самыя идеи и чувства», которыя и составили громадное наследство гонимъ. «Я чувствую, что я думаю за нихъ и что они живутъ во мнѣ», завѣщаетъ Рюрикъ въ своемъ воспоминаніи.

Въ концѣ XVIII вѣка его дѣла совершила переходъ къ городской жизни, переименовался въ вѣстоице Треско, расположенное неподалеку отъ Атлантическаго океана. Въ эпоху революціи старикъ Рюрикъ выказывалъ благородный патриотизмъ, отказавшись отъ выгодной покупки національныхъ земель, отплатилъ у нихъ законныхъ владѣльцевъ. Соборы 1814 и 1815 годовъ подѣйствовали на него ужасно. Въ то время Гегель еще не повѣдалъ міру, что побѣдитель всегда грѣшитъ, и старикъ никакъ не могъ переварить гибель революціонныхъ идей.—19 марта 1816 года, рискуя семьдесятъ разъ себѣ шеею, съ несколькими другими пламенными патриотами онъ пошелъ на высокую башню, чтобы водрузить на виднѣхъ вѣсть національнаго знамя, а когда вскорѣ тамъ же повисло иное знамя, онъ буквально потерялъ голову. Онъ демонстративно повисъ на улицѣ съ громадной трехвѣстной лодкой, когда это было далеко не безопасно. Отецъ Рюрика радѣлъ эти чувства. Будучи неустрашимымъ морякомъ, онъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ адмирала Вилларъ. Валтий въ плѣнѣ англичанами, онъ провелъ много лѣтъ на восточныхъ. Особнаго вліянія на развитіе сына онъ не могъ оказать, тѣмъ болѣе, что Эрнестъ Рюрикъ родился, когда его отецъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ и его сосредоточенно, вообще меланхолическое настроеніе достигло крайней степени. Вскорѣ, какъ это часто случается въ аріокрепкихъ странахъ съ рыбачьими населеніемъ, онъ умеръ, и лишь нѣсколько дней спустя тѣло его лежало на

беретахъ Гизмо. После этого его обѣдѣнная семья переселилась въ родственный замокъ въ мѣстечко Лапица.

Въ противоположность отцу, дядя Эрнестъ Решавъ—Петръ отличался чрезвычайною пошлостью и общительнымъ характеромъ и обладалъ, по истинѣ, неустойчивой фантазійей. Его знали во всей странѣ и въ кабакахъ вокругъ него собиралась цѣлая толпа слушателей, которую онъ заставлялъ хохотать до упаду или дрожать отъ страха своими сказками, прибаутками и исторіями. У Решавовъ была недурная библиотека, которую во времена Карла X сохранили подъ влияніемъ краснорѣчивой проповѣди одного миссіонера противъ растлѣвающего вліянія свѣтской литературы. Уцѣлѣло лишь нѣсколько консервативныхъ сочиненій вроде «Жил-Васка» и «Домъ-Кидотъ», а еще десятка случайно прочитанныхъ книгъ, да народныя преданія для дяди Петра было знаній достаточно, чтобы создать подъ ихъ впечатлѣніемъ цѣлый волшебный, фантастическій міръ. Благодаря сильно развитому воображенію, бѣдный скиталецъ оказался совершенно способнымъ къ практической жизни. Забавляя людей своими нипроисказками, онъ постепенно дошелъ до крайней нищеты и рано умеръ, оставивъ по себѣ память добрую, всемогущаго обидѣть даже мужъ.

Родственники Эрнеста Решавъ со стороны матери отличались, напротивъ, большою практичностью и крайне консервативнымъ нравомъ. Они принадлежали къ забравшему кружку реакціонной буржуазіи города Лапица. Но это были не современные буржуа-исключки, легкіе хищники, скрывающіе свои нечестивые помыслы подъ личиной набожнаго либерала и покаянной дѣятельности, а нѣсколько лѣтныя и покаяній даже не далекое буржуа добраго стараго времени, искренне приверженныя установленнаго порядка и ходячей морали. Бабушка Решавъ, одѣтая всегда по модѣ того времени, когда она одолевала, вѣдалась живымъ воплощеніемъ старыхъ традицій и хорошаго тона. Въ эпоху революціи она усердно укрывала въ своемъ домѣ непокорныхъ священниковъ, отказавшихся принести присягу на вѣрность народному правительству. Въ ее салонѣ слушали

тайную обиду. При случае она была не прочь посягнуть надъ новорожденной республикой и патристически уличениями своихъ родственничковъ, въ простотѣ душивной не подозревая, что она играетъ съ острымъ топоромъ гильотины. Многочисленными тетушка Ренана, во большей чести старая дѣва, минимъ всегда имѣли и безъ памяти любиміи другъ друга, до обѣдъ только сохраняли по ветаніи святое простодушие и добрую старинную вежливость. По-ирадничеству дѣламъ онѣ пѣвали, какъ дѣти. Пожелать пушиности отъ душевного замишательства по цѣлымъ часамъ, а внезапное паденіе импровизированнаго парашюта сопровождалось журчаніемъ любовнаго свѣта. Необходимо заметить, что глава этой дружной безработной семьи преследовалъ изъ Бордо, и изъ Дриеста, бретонка только по своему воспитанію и міросозерцанію, сохраняла до гадкой старости основными черты характера своихъ предковъ-гасконцевъ — невещную вежливость и живость темперамента, придававшія своеобразную прелесть ея разсказамъ изъ бретонской жизни. Въ соединеніи гасконской насмѣшливости съ мечтательностью и мистическимъ бретонцемъ заключалась между прочимъ и секретъ ея громаднаго вліянія на впечатлительнаго Дриеста, который въ современности успелъ ей оригинальную манеру разсказывать старыя народныя сказки и анекдоты съ такимъ искусствомъ возобновляла этой манерой въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ. Отъ матери Ренанъ впервые научился кончать древніи сказанія изъ міра столѣтней давности на томъ, въ которомъ мы живемъ, видѣть, по его выраженію, глубже подъ землей и слышать дѣтскій шорохъ, котораго уши обыкновенныхъ людей не различаютъ. Онъ сознается, что ей неизменно обязана той впечатлительностью и глубокимъ чутьемъ, обусловленнымъ впоследствии неравнымъ совершенствомъ его слуха. Самые прекрасныя страницы изъ его воспоминаній, изображающія такъ живо и художественно типы простыя, вѣрующіи и краткихъ мечтателей изъ народа, сформулированы въ значительной мѣрѣ своею жизнью на служеніе высокимъ религиознымъ идеаламъ, явленнымъ Ренаномъ въ формѣ раз-

связаны отъ лица его матери, съ которой до послѣднихъ ее часъ она была связана глубокой привязанностью и полнымъ взаимнымъ пониманіемъ.

Первоначальное образованіе Ренанъ получилъ дома, а затѣмъ въ небольшомъ духовномъ коллежѣ при монастырѣ Трелье, слѣдя общепринтому порядку. Но и быть знатно не хотѣлъ молодые бретонцы, не имѣяніе собственной земли и не желаніе стать моряками, учились лишь для того, чтобы сдѣлаться вносѣдственными служителями церкви. О свѣтской карьерѣ не могло быть и помину, ибо, по воспріятымъ бретонцами, свѣтская жизнь представлялась чуть ли не слѣдующимъ облакомъ и грибомъ. Въ 30-хъ годахъ въ Британіи все воспитаніе находилось въ рукахъ духовенства, которое по своимъ педагогическимъ пріемамъ не далеко ушло отъ суровыхъ и ограниченныхъ взглядовъ, господствовавшихъ въ XVI и XVII вѣкахъ, — латинскій языкъ тамъ преподавался, какъ въ эпоху Возрожденія, безъ метода и почти безъ грамматики. Впрочемъ это была бы еще небольшая бѣда. Брѣжъ съ гужикстами доказала на дѣлѣ, что эта метода не такъ еще плоха. Но, что гораздо хуже, все миропониманіе духовныхъ отцовъ было проникнуто самымъ невѣроятнымъ суевѣріемъ, о которомъ можно составить понятіе, прочѣ лишь изучая исторію умственного развитія IV и V вѣковъ нашей эры. О естественныхъ наукахъ, о критикѣ, о философіи не могло быть и рѣчи. Величайшія идеи XIX вѣка въ области исторіи, литературы и естествознанія колыхались особенной преоблещеніемъ. Особенно въ области литературы почтенные отцы вели беспощадную борьбу съ наибольшими ибнѣями. Послѣдними французскими постами они признавали аббата Делла и Раска-сина. Все, что было написано въ эпоху романтизма, какъ будто вовсе не существовало. Даже для пранснѣрнаго Шатобриана, не говоря о начинающимъ тогда входить въ славу Викторѣ Гюго, не дѣлалось въ стохъ случаѣ никакихъ исключе-

ний, ибо эти анекдоты говорили о радости и страданияхъ плотоулюбива, о мирской суетѣ, о славѣ и вообще о грѣховныхъ вѣщахъ, столь неизвѣстныхъ религіозно-настроеннымъ сердцамъ. Кажется бы, благочестивый и мечтательный Лавартинъ могъ отвѣчать этому настроенію, но и онъ не забылъ общей участи, только потому что внушалъ саншюкомъ правотѣрнымъ отцамъ нѣкоторымъ смутнымъ подозрѣніемъ. Въ изученіе исторіи прибѣгалась не безъ успѣха тѣ-же хирургическіе приемы. Дальше чтенія устарѣвшей книги Родена не шла. Революція и Наполеонъ внушали такой ужасъ, что о нихъ старались по возможности не упоминать. О существованіи первой Имперіи Ренанъ впервые узналъ отъ эриратянца, обладавшаго тѣлою коллекціей дубовыхъ портретовъ. «Вотъ Беншартъ,—указалъ старый слуга на одного изъ портретовъ.—Ахъ, это была великій аскетъ!» Такая была система воспитанія на другой день послѣ революціи 1830 года.

Безъ сомнѣнія, способности къ самостоятельному мышленію при подобныхъ условіяхъ не могли развиваться, но, будучи гибельнымъ для ума, клерикальное воспитаніе благотворно вліяло на характеръ воспитанниковъ. Посредствомъ посредствѣнныхъ понятій о жизни, ограниченныхъ въ познаніяхъ своихъ, духовное стѣсненіе, по словамъ Ренана, сдѣлалась безукоризненной нравственностью, крѣпкой и усерднымъ разсужденіемъ къ своей паствѣ. Высшее духовенство жило въ великолѣпномъ епископскомъ дворцѣ, говорившемъ о блестящей до-революціонной эстетикѣ, когда Третье служило резиденціей епископа, по признаваемому впрочемъ правительствомъ и сбывавшаго въ разгаръ революціи. Лучшіе дома въ мѣстечкѣ тоже принадлежали прелатамъ, жившимъ по барски; но простые священники, непосредственно руководящіе дѣломъ воспитанія, жили очень бѣдно, являясь примѣромъ благочестія, скромности и преданности своему долгу. «И провела,—говоритъ Ренанъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—тринадцать лѣтъ подъ ферузою духовенства и не видѣла никогда и тѣхъ скандаловъ, а встрѣчала только хорошихъ священниковъ. Все, что говорится о ихъ

искренности,—вымысел». Познано, что подобные воспоминания внушали полное доверие своим ученикам. Они всерьез сердцем вбрали и любили истину, эта вбра подчас была слѣпа, но она влила благотворно своей безкорыстного истинного чувства.

«Чистота правды,—говорит Ренье,— была предметом особенныхъ заботъ для нихъ. Изъ требовательности въ данномъ службѣ находила отрада въ чужеземномъ поведении. Своими поучениями она такъ глубоко на меня подѣйствовала, что сохранила всю чуждость отъ каждаго соблазна. Въ ихъ словахъ чувствовалась какая-то особенная торжественность, возмущавшая меня въ изумленіе и трепетъ, отъ которого я не могу отдѣлаться даже теперь при одномъ воспоминаніи объ этомъ. Особенно меня поразили случаи съ Томафаномъ, который умрѣ, злусна меда. Это послужило мнѣ поводомъ для бесконечныхъ размышленій. Развѣ возможно умереть отъ капли меда? Пронсѣдникъ этого не объясняетъ, указывая лишь съ особенной силой на смертельный исходъ. Въ другой разъ текстомъ для проповѣди послужили слова Иереміи: «Смерть входить черезъ уста». Я былъ оле болѣе заинтересованъ. Возможно ли это? А проповѣдникъ говорилъ такъ убѣдительно, съ смертельнымъ челоу и съ поднятыми въ небо глазами. Но больше всего меня поразили слова какой-то благочестивой особы XVII вѣка, организовавшей женщинъ съ оружіемъ, которая ранить вдалека. На счетъ силы удара у меня не было сомнѣній, но я не могъ вообразить, какимъ образомъ женщина можетъ уподобиться воеводу. Но въ устахъ пастыря-воу, внушавшихъ мнѣ безусловное доверіе, всѣ подобныя благоглупости возмущала меня до глубины души. Даже теперь въ моей бѣдной отдаленной душѣ эти впечатлѣнія еще не выгладились. Я вынесъ изъ этой школы два безусловныя убѣжденія: 1-е, что всякій человекъ, не лишенный чувства собственнаго достоинства, можетъ посвятить свою жизнь на достиженіе только идеальнѣйшей и что все прочее—для второстепенное, ничтож-

нее, почти постыдное, и во 2-хъ, что христианство есть высшій идеалъ.

И это стремленіе къ идеалу остается у Ренана даже послѣ ужаснаго крушенія самыхъ дорогихъ вѣрованій. Съ концою дѣтъ онъ проникся таинъ глубокаго отчаянія въ всему пошлому и низменному, что даже логическая парижская жизнь своимъ грезамъ прикосновеніемъ не могла стереть глубокаго и чистаго впечатлѣнія дѣтства. Религіозная возрѣвѣніе народа и семья Ренана вызвали сильный откликъ въ его впечатлительной душѣ. Въ дѣтствою возрастѣ онъ уже проявилъ большую склонность къ идеализму и мечтательности. Во время юности, неизвѣстно удаленный смутными мечтами, онъ разоблачилъ гадать на старинныя книги въ рѣшительное заключеніе, разкалъ и думалъ о величавыхъ великихъ и святыкъ людей. Онъ какъ будто уже тогда тонилъ безсмертнаго предпріятія своего призванія и ожидавшей его славы. Шести дѣтъ отъ роду, на вопросъ своей мамы о предположеній ему карьерѣ, онъ отвѣтилъ, что будетъ сочинять книги.

Восмалдѣтій, когда Ренану минуло 18 дѣтъ, несмотря на тяжкій гнетъ суроваго монастырскаго воспитанія, въ немъ загворило чувство. Его планное сердце робко пресло смысла... По среди своихъ школьных товарищей онъ не встрѣтилъ друга во душѣ. Неприятная наружность Ренана и робкія замыры служили поводомъ для грубыхъ извѣщаній съ ихъ стороны. Его звали баринишкѣ, отъ него сторонились. И невѣстно онъ подружился съ своимъ сверстникомъ, не отдавая себя даже отчета въ чувствѣ, вызванномъ это обаяніемъ. Онъ конечно стоялъ выше ихъ по своему развитію, но ихъ скромность, извѣдство, важность дѣйствовали на него такъ обаятельно, что онъ отнесся къ нимъ съ вѣкторнаго даже благоговѣніемъ, считая себя въ ихъ присутствіи или ребенкаго, или подмаляго. И это чувство платоническаго благоговѣнія передъ совершенной женщиной красотою онъ сохранялъ до глубокой старости. Восмалдѣтій, вспоминая о своемъ первомъ увлеченіи, онъ замѣчаетъ, что живая красота выше таланта, гени

и даже добродѣтеля, такъ какъ истинно прекрасная женщина не только въ своихъ поступкахъ, но въ личностн своей воплощаетъ всю красоту жизни, всѣ лучшія человѣчскія качества.

Среди конныхъ подругъ Ревиза одна особенно глубоко затронула его сердце. Ее звали Нюси. Очаровательная блондинка, съ нѣжными и нѣсколько грустными глазами цѣлѣтвасильевъ, она казалась образцомъ изящества и ума. Въ ея обращеніи съ Эрнестомъ сквозило и дѣтское доверчивость, и разположеніе сестры. Она была старше его года на два. О любви между ними ни слова, но ихъ глубокое взаимное знаніе проявилось въ полномъ согласіи мнѣній и въ стремленіи возвратитъ въ нихъ маленькомъ кружкѣ сладостную гармонию, перебитыиую ихъ юныя, каменные сердца. Иногда во время прогулокъ по окрестностямъ они шли стариннымъ сельскотальнымъ лѣсенка вродѣ «Пычана, мѣтено помыжко». Случалась при этомъ уморительныя сцены ребяческой ревности, когда порывистый и слѣпкомъ милосердечный Эрнестъ пытался свѣдѣть хоть нѣкоторую внимательность на увлеченіе одной испуганной дѣвочки, только потому что не могъ расходушно видѣть ее съ ней и ревнивыхъ земшечекъ. Нюсиа такъ живо свѣдѣла надъ капризностью Эрнеста, что онъ въ концѣ концовъ еще болѣе увлекся ею.

Нюсиа вродѣ была чистого, свѣтлаго чистота прожеле- нула, какъ чуждый сонъ. Ревизъ въ 13 лѣтъ уже была такъ несомненно мислю о служебн перава и Богу, такъ поддалась релігіозной дилектикой, такъ увлечена важными вещами, что богу особенной борьбы освободился отъ этихъ нѣжныхъ узъ, и только впоследствии попыталъ всю горечь воспоминаній о безысходно утраченномъ счастьѣ. Образъ проткой Нюсиа долго преслѣдовала его среди шума и блеска парижской жизни, и дорогое во юношескомъ воспоминаніямъ или отъ дѣла, много лѣтъ спустя, своей дочери. А Нюсиа, лишившись родителей, до конца своихъ дней сильно тосковала, скрывая подъ уродливымъ варидомъ свою чудную ара-

соту. Она съ какою-то странною тревогой бѣжала отъ толпы поклонниковъ, преслѣдовавшихъ ее даже въ церкви на колѣяхъ, и умерла внезапно дѣть спустя послѣ разлуки съ Ренаномъ. А онъ, промазаный и убитый едними, случайно отсутствовалъ во время катастрофы на заброшенномъ сельскомъ кладбищѣ, гдѣ была спорошена его безотысканная подружка дѣтства, дано съ юности-ней грустью искать ее могилу...

“ ”

Въ 1838 году пятнадцатилѣтній Эрнестъ получилъ высшую награду за успѣхи въ наукѣ. Его способности и прелесть обрѣтали всеманяе вниманіе духовенства, и участь его была рѣшена... Его отправляли для дальнѣйшаго образованія въ парижскую семинарію Св. Николая. Казалось, онъ былъ предвѣщаемъ къ блестящей духовной карьерѣ. Но онъ самъ, на его протестующее возмущеніе въ подражаніе сокрытыхъ въ немъ возмужалъ смѣль, подавленныхъ въ строгое религіозныя, одностороннее воспитаніе, во время перваго удобнаго случая пробѣжались наружу и разбѣжались всѣ разномыслия на такую благодѣтельную жизнь идеалъ есть обаятельнаго міра. А онъ пережилъ столько счастливыхъ минутъ подлѣ величественныхъ константинопольскихъ сводовъ, среди чудныхъ средостѣпныхъ лампажниковъ и гробницъ, въ обществѣ почтенныхъ вѣчныхъ спокое рыцарей и благородныхъ дамъ, что долго потомъ не могъ отрѣшиться отъ этихъ туманныхъ воспоминаній всѣхъ міра предракосъ. Старинный алмаздральный соборъ въ Третье, это чудо нищества и ласкоти,—безумная попытка воплотить въ каменѣ недоступную мечту,—оставлялъ неизгладимое впечатлѣніе въ его душѣ и среди жалкой, пошлой дѣйствительности казонила ему о силѣ человеческого духа въ его творческомъ стремленіи къ великимъ идеаламъ. Но вступила чья колотаній и разлука съ родиной...

—Сей войне свой отъѣздъ, какъ будто-бы это было міра,—говоритъ Ренанъ:—вечерній зной воеся отъ одной

приходской церкви къ другой, названная разрушающаяся обывачной молитвой за усопших братьевъ и распространя въ воздухѣ невнятное словоизобилие, сладкое и грустное, какъ и та жизнь, которую я оставила навсегда. На другой день, 4-го сентября, я уехала изъ Парижа, а 7-го увидѣла столько нового и неожиданнаго для меня, какъ будто была грубо заброшена изъ родной Франціи въ Таата или Тамбукту.

Очевидно, съ этого дня въ развитіи Ренесса уже подготовляется поворотъ, поставившій его въ сколько нибудь связи съ главнѣйшимъ современнымъ умственнымъ движеніемъ.

II.

Юность.

(1838—1845 гг.)

Парижская жизнь, которую Ромаш впервые увидел лишь издали, из-за монастырских стѣн, привнесла на него потрясающее впечатлѣнiе.

«Буддийскiй ламъ или мусульманскiй факыръ, переселенный въ одно изъ городовъ южной Азии на шумный бульваръ, — говоритъ Ромашъ, — не испытала-бы такого изумленiя, такое пришлось мнѣ испытать, внезапно попавъ въ среду, во вѣнцѣхъ нечего общаго съ миромъ старика бретонскаго свещенника, этихъ потемнѣвшихъ головъ, ослѣпавшихъ одеревянѣвшихъ или окаменѣвшихъ и наослепавшихъ колеблющихся Оларисъ, которыми я такъ восхищался изслѣдуя въ Египтѣ, когда они предстали предо мной дивными рядами, столь величественныя въ своемъ безмолвномъ покоѣ. Моя прелесть въ Паризѣ вылетѣла тогда переходомъ въ другую религiю... Моя безкупецная бретонская шра такъ мало подходила къ господствующей здѣсь религiозной системѣ, какъ грубое деревенское полотно, валявшееся на твердой доскѣ, не подходило къ ситцу. Здѣсь исповѣдуется иная шра. Мои старые отцы, въ своемъ тяжеловѣснѣмъ перекосныхъ одѣянiяхъ, казались мнѣ казани, постигшими вѣчную тайну, а то, что я здѣсь встрѣтила, было религiей, рожденной въ бѣдность и крушевъ, надушеннымъ и украшеннымъ благочестиемъ, утонченнымъ дамскимъ ханжествомъ, которое проливается въ разныхъ кружевкахъ, — въ ленточкахъ, въ булкахъ и подвѣшечкахъ. Это была тяжелый переходъ въ моей жизни. Молодого бретонца не легко оторвать отъ родной почвы. Глубокiй нравственный ударъ, какой мнѣ пришлось ис-

взять въ себя съ полной переживанью въ страсти всей жизни и въ привычкахъ, разразился ужаснымъ припадкомъ тоски по роднѣ. Порадки закрѣпленнаго заведенія была для меня убѣдительными. Воспоминанія о свободной и счастливой жизни на роднѣ, подъ крылышкомъ любимой матери, перазнанъ меня въ самое сердце.

И на одинъ Ренанъ страдалъ. На его глазахъ умеръ отъ тоски по роднѣ его лучший итальянскій товарищъ. Мысли семинариста вращали о самоубійствѣ, глядя съ высоты третьего этажа, гдѣ помещивалась общая спальня, на камни местовой. Дошло до того, что князь Эрнестъ также заболѣлъ. Спасъ его тотъ-же Домангу, ректоръ семинарии Св. Николая, по милости котораго Ренанъ попалъ въ Парижъ. Этотъ ласкй дѣтель церкви, впоследствии добившійся мѣста съ папѣмъ депутатомъ и епископской кафедрой, случайно прочелъ письмо бѣдлаго мучительнаго семинариста къ матери и, должно быть, почувалъ въ отрокѣ, способномъ такъ сильно любить и такъ хорошо говорить о своей чужбинѣ, глубоко сокрытую интеллигентную силу. А Домангу былъ вѣдь большой знатокъ члѣвчеческихъ страстей, пороковъ и грѣховъ. Даже такого старого хитреца, лекаря и свѣтскаго, какъ знаменитый Талѣбранъ, онъ сумѣлъ на смертномъ одрѣ примерять съ церковью и съ Богомъ. Этотъ князь аббата, любящаго большого свѣта, предладалъ въ довольно распространенному въ католической Франціи типу служителей церкви, которые умѣли соединять строгое исполненіе религіознаго долга съ великими талантами и свѣтской жизнью. Онъ стремился къ тому, чтобы всѣхъ въбранныхъ ему ассистантовъ, а ихъ у него было до 200 человекъ, передѣлать по возможности на свой ладъ, т. е. научить ихъ считаться съ дѣятельностью и съ члѣвчеческими слабостями, чтобы тѣмъ успѣшнѣе достигнуть главной цѣли—торжества католицизма въ распушенномъ и скептически-настроенномъ обществѣ. Какъ вождь на волѣ битвы, онъ не обращалъ при этомъ особеннаго вниманія на страдающихъ и погибавшихъ среди новобранцевъ-воспитанниковъ, прибавивъ имъ самыхъ глухихъ ужасовъ Фран-

ция, и не переменился съ ихъ личностью. Они захватывали ихъ юные души въ свои габіи, мягкія, до сильныхъ руки и сразу бросали въ мутный водоворотъ житейскихъ впечатлѣній, но знали только помыслы души, восхитенная волеи, несомнѣнными чувствами, вливали отъ страстного желанія личнаго счастья и свободы, они умѣли какъ разъ во время затронуть слабые чувствительная струны членовѣческаго сердца и незаметно, но крѣпко привязать своего воспитанника къ церкви, сдѣлать его послушнымъ исполнителемъ высшихъ предначертаній. По житію Дюамалу, Вартуа и классические поэты не могли служить помѣхой для ступи церкви и апостоловъ, а потому къ семинаріи Св. Павла религиозное воспитаніе шла съ руками съ классическими и литературными. Воспитанниковъ приучали излагать религиозными возрѣніи въ изобразѣ и поэтической формѣ и знакомили съ важными литературными и умственными направленіями въ такомъ возрастѣ, когда они еще находились подъ непосредственнымъ вліаніемъ духовности школы. Не только произведеніе древнихъ классиковъ, но и Ламартинь, и Викторъ Гюго, не составляли здѣсь запретнаго плода. Иногда въ классикѣ во время духовныхъ стонѣй заходила рѣчь о романтическихъ писателяхъ, и преподаватель вливался въ горячее споръ учащихся.

Для Ренна, приближнаго по глухой Бретани и не имѣвшего никакого понятія о парижской жизни, все это было настоящимъ отравленіемъ. Здѣсь онъ впервые узналъ, каково борьба жизни въ жизни дѣл. При всемъ своемъ высоко-привыченномъ развитіи онъ въ умственномъ отношеніи былъ въ то время почти ребенкомъ, только что начинающимъ жить настоящей жизнью. Его школьный товарищъ, аббатъ Коэль, дѣлалъ слѣдующій портретъ Ренна-отрока:

«Вѣдливый и художническій, онъ обладалъ большой силой на чужомъ языкѣ. Глаза его почти всегда были опущены... Робкій и нерешительный, молчаливый вследствие постоянной задумчивости, онъ не принималъ никакого участія въ играхъ сверстниковъ и говорилъ только въ

тiveness кругу друзей. Как непрестанная, неизбѣжно интеллектуальная иль подобнаго настроенія, присоединялось еще тогда по интересу, горькія воспоминанія о роднѣхъ и узлахъ самолюбія, какъ ему приходилось испытывать въ новой обстановкѣ.

Можно предетавить, какою тяжелой борьба происходила въ сердцѣ юности, сколько пришлось ему поречувствовать и пережить, прежде чѣмъ онъ началъ выходя изъ терзанійхъ его протаворбцій. Духъ отъз проникать въ него со всѣхъ сторонъ, оживила скртыя въ немъ силы. Преодолавіе въ семинаріи Св. Николая не соответствовало его настроенію, но оно было силой, иди ипнпюсью которой все въ немъ оазало и распало. Его религиозныя вѣрованія потерради, но зато мысль работала, стремилась утолить сомнительную жажду знанія. Во время прогулокъ и вечерняго отдыха много семинаристы свирала божь конца. А по началу интеллектуальной Ренанъ не могъ уснуть. Голова его была переполнена строфанъ изъ Лакартана и Гюге; онъ пыталъ, что значить слова. Невѣдомое явленія поракала его на каждомъ шагѣ: талантъ, иавѣстность, блескъ великихъ именъ. Онъ точно выныралъ въ открытое море, гдѣ свирѣствовали великія бури и тосканія вѣка.

«Эта гурбопія вѣковъ,—говоритъ Ренанъ,—въ три года задоказывали все мое внутреннее существо. Добота Дюмаму въ полнотѣ смысла слова едѣвать изъ меня другого человека. Въ бѣднѣхъ отрочѣ, выросшемъ въ глуши, спеленываломъ по рукамъ и ногамъ, онъ пробудилъ открытой и дѣятельной умъ. Воле сомнѣнія, была подочетъ въ этомъ воспитанія, оно оставало какъ-то пустоу. Не доставало въ немъ положительнаго знанія, идеи критическаго ислѣдованія истины. Мои христианскія вѣрованія вѣсколько измѣнялись, однако въ то время я не зналъ еще сомнѣнія».

Оно явилось лишь нѣскольکو лѣтъ спустя, когда Ренанъ разочаровался въ своихъ попыткахъ примирить вѣру съ наукой и не нашолъ въ послѣдней прочныхъ условъ для религиознаго идеала.

Слѣдуя замѣченному порядку, по окончаніи курса реторика въ малой семинаріи Св. Николая Раванъ перешелъ въ семинарію Исса, составлявшую загородное подготовительное отдѣленіе большой семинаріи Сентъ-Сильвансъ. И опять крутая переѣздка: здѣсь воспитательные приемы Дюваллу казались настоящими ребячествомъ; въ первомъ классѣ стало основательное изученіе теологіи и философіи, вѣнчано схоластическою. Быть-можетъ въ строго переносномъ и нравственномъ отношеніи это изученіе приносило богатые плоды, но на меня оно имѣло удивительныя обрѣзки. По наблюденіямъ какого-то французскаго ученаго антрополога, измѣреннаго значительное количество человѣческихъ череповъ, между прочимъ и у бившихъ воспитанниковъ семинаріи Сентъ-Сильвансъ, оказалось, что послѣдніе обладаютъ сравнительно съ учениками высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній значительно меньшими размѣрами развитости головного мозга. Конечно умственные способности находятся въ прямой зависимости не только отъ количества, но и отъ качества мозгового вещества, однако фактъ, подмѣченный антропологомъ, до нѣкоторой степени поясняетъ обрѣзку выраженіе Мишле, названнаго нравственно-педагогическаго соколъ скупивъ себя съ коуштомъ «сузружествомъ смерти съ пустотомъ». Въ семинаріи Сентъ-Сильвансъ все воспитаніе шло по настоящихъ культю пустоты и смерти, закончившимъ преклоненіе передъ парадой у буддистовъ. Тамъ болѣе мыслить не опасно ахать въ ошибку. Это приводило подчасъ къ безвыходнымъ противорѣчіямъ. Съ одной стороны, заданная цѣль воспитывать конечно въ строго-религіозномъ духѣ, ноленные отцы должни были не только изучать основательно не только богословіе, но и связанныя съ нимъ науки и отдѣлять такимъ образомъ настолько учеными, чтобы стоять на высотѣ вселенской задачи подготовить будущихъ дѣятелей церкви, проповѣдниковъ и пасторовъ. И дѣйствительно, между преподавателями встрѣчались несомнѣнно люди, одаренные крупнымъ талантомъ и силой воли. Но съ другой стороны надъ всѣми этими мозгами, подобно Даволюму

вину, тьмотько вьзботное нурьченіе зноет. Пава: «Только тотъ християнинъ, кто умеръ во Христа». Въ такой смерти яви жизнь сенсателъ ордена скальницького—Ольга—идьла высшій идеалъ правосѣрнаго. Не умереть для міра и людей въ столицѣ міра—Параждь—задача не легкая. Убить въ себѣ желанія и страсти, одѣлать сердце неспособнымъ что-либо чувствовать въ паше бурное время, когда за каждымъ шагъ жизни за-трачивается самая чувствительная струна человеческой души, это—подвигъ еще болѣе тяжкій, чѣмъ мученическая смерть за идею. Вотъ почему большинство настоящихъ Ревама, при всемъ ихъ благочестіи и благородствѣ стремленій, производили удручающее впечатлѣніе людей, выказавшихъ себѣ на плечи вину не по силамъ. Она неопыталась въ малыхъ попыткахъ вернуть человеческую природу и одѣлать жизнь воспитанникомъ нравственными уродами. У многихъ таинственныхъ и удивительныхъ настоящихъ, какъ напр. у аббата Маше и Гесселена, связаннаго по главамъ санжери Неса, этотъ глубокий внутренній разладъ сказывался не такъ рѣзко; они все-таки допускали возможность примиренія науки съ религіозными догматами. Другіе, болѣе ревностные и проникательные, не колебались объявлять безпощадную войну современному просвѣщенію. Въ этомъ отношеніи особенно выдавался Готтофре, одинъ изъ профессорскъ философіи, юной сущности въ поразительной красоте, и профессоръ физики Пато, грязный, оборванный и умиланно грубый въ обращеніи съ учениками. Готтофре, казался, хранившій въ своемъ сердцѣ нестерпяемый источникъ любви, когда близился кънхъ-то непонятный призывъ бѣжалъ отъ міра, сулившаго ему столько счастья, всѣ силы свои отдавъ на служеніе религіозному идеалу самоотреченія и умеръ въ Нюрнбадъ, въ 1847 г., ухаживая за больными, а Пато бросилъ кафедру математики въ университетѣ и, преслѣдуемый религіозными видѣніями, въ стѣнахъ монастыря искалъ «смерти при жизни», оторвался отъ науки, старался загубить свой громадный талантъ, чтобы повелѣ осуществитъ высшій идеалъ аскетизма. Эти настоящие совершенно оторванно,

съ особеннаго даже злорадствомъ, шумелось и надъ челоуѣческимъ разумомъ, и надъ тѣми науками, которыя они преподавали.

«Стремлюсь къ научнымъ занятиямъ исключительно всегда сущности вещей природы,—говоритъ Рекавъ.—Планъ былъ бы для меня настоящимъ руководителемъ, если бы—по странной извращенности своего ума—по стремился съ какою-то бѣшенствомъ скрыть и повернуть лучшия стороны своего гоня. Но я его расказалъ вопреки его желанью. Еще въ Бретани я получилъ довольно основательное математическое образованіе. А тѣ науки, которыя я вынесъ изъ лекцій Пано по естественной исторіи и физіологіи, дали мнѣ понятіе объ основаньяхъ животнаго жана. Я имѣлъ въ достаточности чашъ называемой спиритуалистической системы. Декартовскія доказательства существованія души возмущало отъ тѣхъ всегда кажутся мнѣ очень слабыми. Впрочемъ я всегда былъ идеалистомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Вѣчно не бѣги—развитіе и раздѣленіе безъ конца казало мнѣ величайшимъ знакомъ жра. Я позналъ природу, какъ одно неразрывное цѣло, въ которомъ нѣтъ мѣста для отдѣльныхъ актовъ творенія и гдѣ все поддерживаемо послѣдствительной эволюціе».

Такая образъ Рекавъ возмѣтно и постоянно ослабѣвала изъ виду серотой формулы своихъ правобраныхъ изслѣдованій. Это уже не была никакая бретонскій отрокъ, для котораго слова учителя были значеніе безусловнаго догмата. Мертвая схоластическая философія, которую преподавали въ Носс, не могла уже его удовлетворить, и онъ жадно изучалъ тѣ отрывки современныхъ философскихъ идей, которыя съ подобающими спроверженіями и комментаріями сообщались семинаристамъ, чтобы заблаговременно подготовить ихъ къ борьбѣ съ «глухой ученостью». Онъ внимательно прислушивался къ разказамъ тѣхъ товарищей, которыя были возможности ознакомиться поближе съ парижской жизнью. Однакъ передвѣтъ вернулъ содержаніе лекцій прославленнаго эллистника Кувежа, которыя ему приходилось слушать до поступленія въ семинарію. Другой

знакомилъ съ возрѣвшими по-автошникомъ, съ мечтами такихъ романтиковъ вѣры, какъ Ламене, Лавордьеръ и Монтальберъ, или съ вѣрными научными теоріями. Все схватывалось на лету, но тѣмъ не менѣе оставило глубокіе слѣды въ душѣ Реана. Однажды во время студенческихъ преній онъ выказалъ такую критическую мысль при разборѣ различныхъ противорѣчивыхъ доктринъ, что Готтофро, «свѣтой», какъ его называютъ Реанъ, не на шутку испугался. прервалъ лекцію, а вечеромъ, въ интимной бесѣдѣ, указалъ своему товарищю ученику, какъ опасно дѣлаться человѣческому разуму и какъ губительно вліяетъ современныи развѣдками на развитіе религіознаго чувства. Въ концѣ концовъ Готтофро разразился рѣзкими упреками противъ презрѣннаго умеленія науки. — «Изъ-за чего смѣи! Развѣ безъ вои душа человѣкъ не можетъ быть спасена? Ты не христіанин!» воскликнулъ онъ въ заключеніе, подданныи фанатическому увлеченію. Эти слова до того поразили Реана, что, выходя изъ kelas своего «свѣтлаго» учителя, онъ едва держался на ногахъ. Всю ночь онъ провелъ, не сомкнувъ глазъ, дрожа отъ ужаса. Слова: «Ты не христіанин!» подобно раскатамъ грома звучали въ его умѣ. Только на другой день, послѣ исповѣди, онъ вѣскольго успокоился. Его духовникъ Гесселемъ взглянулъ на это дѣло съ рутинной точки зрѣнія. Онъ зналъ по опыту, что бурями юностии сомнѣній въ вѣрѣ проходить безъ слѣда, какъ маленькіи тучки въ ясный день. Онъ даже запретилъ Реану сомнѣваться въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, преподать благоразумный совѣтъ — вѣрить, не мудрствуя лукаво, какъ вѣрять тысячи и миллионы простыхъ людей. Реанъ въ время успокоился. Онъ былъ еще такъ молодъ и не успѣлъ спокойно разобраться въ своихъ убѣжденіяхъ и чувствахъ. Въдѣ многие великіе люди весь вѣкъ смиренно преклонялись передъ судьбой. Даже такой провинциальный философъ, какъ Мальбраншъ, всю жизнь слушалъ обѣди, хотя его міросозерцаніе не было вполнѣ религіознымъ. Естественная скромность не позволила Реану предать рѣшающаго значенія своимъ, пока еще не яснымъ и не

предуманнымъ, сознательнѣе. Съ спокойной совѣстью онъ продолжалъ учиться, не подумывая, что наука современно приведетъ его къ полнейшему разладу съ церковью.

По окончаніи двухлѣтняго курса философіи Рованъ поступилъ на богословское отдѣленіе семинаріи Свѣтло-Сельской. Здѣсь основательное изученіе древне-еврейскаго языка и Ветхія привело его, такъ сказать, къ первоисточникамъ христіанскихъ догматовъ. Въ юношескіе годы, когда большинство учащихся бавственно мечтало и сѣвкою логикой впечатлѣній, онъ весь отдается наукѣ, какъ будто ищетъ въ ней спасенія отъ колушаній и преслѣдуемой злобы духа сомнѣнія. Онъ учится съ такою напряженностію своихъ личностныхъ громаднѣе силъ, что его физическая природа не выноситъ труда. Ростъ его предсмертною прекращается, пошатнется сутулость и угрюмый вѣкъ, но мысль работаетъ безъ устали. Смысленные томаты легко укладываются въ его памяти. Богомъ преподавалось въ семинаріи чуть ли не въ томъ-же вѣдѣ, какъ и шесть вѣковъ тому назадъ. Это—большественное зданіе, водниглугое непреодолимой силой вѣра въ святость древнихъ предмій и желаниннглугое средно-вѣковное храмъ съ жескою всевозможнѣе кирецианскій, тожестей и крутихъ польжонъ. На вершкѣ тѣлеснъ зданія вобраться не легко. Не труднѣе не дугаютъ Рованъ: для полнаго изученія вѣрхаго и вѣрхаго жибѣта въ водлинннглугое необходимо основательное знаніе древне-еврейскаго языка, и онъ изучаетъ грамматику у великаго умнаго Ле-Гара, посѣщаетъ необхателннглугое специальннглугое курсы востоконннглугое знанбобѣе закутьннглугое текстовъ знаменитаго ориенталиста Гарше, слушаетъ, съ разрѣшенія вѣстанннглугое, во францускій коллегіи лекціи еврейскаго языка у Этьенна Катрера. Необходимо поданннглугое, какъ можно дальннглугое изученннглугое везегетанъ и семитическннглугое филологіи возбуждать его къ изученію вѣвреднаго языка. Только ознакомившннглугое съ Гершенуоохъ, Эвальдомъ и друг. корифеями

и баской науки, впервые она почувствовала влияние величайшего научного гения. Ему казалось, что она доступна из храма, такъ велико было его благоговѣніе, и не разъ ему пришлось замечать, что она не родилась протестанткой, но это дало-бы ему возможность сдѣлаться философомъ, не разрывая связи съ церковью.

Увлеченная все болѣе и болѣе наукой, она на время какъ-бы забыла о строгихъ требованіяхъ католическаго и о великомъ долгѣ священника—взрѣвъ въ святость своей профессіи. До послѣднихъ дней пребыванія въ семинаріи она была увлечена въ своемъ призваніи, и эту глубокую увлеченность разделяла съ нѣсколькими ея наставниками. «Вступайте въ связь дружбы»,—сказала замѣчательной семинаристкѣ Карфенгъ,—«здесь вы не найдете». Она-же заставила Ренца принять 150 франковъ за покупку необходимыхъ книгъ. Этотъ чрезвычайно добродушный и хороший священникъ конечно не подумывалъ, къ чему послужитъ наука въ рукахъ его скромнаго на видъ, благочестиваго, трудолюбиваго и кроткаго питомца. Очевидно, почтенные духовные отцы Сент-Сильвестра скорбили на него, какъ на своего собрата. Ренцъ отбичалъ полной заботливостью на это дружеское расположеніе, и послѣ многолѣтней ожесточенной борьбы съ восставшею его церковью онъ говоритъ о своихъ наставникахъ съ непростительной любовью и уваженіемъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Готтофри и Ле-Гира, онъ называетъ прямо «святцами» и удивляется, какъ могъ послѣдній, при своей громадной учености, не видѣть явнаго противорѣчія между текстами священнаго писанія и догматами католицизма и сохранять во всей неприкосновенности свою глубокую вѣру. Вообще необходимо замѣтить, что Ренцъ обладалъ удивительно даромъ любить даже своихъ враговъ по убѣжденіямъ и наносить ударами безъ малѣйшаго презрѣнія глупца, а скорѣе съ глубочайшимъ сожалѣніемъ къ заблужденіямъ людей, съ которыми онъ былъ вынужденъ бороться. А часть неизбежной борьбы и разрыва приближался. Религиозное настроеніе Ренца за эти послѣдніе годы пребыванія въ семинаріи Сент-Сильвестра неизменно не ослабнѣло, но

каждый день тѣмъ же манеромъ разбивала одно изъ звеньевъ тяжелой цѣпи, притягивавшей его къ церкви. Однако тщательная работа долго не дала ему времени на всестороннюю оценку ее результатовъ. Она шла безостановочно впередъ, какъ чумацкая, преслѣдуемая ужасными видѣніями, пока не почувствовалъ наконецъ, что сбился съ настоящаго пути. И онъ опять обратился къ утѣшенію въ своему духовнику, который, какъ всегда Гесселемъ, постарался еще разъ ривозитъ его чуткую совѣсть. «Некушениа время вѣры! Не обращайтесь на нихъ мизантин, — убѣждалъ онъ, — идите все впередъ». Для большей убѣдительности онъ сослался на письма Св. Франциска де-Салъ, въ которыхъ тотъ призываетъ покушениа къ вѣрѣ, какъ неизбежное горе и зло. «Не надо только вамъ поддаваться. Кому же приходится ихъ выштыпать! Надо призывать на помощь все свое терпѣніе, и даже когда дуа-конусители слышатъ стучаться въ вашу дверь, не надо открываться и спрашивать: кто тамъ?»

Подъ вліяніемъ подобныхъ убѣжденій Ренанъ рѣшился принять первый шагъ посвященія. Оставалось сдѣлать еще шагъ, чтобы сказать собі на всю жизнь неразрывными узами, такъ какъ, по учению католической церкви, тайноно осанщенія не можетъ быть уничтожено ни стачуеміемъ, ни преступленіемъ, ни какой-либо приключившеюся несчастіемъ. Духовникъ Ренана горячо убѣждалъ его не поддаваться никакому сомнѣнію и до конца идти по избранному пути. Требовалась большая сила воли, чтобы при подобныхъ релоніяхъ отстоять свою свободу.

«Я былъ-бы вполнѣ счастливъ, — 22 марта 1843 г. писалъ Ренанъ своему прителу Ляру, — еслибы моего душевнаго спокойствія не нарушила отчаянная мысль. Меня ужасаетъ все возрастающее безвѣріе. Я уже почти рѣшился не принимать въ ближайшую очередь посвященія въ помощника діакона. Это не должно никому вѣдаться особенно, такъ какъ мой возрастъ обманываетъ меня не торопящаяся съ посвященіемъ. Впрочемъ какое мнѣ дѣло до мужика мизной. Необходимо научиться превозмочь все, чтобы быть готовымъ на все жертвы.

Но я переживаю ужасные минуты; особенно эта страстная ночь была для меня мучительна, такъ какъ я сильнѣе почувствовалъ свой разрывъ съ обиденной женою, и моя тревога усилилась. Я утѣшился мысленно о судьбѣ Иисуса, столь прекраснаго, чистаго и идеальнаго въ своемъ мучениствѣ. Я сохранию къ нему любовь навсегда. Даже еслибы мнѣ пришлось покинуть церковь, Свѣ не осудитъ меня, такъ какъ я поступаю по совѣсти, а одинъ Богъ знаетъ, чего мнѣ стоитъ эта жертва! Я убѣренъ, что ты меня поймешь. О, мой другъ, какъ желалъ бы я свободенъ въ выборѣ своей участи!»

Юный семинаристъ уже предъувяствуетъ роковую развязку и съ ужасомъ задумывается впередъ, еще до того, какой путь ему избрать.

27
18

тот же, что и в 1845 г., но теперь он уже не был так же уверен в себе, как в 1845 г. Он был так же уверен в себе, как в 1845 г., но теперь он уже не был так же уверен в себе, как в 1845 г.

III.

Перелом в жизни Романа и первое шаг его на литературном поприще. время возврата.

(1845—1849 гг.)

В 1845 г., на лето, Романъ по обыкновенію уѣхалъ въ Бретань. Воспоминанія о сѣбѣ и о своихъ знакомыхъ, пережитыхъ въ Тромъ, гдѣ онъ когда-то вѣрять и любить отъ души, всенѣй разъ охватывали его при возвращеніи на родину, и онъ съ особенной силой чувствовалъ происшедшія въ немъ за время разлуки перемѣны. Прежде, бывало, онъ съ радостью убѣждался, что риторика Дювизу и перомъ впечатлѣнія парижской жизни измѣняли въ покоемъ его дѣтскихъ вѣрованій, но наконецъ онъ понялъ, что духъ сомнѣнія вездѣ и повсюду разрушилъ эти вѣрованія, и что приходится рѣшить, что ему дѣлать и какъ быть. Какъ съчастію, въ это время его духовника съ нимъ не было. Нельзя не думать ему на досугѣ обдумать свое положеніе. Многие и очень многие изъ вѣствъ Романа даже не замѣтили-бы, что ихъ убѣжденія находятъ въ противорѣчій съ предвѣщаніемъ ихъ карьерой. Когда дѣло идетъ о хлѣбѣ насущномъ, люди обыкновенно не очень задумываются и разуть душка, не мудреному думать. Конечно не всѣ священники безусловно вѣрять въ святость своихъ обѣтовъ и молитвъ, и не всѣ безуклонно чинники и граждане вѣрны своей присягѣ. Кто-же изъ своей жизни не разу не шелъ не на какия сдѣлки съ совестью? Но Романъ еще недавно вѣрять такъ пламенно и беззаветно, что для него малѣйшее сомнѣніе въ томъ, чему онъ прежде поклонился, казалось страшнымъ кошмаромъ. А могъ-ли онъ съ его способностями и впечатлительной душой избѣгнуть этихъ

вопьяний? И вот наконец настал день, когда раздался голос совести: «Не преступай къ алтарю; твоя рана — дожи. Спиши ее скорѣй». Но, не будучи католикомъ, онъ могъ однако по совѣсти считать себя христианиномъ, такъ какъ учене Хреста являлось для него кодексомъ высшей нравственности и человеческого совершенства. Онъ лишь утратилъ вѣру въ сверхъестественныя силы. Въ это время онъ съ усиленіемъ читалъ Гердера, а подъ вліяніемъ этого свободомыслящаго энциклопедиста у него возникла мысль о будущихъ реформахъ. Онъ мыслить о христіанской церкви, какъ о великой школѣ человечества, а божественный основатель этой школы во разѣ къ небу является ему со словами утѣшенія. Онъ, казалось, говорилъ бѣдному юности: «Остань Моея, чтобы былъ мнѣ утѣшникомъ». Ренанъ былъ увѣренъ, что, поступая по совѣсти, онъ исполнитъ лишь заветы Хреста, и эта мысль поддерживала его въ борьбѣ съ духовниками отцами, которые никакъ не могли его понять. Эта добрая воображала, что у нихъ потому онъ усиленно занятъ, какъ гасорителъ, ужъ за разумъ знаетъ. Старикъ бретонскій священникъ особенно смущалъ — рукописный манускриптъ Ренана на древне-сербскомъ языкѣ, по которому онъ обыкновенно читалъ псалмы. Онъ горелъ желаніемъ изложить въ желаніи принять вѣру Моисея. А мать его конечно не могла понять парижана, происшедшаго въ настроеніи ее любимца сына, не предчувствовала такую то бѣду и тревожилась за его участь. Какъ это дѣйствовало на Ренана, видно изъ его писемъ, относящихся къ тому времени:

«Я испуганъ своими руками, — пишетъ онъ, — надеюсь ударъ къ сердцу той, которую я больше всего люблю. Эта сипенная любовь до сихъ поръ послѣдствъ возмѣлъ всѣ другія чувства, къ какому я былъ-бы способенъ и какому Божъ по судить мнѣ испыталъ. Съ матерью я связалъ неразрывными узлами, возникшими подъ вліяніемъ тѣхъ же влеченій, которыя такъ дороги для сердца, что словами этого я не выразишь. Какъ ужасно всякъ этимъ повертывать. Я ей только камен-

нуль на задуманную поѣздку въ Германію (гдѣ ему предлагали частное мѣсто учителя), но и этого было достаточно, чтобы сдѣлать ее безутѣшной. Боже мой, что будетъ? Ласки матери вучительны для неси, ее материнскія чудныя мечты, о которыхъ она постоянно говоритъ, терзаютъ мнѣ сердце. Ахъ, слабымъ она могла все быть! И всѣмъ готовъ пожертвовать для нея, за исключеніемъ долга совѣсти!

Очевидно долгъ совѣсти въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, заключался въ томъ, чтобы поступить согласно со своимъ убѣжденіемъ, не останавливаясь передъ величайшими жертвами и не отбиваясь псалмами личными соображеніями. По словамъ Ренана, онъ не могъ принять посвященія поелѣ того, какъ путемъ основательныхъ изысканій дошелъ до убѣжденія, что въ Библии далеко не все безусловно вѣрно, что тамъ встрѣчается будто-бы явные противорѣчія и вообще слѣды руки человѣческой. А между тѣмъ католическая церковь требуетъ отъ еяго свѣдѣнія безусловнаго свиренія преддѣломъ вѣры и полнаго довѣрія къ словамъ священнаго писанія. Очевидно, Ренанъ не могъ подчиниться подобнымъ требованіямъ, хотя въ это время онъ еще не утрачивалъ чувства вѣры.

«Я люблю бывать съ перина,—писалъ онъ своему другу, аббату Коэльа,—чистое, простое, повинное благочестіе трогаетъ меня до глубины души въ тѣ свѣтлыя мгновенія, когда я какъ будто чувствую вѣнче Бога. Это—сильныя религиозныя порывы, отъ которыхъ я вѣроятно никогда не избавлюсь. Но такое благочестіе собственно человѣческой души и не является значима. Оно дѣлаетъ насъ благодарны, возвышаетъ надъ жадными заботами о матеріальной жизни. Только тамъ, гдѣ кончается поклоненіе, — начало красоты, безсмерчности и божества».

Очевидно, если у него были сомнѣнія, то привстѣтали они не изъ философскихъ основаній. Можеть-быть его міросозерцаніе уже въ то время не было вполне религиознымъ, однако онъ далеко отъ атеизма. Во всякомъ случаѣ онъ не считалъ возможнымъ, подобно мнѣ-

гемъ мыслямъ и подругамъ, отвергать существованіе Бога являло на томъ основаніи, что міръ.—во игрушка божественнаго произвола, и все въ природѣ подчинено неизбѣннымъ законамъ. Пока Ренанъ могъ носить маску, не мысливъ своей природы и убѣжденій, не спрашиваясь отъ самого себя, онъ не пересталъ и спать лишь тогда, когда безвозвратно убѣдился, что она его стѣсняетъ и не даетъ ему свободно думать и дышать. Сомнѣніе въ единственности и безусловной истинѣ священныхъ текстовъ было въ дѣтствѣ случай однимъ изъ тысячи подводныхъ камней, о которые разбивалъ его міръ. Оно лишь усердно увеличивало разницу, неизбѣжную уже потому, что, оставаясь существомъ, Ренанъ не могъ бы написать ни своей прославленной исторіи христіанства, ни своихъ этюдовъ по исторіи религій. Въ стѣнахъ монастыря онъ не найдетъ бы выхода для своихъ гражданскъ творческихъ силъ. Иная, оставаясь сонноромъ, онъ безотчетно сдѣлалъ не только долги общества, но и самому своему времени, такъ часто мстившему гениаль и терпѣть все бросать, разстаться съ дорогими людьми, стрѣясь отъ бѣдствія и обольщаній жизни въ поискѣ за водоемлемой мечтой или смутной надеждой. Объ этихъ сопровождалъ мечтахъ гениа Ренанъ тогда еще не говорилъ ни слова, но несомнѣнно, онъ уже зарождался въ немъ. Какъ могъ онъ оставаться католическимъ священникомъ, когда для этого необходимо было отречься отъ дальнѣйшаго развитія, подавить въ своемъ зародившійся новую критическую мысль, приказавъ ей покорно и навсегда замолчать. Для мыслящихъ людей легче лишиться зрѣнія и слуха, чѣмъ познать ограниченность разума и винить свое существованіе въ непротлливомъ крахѣ невѣжества.

«Католицизмъ,—писалъ Ренанъ 24-го августа 1845 года,—удовлетворяетъ всѣмъ воз способности, за исключеніемъ критическаго мышленія. Въ будущемъ я уже не надѣюсь ни въ чемъ найти столь полнаго удовлетворенія. Однако необходимо или отречься отъ католицизма, или аннулировать эту способность. Это тяжелая и ужасная дилемма, во всякомъ случаѣ, что я не поспособалъ-бы поддѣр-

хуется ей, еслибы стою не противилась моему соблабу, или еслибы Богъ объявлялъ мнѣ, что это ему угодно».

Богъ! съ какою любовью и глубокимъ упованиемъ произнесла это слово Ренна, преслѣдуемый безпощаднымъ духомъ сомнѣній. Она повторяетъ его безъ конца. Его письма, относящіяся къ тому времени, по тону напоминаютъ удрученнаго великимъ горемъ человека. Она пишетъ къ Предѣльному, какъ угнетенной, ищетъ за обманомъ великихъ вѣрованій. Однако соблабы его растутъ. Умственно гореть святымъ идеаламъ, еще недавно означавшимъ все человеческое существованіе и придававшимъ ему безконечное значеніе.

«Счастливы дѣла,—писать она другу,—вотъ жизнь которыхъ лишь мечта и сонъ. Другомъ в кругу людей простыхъ и чистыхъ, для которыхъ христіанской вѣры достаточно, чтобы чувствовать себя людьми счастливыми и быть добродѣтельными. Но я замѣтила, что между такими вѣрующими нѣтъ ни одного, который обладалъ-бы даромъ критики. Какъ они со это должны благославлять Бога! Ахъ, еслибы она знала, что происходитъ въ моемъ сердцѣ! И дрожу при мысли, что мое поведеніе покажется имъ лицемернымъ. Я рѣшилась въ глубинѣ моей совѣсти не scandalизировать этихъ простыхъ. Да хранитъ меня отъ этого Богъ!»

Но очевидно, весь ужасъ положенія Ренны заключается не только въ этомъ внутреннемъ разладѣ и столкновеніи съ окружающимъ міромъ, а кроется того въ полномъ несогласіи и убѣжденіи его съ духовной карьерой.

«Что я стану дѣлать въ практической жизни?—вспомъ она объобету Кося:—съ невыразимымъ ужасомъ предвижу в концѣ каникулъ,—момента, когда я буду вынуждена некое, тревожное состояніе моей души принести въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Это столкновеніе внутреннихъ и внѣшнихъ заурядовѣй дѣлаетъ особенно ужаснымъ мое положеніе. Обыденныя заботы заводять на меня тоску и угнетеніе. Да крокъ того я прекрасно понимаю, что въ этомъ отношеніи я никуда не похуюсь, что я надѣлаю массу глупостей. И не родится ризерель индустрія. Люди будутъ смѣяться надо мной и смутятъ

воля за дурака. Если бы я еще мог быть уверенъ въ себѣ. А что, если въ столкновѣніи съ действительностью и утрату чистоты моего сердца, мои живыеныя покровы и преклонюсь передъ практической мудростью? Если бы я даже былъ въ себѣ уверенъ, могу-ли поручиться за античный міръ, вліяющій на насъ такъ фатально? Кто же, зная себя, не боится своей слабости? Помогите, тяжкія вѣщанія посылаютъ мнѣ Боги!»

Дѣйствительно, положение было не изъ легкихъ. Юность Романа прошла, какъ чудной сонъ, въ мечтахъ и мечтахъ о Богѣ и великихъ подвигахъ. Онъ былъ идеалистомъ по воспитанію и по своей природѣ. Подобно горному орудю, дышащему свободно на моринахъ, гдѣ подъ вѣчными снѣгами замираетъ жизнь, онъ стремился всевыше и вѣднѣе, въ область вѣчныхъ идеаловъ, гдѣ жизнь земная съ ея скоротечными радостями кажется такою ничтожною. Онъ неслучайно готовился къ духовной карьерѣ, приобрѣлъ массу отличныхъ познаній и совершенно игнорировалъ въ практической жизни знаній, не заручившись никакими средствами для борьбы за существованіе. И вдругъ судьба его забросила въ подполье парижской жизни. На что онъ могъ надѣяться? Громадный литературный талантъ его тогда не проявился еще ни въ одной незначительной строчкѣ. Основательное знаніе составическихъ языковъ въ практическомъ отношеніи не много стоило, и только вѣсколко лѣтъ спустя Романъ могъ нѣтъ воспользоваться въ должной мѣрѣ. Онъ даже не имѣлъ той необходимой степени бакалавра. Словомъ, съ практической точки зрѣнія, выходъ изъ семинаріи наизусть посвященія, по причинамъ исключительно нравственнаго, идеальнаго характера, представлялся прямо безумнымъ шагомъ, и слова Романа, что онъ рѣшился пренебречь пошлою моралью, жалкими расчетами великихъ людей и всѣмъ личнымъ интересамъ, чтобы только стоять свое убѣжденіе, талантъ и право на самостоятельное развитіе. Онъ нашелъ побѣдителей въ борьбѣ, которую въ жизни приходится испытывать большинству образованныхъ людей и въ которой вскорѣ габарты тысячи и милліоны. Но, благодаря исключитель-

кимъ обстоятельствамъ, этотъ переходъ въ жизнь Ремиза былъ особенно жестокъ уже потому, что его ищра-вляя были всемогуще и чинше, а сомнѣнія глубже и кучительнѣе, чѣмъ у людей толпы. Вотъ почему жизнь Ремиза особенно поучительна для насъ. Благодаря своей чрезвычайной впечатлительности и силѣ воображенія, онъ точно воплотилъ въ своей личности ту великую борьбу между ищрой и сомнѣнiемъ, какою кишеть въ насъ тревожное время. Подобно старко-церфу-сказывавшемъ, представляющему чудотворное соединенiе слова и воли, Ремизъ тоже поражаетъ насъ двойственностью своего характера, способностью сочетать мечтательности и вронш. По его собственному выраженiю, въ немъ зна-кордастная галопирующая ищра вродовалъ съ максималистическимъ, религиознымъ бретонцемъ, надъ нимъ вадъ немъ самымъ возмозволительнымъ образомъ. И въ то время, какъ бретовецъ готовъ былъ молиться, его двойникъ дѣ-лалъ смѣшная обзвѣнья гривкамъ. Родъ влннiемъ такого своеобразнаго темперамента, способнаго воспринимать съ одинаковою силой и легенды утренней религиозной Бретани, и впечатлѣнiя веселой парижской жизни, выра-ботался великiй и сложный типъ Ремиза — писателя, въ которомъ насъ особенно поражаетъ сильное развитiе критической мысли на ряду съ необыкновенной чувствитель-ностью. Шальель-Анкуръ прекрасно охарактеризовала личность замечательнаго писателя въ слѣдующише слова: «онъ думаетъ, какъ мужчина, чувствуетъ, какъ женщина, и пострадаетъ, какъ ребенокъ». Но чтобы сдѣлаться общепризнаннымъ владыкою своего поколѣнiя и отвѣтъ на жгучише вопросы своего времени, Ремизъ долженъ былъ рѣшиться на трудный шагъ — сбросить нго устарѣвшихъ вѣрбнй и освободиться отъ влннiя максимъ. Послеъ долженъ колебавшiй, горахатъ сомнѣнiй и тихолой борьбы онъ наконецъ рѣшился:

«Какiя силы перваны въ нѣсколько часовъ! — пишетъ онъ Кошня по возвращенiи въ Парижъ. — И глубоко по-трасенъ; и хотѣлъ наводить эту пензблнзную развѣдку, смншномъ крутую для моихъ силъ; но судьба толкала меня все впередъ, и не было никакихъ средствъ удер-

жалься. Вотъ тогда и пережилъ самые ужасные для меня дни. Представьте полное одиночество безъ друга, безъ соутраго, безъ знакомства, безъ поддержки среди товарищей и безучастныхъ лицъ, послѣ того какъ я оставилъ мать, мою Бретань, мою золотую жизнь, столько чистыхъ и искреннихъ радостей. Теперь я одинокъ въ этомъ мірѣ, я чуждъ ему. О, мать! прощай; моя красочная юность, моя книга, моя тихія радостныя мечтанія, мои прогулки съ матерью, все прощай навсегда! Прощайте мечты и блаженныя влеченія, когда я вѣрвалъ въ близость Бога; прощай, мое дорогое прошье, прощайте, вѣрванія, влеченія на меня такую сладкую дремоту. Нѣтъ больше для меня чистаго блаженства! Нѣтъ больше прощайте, а будущее пока еще туманно!

6-го октября 1845 года по званіи семинариста Сент-Сюльпанъ спускался съ послѣдній разъ будущій авторъ «Жизни Гюгера». Онъ былъ очень коммоденъ, точно спускался съѣздой за новую рюмку, которую онъ собирался сбросить навсегда; онъ восхищенно прошелъ черезъ садикъ площадь, вкрывавшея въ гостиницу Г-на Селестина, и занялъ скромную комнату. Разлука съ душойными отцами была конечно не особенно приятна; тѣмъ не менѣе добрый Жо-Гиръ, питавшій искреннюю любовь къ нему, на прощаніе снабдилъ Романа илюзомъ предельщика ему занятій по восточнымъ языкамъ, а очаровательной аббата Домингу предлагалъ на его услуги даже себя конюшекъ и на первыхъ порахъ, казалось, принахалъ къ сердцу его интересомъ. Онъ былъ вполне увѣренъ, что его воспитанника въ концѣ концовъ вернется въ дого церкви, и круто измѣнилъ къ нему свои отношенія лишь послѣ того, какъ эта надежда не обманулась. Очевидно, прищательность Домингу на этотъ разъ ему измѣнила; онъ не созналъ Романа и упустилъ изъ вида, что гениальныя способности не поддаются точному учету. Да и самъ прославленный историкъ христіанства не могъ предвидѣть, что она совершенно вылетѣла на себя восходоаніе воспитанной и

вскормившей его церкви, что его проклянуть, как великого ересиарха, что его назвать клеветником, свистотателем и отступником. Но мы знаем уже причину, вызвавшую его разрывъ съ царскою, и этого довольно для полного оправданія Ренана. Не страсть къ женщинѣ, не денежные расчеты побудили его выйти изъ духовнаго званія, но сознательное стремленіе къ самостоятельному развитію. А человекъ, когда онъ слѣдуетъ лишь голосу совѣсти и своего призванія, когда онъ борется за право самостоятельнаго развитія, не можетъ быть виновенъ уже потому, что поступая противъ святаго убѣжденія, онъ долженъ извѣстить.

На первыхъ порахъ по выходѣ изъ семинаріи Ренану пришлось, ради ауна будущаго хлѣба, принять мѣсто ректора въ духовную коллежю Сэнсимона, директоръ котораго былъ въ то время небезызвѣстный, хотя и поверхностный писатель, аббатъ Гратри. Здѣсь впрочемъ Ренанъ пробылъ не долго; онъ во совѣсели по взглядахъ съ директоромъ и вскоре убѣдился, что не стоило вѣдать образованной семинаріи Сент-Симона на другую школу, основанную по вѣдѣхъ отклоненіемъ гораздо ниже. Онъ чувствовалъ, что ему необходимо поскорѣе вырваться изъ тѣснаго кружка аббата и коллегъ, а между тѣмъ парижскія цѣри казались ему безводной, холодной пустыней.

Первымъ старымъ знакомымъ съ церковью, онъ долго толковалъ вь снѣгѣхъ, точно послѣ смерти дорогаго человека. Съ тѣхъ поръ какъ онъ утратилъ вѣру въ безусловный догматы, все ему казалось ничтожнымъ, жалкимъ, несостоятельнымъ, точно онъ вышелъ изъ страны ангеловъ. Приходилось, уладивъ кое-какія дѣла, немедленно завязывать новыя знакомства и начинать жизнь гражданскую. Пока о немъ онъ судилъ лишь по книгамъ и былъ увѣренъ, что казачество человека не дѣйствительно, а только думать и стремиться къ возможному вѣчной истинѣ.

Къ счастью, ему не пришлось вѣснать въ это время настоящей гнетущей и безвыходной нищеты, которая близкастью доводитъ человека, оставленна въ сердце

столице горечи и лютосте жизни. Его любимая сестра Генриетта прислала ему из Польши 1200 франков на необходимые расходы по выезде из семинарии. Завладев он получил яство ректора в лицей Генриха IV, дававшее ему власть двухчасовых занятий столь и конвенту. Этого было явнй достаточно для Ренана, приученнаго духовными отцами къ свѣдѣльской простотѣ и бѣдности. Онъ занималъ эту должность втеченіи 3½ лѣтъ. Небѣ много свободного времени, онъ могъ продолжать свои занятія, не забывая несколько о заграничном дѣлѣ. Въ это время общее стремленіе къ жизни сблизило его съ 18-ти лѣтнимъ Бертело, впоследствии знаменитымъ ученымъ. Оба страстно любили науку, но стремились къ ней различными путями. Ренанъ знакомилъ своего друга съ богословіемъ и сардоничьимъ юморомъ; тотъ въ свою очередь сообщалъ товарищу о новыхъ открытіяхъ въ области естественныхъ наукъ. Не смотря на своей юной возрастъ, Бертело обладалъ уже широкими философскими взглядами. Почти все свободное время, иногда и въ дни ночи напротивъ, друзья проводили въ совместныхъ занятіяхъ и возмозможныхъ спорахъ. Они до явнаторой степени являлись будто предчувственнымъ великимъ теоріи Дарвина, Гельгольца, Тиндалла и другъ, которыхъ обогащали науку. Ренанъ жаждалъ, что посетить свои силы на изученіи болѣе трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ о значеніи религій въ развитіи человечества, — вопросовъ, рѣшеніе которыхъ возможно лишь въ далекомъ будущемъ. Но то громадное явленіе, которое онъ вскоре приобрѣлъ и какикъ не пользовался до сихъ поръ ни однимъ ученымъ естественнонаучнымъ, во всякомъ случаѣ показало налицо, что трудъ историка въ наше время не являеть тоже громаднаго значенія въ общемъ развитіи явній. Дружба съ Бертело именно помогла Ренану расшарить свой умственный кругозоръ и увести общее стремленіе современной мысли къ научному обследованію явній, т. е. къ открытію законовъ позитивной послѣдовательности въ развитіи человечества и природы. Въ сердцахъ обоихъ еще таились остатки вбро-зненій въ сверхъестественными силами, но нѣсколько ихъ

саими усложненной работы и горячих споров было достаточно, чтобы вознестись до более научного и объективного мирозерцания.

— В начале 1846 года Ренанъ сблизился съ Эггеремъ, который былъ не только его другомъ, но и руководителемъ въ трудномъ дѣлѣ изученія классиковъ. Вскорѣ затѣмъ Ренанъ сошелся съ Евгениемъ Борнуфомъ, Огюстеномъ Тьерри и Лендеромъ, которые въ значительной степени способствовали развитію его литературнаго таланта и успѣху его первыхъ научныхъ трудовъ. Особенно Тьерри, по словамъ Ренана, былъ настоящимъ духовнымъ отцомъ его; пользуясь сѣтлами этого великаго учителя, онъ довелъ свой слогъ до совершенства, устранивъ въ которомъ неудачные способы выраженія. Борнуфъ, знаменитый ориенталистъ, былъ его руководителемъ въ области спеціально-филологическихъ изысканій и даламъ изощренія самымъ лучшимъ образомъ о его монографіи по исторіи семитическихъ языковъ, представленной на премию Вольфа. Въ лицѣ Виктора Асклера онъ встрѣтилъ ученаго, по своему трудолюбію и преданности дѣлу непониженному старшихъ его учителей въ Сентъ-Симплись. Изощренія въ сотрудничествѣ съ нимъ Ренанъ издалъ капитальное сочиненіе въ двухъ объемахъ: томахъ, подъ заглавіемъ: «Исторія французской литературы въ XIV вѣкѣ». Здѣсь необходимо замѣтить, что всей дружескою отзывчивостію Ренанъ, особенно по выходѣ изъ семинаріи, соединилъ къ искреннему обаянію мысли и къ вымысловному умственному общенію. Лишь въ дощѣ сироты Гарнье, благодаря обаянію откровенной мысли, Ренанъ испытывалъ болѣе близкую чувствъ, такъно восхищался женскою граціей и красотой, которая еще такъ недавно казалась ему совершенно чуждою, лишь грѣховнымъ, дьявольскимъ обольщеніемъ. Вообще, не смотря на предвзятую застенчивость и недостатки часто идеального воспитанія, Ренанъ обладалъ довольно общительнымъ характеромъ. Онъ легко сходился съ людьми, возбѣгая однако сердечныхъ и неразрывныхъ связей, къ которымъ едва-ли былъ даже способенъ. Онъ твердо соблюдалъ женское правило

близость отъ личныхъ привязанностей, которая, съ участливо-выраженной точки зрѣнія, является какъ-бы курьезнѣе общаго христіанскаго завета—любить безразлично всѣхъ ближнихъ. Ренану всегда казалось, что исключительная привязанность, составляющая часть такъ часто слышаго пальца смотрѣть на недостатки любимого человѣка и преувеличивать его достоинства, составляетъ съ идеей высшей справедливости. А отъ, даже обрости руку и корнать всѣ истинныя связи съ католической церковью, изъ глубины души остался человѣкомъ не отъ міра сего, вѣчно мечтаннымъ о земныхъ, безсмертныхъ идеалахъ и охранявшимся во всей безразличности христіанскую нравственность. Мало того, даже по своему мнѣнію, крайне любезнымъ намеряетъ и по умѣнію ладить со всѣми, по своему удивительному пренебреженію къ житейскимъ практическимъ интересамъ и величайшему безкорыстію, по своей истинности казница отъ всегда казался лишь передѣльнымъ католическимъ священникомъ. И на самомъ дѣлѣ онъ остался навсегда чуждымъ идею, вѣрному вѣщанію бога, поклонникомъ отвлеченной вѣрной истинѣ, которой не могла поступить до сихъ поръ ни одна религія и не открыли величайшіе философы. Какъ учитель подобнаго мечтателя, съ величавымъ манерами снисходительна и съ неизвѣстнымъ пона какою, на вѣрнѣе-же порахъ заслужить дружеское расположеніе такихъ прославленныхъ ученыхъ, какъ Вюрнуфъ или Тьерри? Отвѣдно, самъ сразу угадалъ въ немъ гениальный умъ, одобрили его прозаическія воззрѣнія, и этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы оказать какой-нибудь поддержку. Возможно-ли что забудь подобнаго у насъ, гдѣ зависть и клевета преслѣдовали до могали даже такого гениальнаго поэта, какъ Пушкинъ? гдѣ такіе пенуударные писатели, какъ Влѣдскій и Добролюбовъ, укорян отъ непосильнаго труда в нищеты и гдѣ людямъ идеи приходится чуть не всю жизнь бороться съ дикою сворой всякихъ домерзновенныхъ самодуровъ? Ренанъ рѣдился поды скѣптами себѣ и поды болѣе смеланною заботой. Отъяснивая новыя пути, онъ не постигъ безсладно, не разбился объ острое подводное

кажи и сбереги для дела свои громадные силы. Съ боюшнмъ мноюмъ знаннмъ, съ выработаннымъ воишмъ литературнымъ слоюмъ и развитымъ наукою, съ изобрѣтеними, завоеванными въ борьбѣ за право свободнаго развитиа, 24-лѣтнй Ренанъ выступилъ налицомъ на литературное поприще почти одновременно въ качествѣ случайнаго сотрудника журналовъ «Journal de l'Instruction publique» (съ 1847 г.) и «L'Esprit de Paris» (съ 1848 г.) и автора монографнй по сравнительной исторн семитическихъ языковъ.

Въ 1847 году Ренанъ закончилъ въ общаю жертву свой первый капитальный учений трудъ подъ заглавнмъ: «Всеобщая исторн семитическихъ языковъ», за который онъ получилъ въ слѣдующемъ году, благодаря восточному отишу Бернуфа, Вольтеревскую премню. Это было блестящее начало продолжительнаго, неутомимой и громкой литературной дѣятельности. На возрастъ 24 лѣтъ, написаннаго собою специально-научную монографню, которая могла-бы одѣлать честь любому профессору-ориенталисту, всѣ ученые сразу обратили вниманне. Въ это время Ренанъ уже пережилъ острый пернодъ своихъ религиозныхъ сомнѣннй и началъ всюмелъ съ новнми для него полнокровнмъ и изглающаго незаконнаго писателя.

«Моя судьба моя не безпокоить,—писалъ онъ въ 1847 году,—мнѣ все равно. Я не пражку не къ одной партн. Если найдутъ единомышленниковъ—прекрасно, въ противномъ случаѣ останусь одинокимъ. Я—великий эгоиста: закнувшись къ себѣ самимъ, свѣтлсь надъ всимъ. Надѣюсь, что средству къ жизни службю всегда добить».

Въ это время онъ уже успѣлъ получить необходимую ему по вѣсто-практическимъ соображеннмъ степень бакалавра, а 33 лѣтъ отъ роду удостоился «первой награды» на конкурсномъ экзаменѣ по философи. Ему предложнли замедру въ провинци, но онъ благоразумно отказался. Онъ уже предполагаетъ, что подходящее ему мѣсто найдется лишь въ столицѣ мира, и работаетъ съ

величайшей энергией, чтобы завоевать соответственное положение на умном мире. В сентябре 1848 года журнал «La Liberté de penser» вознамерился его издать: «О происхождении человеческого рода», из которого он развиле знания ставил в общую связь с величайшей природой и картину современной деятельности разсматривать, как необходимый результат и вкратце выражение очень продолжительного исторического процесса. В 1849 году он пока принимал должность председателя в веремьском лицей. В это время рамки его литературной деятельности уже расширились. Он деятельно сотрудничает в альманахах журналов, а именно: в «La Liberté de penser» Жюль Симона, «Revue asiatique», «Journal de l'Instruction publique» и др. Впоследствии его имя поминается на страницах таких солидных органов как «Revue des deux Mondes» (сз 1851 г.) и «Journal des Debats» (сз 1858 г.). Ревиль с юных лет мечтал о литературной деятельности, никогда не думая, что его сочинения могут иметь какую либо ценность. Об этом подумав друзья начинающего автора, и, из величайшей его изумлению, в одно прекрасное утро в вечер явился один из лучших парижских издателей—Мишель Леон и предложил ему такое вознаграждение за право издания его сочинений, которое пожелалось бы автору безусловно принять. Однако, по предложению своего издателя, оно было впоследствии еще возмешено, сразавило с успехом Ревиль среди читающей публики. Рассказывая очень забавно о том, как, подписывая условие с Леон, он испытывал сожаление в потраченной гербовой бумаге, Ревиль приговаривает, что этот постраданный его издатель был ему как будто инеослава по особому декрету Провидения.

Наше дело на время, ни особенной заботности входить здесь в подробный разбор его ставших впоследствии статей, с соблюдением точной хронологии, так было, что впоследствии все эти статьи были напечатаны в виде объемистых сборников под общим заглавием: «Этюды по истории религий» («Etudes d'hi-

histoire religieuse» 1857 г.), «Критическія и этическое опыты» («Essais de morale et de critique» 1859 г.), «Современные вопросы» («Questions contemporaines») и «Новые этюды по истории религіи». Въ дѣлѣ нашемъ мы еще вернемся къ этимъ сборникамъ. Въ 1848 г. Реанкъ издалъ между прочимъ и философское сочиненіе подъ заглавіемъ «Будущее науки». Этого труда, выражающаго нѣскѣлькими идеями, изложенными нарочито безъ особенной послѣдствительности, не удовлетворилъ ни авторъ, ни его друзья, а потому вѣроятно пролежалъ въ портфелѣ болѣе 40 лѣтъ и былъ изданъ лишь въ 1890 году, когда все написанное Реанкъмъ любилъ уже грядущую глѣзность.

Мы еще остановимся на этой работѣ при изложеніи его общаго философскаго взгляда, а пока отмѣтимъ лишь, что въ ней отчасти отражено общее возбужденное настроеніе ума въ концѣ XIX вѣка и увлеченіе Реанкъ наукой, съ которой онъ еще ждалъ въ то время спасенія на тропическіе его вопросы. Знаніе, по его мнѣнію, есть перемѣннѣе ирождающаеся явленіе, истинной, естественной религіи. Когда мы безкорыстно ищемъ истины, забываемъ о мелочахъ личной дѣятельности, не забываемъ ли мы, хотя и безсознательно, Предвѣчному? Религія будущего должна явиться тѣмъ великимъ синтезомъ науки, познана и нравственности, къ которому стремится человѣчество. А идеалъ челоѣка заключается въ томъ, чтобы съ возможной полнотой осуществить въ своей личной жизни всѣ лучшія общечеловѣческія стремленія, т. е. не только добродѣтель, но и мудрость, и справедливость, и красоту. Все, что не выходитъ изъ понятія общечеловѣческаго идеала, всѣ наши низменные страсти и корыстные желанія, ничтожны и жалки и въ сущности обречены на смерть. Но, чтобы не обѣяться съ истощающаго пути, необходимо знать, въ чемъ именно заключается истинное счастье. Въ наукѣ Реанкъ признаеть единственное надежное средство къ улучшенію челоѣческой участи и обществаннаго стран, хотя и вступается въ полемику съ От. Коппомъ, проповѣдывающемъ въ общахъ чертахъ, какъ мыѣтло, ту-же идею. Виселѣд-

ствия Ревань до какой-то степени разочаровался в ее формальной науке, придавая громадное значение лишь критическому методу и свободе исследования, помещаясь на ее основу. В конце концов разочаровался Ревань и в благотворность значения великой французской революции, которую, как известно, в своем «Будущем науки» он поисторически превозносил, утверждая, что истинная история Франции начинается лишь с 1789 года и что место, где была провозглашена вечная декларация прав человека, подобно современному Иерусалиму, ибо на поклонение этому священному месту будут стекаться толпы паломников. Эта идеальная идеологическая вѣра Реваня в безграничный прогресс человечества, послѣ только что перенесенных им крушений его религиозных вѣрованій, заслуживает конечно особеннаго внимания; только благодаря ей, онъ не палъ духомъ и, продолжая неутомимо работать втеченіи многихъ лѣтъ, успѣлъ создать несомненно крупныя научныя труды по исторіи семитическихъ языковъ и по исторіи греко-арабской философіи въ средніе вѣка. Теперь мы и приступимъ къ общему очерку этихъ работъ.

Въ первой изъ нихъ, «Исторіи семитическихъ языковъ», онъ излагаетъ исторію семитическихъ языковъ, начиная съ древнейшихъ семитическихъ языковъ, какъ-то: арабскаго, персидскаго, сирийскаго, и кончая современными семитическими языками, какъ-то: арабскимъ, персидскимъ, сирийскимъ, и др. Онъ излагаетъ исторію семитическихъ языковъ, начиная съ древнейшихъ семитическихъ языковъ, какъ-то: арабскаго, персидскаго, сирийскаго, и кончая современными семитическими языками, какъ-то: арабскимъ, персидскимъ, сирийскимъ, и др. Онъ излагаетъ исторію семитическихъ языковъ, начиная съ древнейшихъ семитическихъ языковъ, какъ-то: арабскаго, персидскаго, сирийскаго, и кончая современными семитическими языками, какъ-то: арабскимъ, персидскимъ, сирийскимъ, и др.

статей. А пока, впрочем слишком далеко лѣтъ по выходѣ изъ семинаріи Сартъ - Сюльписъ, онъ почти исключительно занятъ спеціально-научными изысканіями *)).

Конечно всѣ эти труды, представляющіе несомнѣнно крупный вкладъ въ науку и написанные Ренаномъ, за небольшими лишь исключеніями, до 1850 г., т. е. въ молодости, по своему литературному значенію и вліянію уступаютъ его возмѣдующимъ историческимъ, публицистическимъ и философскимъ произведеніямъ, но вліяніемъ почти никакой научной цѣлности. Въ этомъ отношеніи умственнымъ развитіемъ Ренана представляется намъ чрезвычайно своеобразнымъ. Онъ намъ является то безмятежно вѣрующимъ деизмариетомъ, то преданнымъ наукѣ труженникомъ, то, наконецъ — философомъ и мечтателемъ. Съ годами его воображеніе и творческія силы не уменьшаются, какъ вообще бывають, а растутъ, и постоянно красочнѣеишій ученый-Ренанъ превращается въ поэта. Нѣкоторыя страницы изъ его автобіографіи, написанной уже въ глубокой старости, никогда не будутъ забыты, — столько въ нихъ поэзіи и живого, искренняго чувства. Чтобы понять Ренана, необходимо вообще рассмотреть его значеніе какъ ученаго, какъ публициста и какъ философа и даже беллетриста, какія онъ поместилъ въ различные моменты своей дѣятельности. Правда всего намъ необходимо дать свѣтлый очеркъ его болѣе значителныхъ спеціально-научныхъ произведеній. Конечно, по своему содержанію они не

*) Вотъ перечень его научныхъ трудовъ: 1) «Всеобщая исторія цивилизованнаго міра» (1848 г.), удостоенная премии Вольфа. 2) Исследования «О происхожденіи челоѣческой рѣчи» (De l'origine de la parole» 1846 г.), «О научномъ греческомъ мірѣ въ средніе вѣка» (1850 г.), «Мемуары», удостоенная 2-й награды. 3) «Амеросы и Амеросіи», историческій очеркъ (1852 г.). 4) Переносомъ изъ Вавилона: «Книга Кира» (изд. 1858 г.), «Письма Шенюей» (1860 г.) и «Славоуподобіе» (1861 г.), съ истинногениальными этюдными отыскательными планами, планами и характера этихъ книгъ, и 5) «Философская миссія», о происхожденіи Сартіа и Палестину съ научной цѣлью (1864—1874 гг.).

представляють особеннаго интереса для большинства читателей и почти не поддаются популярному изложению, но востане необходимо ихъ коснуться, чтобы, какъ слѣдуетъ, оценить дѣятельную литературную деятельность Ренана и постигнуть сущность его мировоззрѣнія.

Въ своей «Общей исторіи и сравнительной системѣ семитическихъ языковъ» (*Histoire générale et systéme comparé des langues sémitiques*), какъ она издана въ послѣднихъ, значительно переработанныхъ и дополненныхъ изданіяхъ, Ренанъ задаетъ цѣлью осуществити въ области семитической филологіи то, что Вонкъ уже сдѣлалъ для indo-европейскихъ языковъ, т. е. дать законченную сравнительную систему семитическихъ языковъ, которая благодаря возмозжа-бы, казненъ образомъ семиты послѣднимъ достигли нѣсколько неуверенно выражать свои мысли. Благодаря Ренану справился съ своей задачей, показавши уже то, что означенное его сочиненіе имѣло много изданій и пользуется большою извѣстностью даже среди германскихъ ориенталистовъ. Оно отличается несомненно теоретическимъ характеромъ. Въ превосходномъ введеніи авторъ изложилъ свой общій взглядъ на исторію семитическихъ языковъ и указалъ основные принципы сравнительной ихъ грамматики. По мнѣнію Ренана, всѣ вообще языки, будучи универсальными продуктами челоѣческаго духа, непрерывно приближаются по мѣрѣ его развитія, и потому вѣчная теорія языковъ есть въ сущности ихъ исторія. Грамматическое изложеніе необходимо должно основываться на данныхъ, почерпнутыхъ изъ исторіи литературы. Невозможно напр. описать систему еврейскаго языка, не изучивъ въ строго хронологическомъ порядкѣ древне-еврейскіе или библейскіе тексты, дошедшіе до насъ. Невозможно понять и объяснить особенностей арабскаго языка, не зная условий, при которыхъ выработывались различныя варіанты мусульманскаго міра и его литературный слогъ. Исходя изъ этого принципа, научная теорія всякой дальней группѣ язы-

ковъ складается изъ двухъ частей: 1) изъ внѣшней исторіи всѣхъ нарѣчій исследуемаго языка, изъ роли во времени и пространствѣ, изъ географіи и хронологіи, наконецъ изъ основательнаго уразумѣнія порядка и характера всѣхъ письменныхъ памятниковъ, какъ древнихъ, и 2) изъ внутренней исторіи изъ съ момента возникновения и сравнительной грамматики, реконструируемой не въ смыслѣ конвѣншнаго, мертвого закона, а какъ результатъ непрерывныхъ измѣненій въ органической связи съ жизнью и развитіемъ даннаго народа. Поэтому трудъ Ренана распределяется на двѣ части: историческую и теоретическую. Благодаря тому, что семитическіе языки отличаются прежде всего болѣе доступностью и способностью къ различнымъ перемѣщеніямъ, чѣмъ напр. индо-европейскія, установленная закономъ система изъ представляется сравнительно болѣе легкимъ дѣломъ. Но тѣмъ не менѣе, по богатству материала и по цѣнности сдѣланныхъ Ренаномъ обобщеній, его «Исторія семитическихъ языковъ» является крупнымъ научнымъ трудомъ. Первая глава ее посвящена общей характеристикѣ семитическихъ языковъ и народовъ. По мнѣнію автора, «примечательное» значеніе семитовъ въ умственомъ развитіи человечества заключается почти исключительно въ томъ, что они дали міру великую, истинно-религіозную идею, какъ, вѣрнѣе, цѣль идей, идеаловъ которыхъ и до сихъ поръ, во множествѣ многихъ мыслителей, не только еще неосознано. Но зато громаднаго политическаго значенія семитическіе народы никогда не имѣли, не включая даже древнихъ финиціанъ, прославившихся за-долго до нашей эры своимъ обширнымъ торговымъ сношеніемъ. Завоевательные дѣянія арабовъ, водрузившихъ всецѣло религіозной идеѣ, тоже въ концѣ концовъ не принесли никакихъ прочныхъ политическихъ результатовъ, именно потому, что для этого необходимо одновременное воздѣйствіе цѣлаго ряда прогрессивныхъ факторовъ, а у семитовъ вообще не было ни развитой идеологіи, какъ утверждаетъ Ренанъ, вопрямъ Штраусу, ни науки въ современномъ смыслѣ, ни философія, ибо такъ называемая

аравская философия была въ сущности греческаго происхождения. Сообразно исключительнo-религиозному настроению семитическихъ народовъ, языкъ ихъ представляется особенно приспособленнымъ для выраженія поэтическихъ и сверхъестественныхъ понятій. Это языкъ пророковъ и поэтовъ, но не политическихъ ораторовъ и не ученыхъ, потому что онъ нѣсколько односторонне, бѣденъ и недостаточно подвиженъ. Онъ метафизиченъ, но выраженію Романа. Далѣе авторъ переходитъ къ обстоятельному изслѣдованію древней языкъ народовъ въ глубокой древности и устанавливаетъ три периода въ развитіи семитическихъ языковъ и родственныихъ съ ними итеростемитическихъ многочисленныхъ вербій, изучившихъ языкъ, что называется — до тѣхъ поръ. Первая эпоха развитія — періодъ древнееврейскій; вторая — періодъ арамейскій и третья — періодъ арабскій. Въ заключеніе Романа указываетъ общіе законы развитія языкъ языковъ, которое, по его мнѣнію, является уже явнымъ законченностью. Сравнивая арабскій, то есть въ сущности еврейскій и считающъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, авторъ приходитъ къ окончательному заключенію, что верное, по широтѣ и богатству развитія, стоитъ все-таки выше вторыхъ, хотя обѣ эти расы были сомнѣніемъ должны быть отнесены къ самому высокому языку, до званія нова языка возвыситься человекъ. По мнѣнію Романа, всѣ существовавшія до сихъ поръ разновидности человеческого типа распадается на три естественныя группы: 1) низшія расы, напр. австралійцы, пигмеи, оскани, афры и т. п.; 2) расы культурныя только въ матеріальномъ отношеніи: китайцы (японцы) кушаны, ханты (напр. древніе египтяне), и 3) расы культурныя не только въ матеріальномъ, но и въ умственномъ отношеніи: арийцы и семиты. Итакъ, въ первомъ же своемъ научномъ трудѣ Романа явствуетъ реальнымъ приращеніемъ господствующей нынѣ въ наукѣ теоріи всеобщаго развитія.

Въ 1859 году Ренанъ, по порученію академіи надписей, отправился съ научною цѣлью въ Италію, гдѣ успѣлъ собрать значительные материалы по вопросу о вліяніи греко-арабской философіи на итальянскихъ схоластиковъ и на систему философскаго преподаванія въ Падуанскомъ университетѣ до XVII вѣка. Повидимому молодой ученый до такой степени былъ увлеченъ своими специальными изысканіями, что не могъ, какъ събудеть, наслаждаться новыми для него впечатлѣніями этой прекрасной страны, ея роскошной природою, чудными памятниками средневѣковой архитектуры и великолѣпными картинными галлереями. По крайней мѣрѣ объ этомъ вѣтъ ни слова въ его многочисленныхъ воспоминаніяхъ, тогда какъ о побѣдѣ его въ 1875 году на конгрессѣ въ Палермо написано довольно подробный отчетъ, запечатлѣнный въ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Mélanges d'histoire et de voyages». Въ 1851 году, по возвращеніи въ Парижъ, онъ былъ назначенъ управителемъ національной бібліотеки по отдѣлу рукописей и, достигнувъ накомандѣ нѣкотораго матеріальнаго обезпеченія, поселился въ скромной квартирѣ на улицѣ «Val-de-Grâce» со своей старшей сестрой Герроттой. Кажется, можно было вѣрить Ренану, что эта, назначенная для него сѣвильскій путеводимымъ малюкомъ въ самомъ трудная и опасная минута жизни, женщина отличалась дѣятельно-любовническимъ уклономъ. Она очень успѣшно подготовила когда-то своего маленькаго брата въ духовный колледжъ, затѣмъ, послѣ того какъ онъ убѣдился въ необходимости оставить духовную карьеру, она горячо поддерживала его и добрымъ словомъ, и денежной помощью, хотя, начиная въ то время скромное мѣсто гувернантки гдѣ-то въ Польшѣ, не могла сдѣлать особенно крупныхъ сборовъ. Кстати здѣсь замѣтимъ, что и съ старшимъ братомъ своимъ Аленомъ, человекомъ очень способнымъ и энергичнымъ, Ренанъ былъ связанъ до послѣднихъ его дней сердечной братской дружбой. Замѣтительный литературный успѣхъ, вскорѣ вышавшій на долю Ренана, доставилъ ему, кромѣ славы и нѣкотораго достатка, еще возможность приютить подъ своей кровлей не только любимую сестру, но и преста-

рскую, большую мать, которая в конце концов превратилась с отпадом сына от духовной карьеры, убившись, что его прелестьная личность при этом не сколько не пострадала, и что она, сбросив расу, осталась из сущности служительницей своего Бога. Конечно, она не могла понять сущности искривлений своего сына, но тем не менее она прекрасно по своему, как мать, его понимала. В удивленной конвульсии, куда мать изредка допытывала глухой шум парижского движения и своим полузамышленным оком едва проникала марширующий областью уличных фонарей, старушка рассказывала по вечерам великому писателю чудеса брестского бедствия и делилась с ним своими воспоминаниями о давно скончавшихся друзьях. Но смерти на земле страдания, до последних дней она сохранила свое прожденную жизнь и веселость. За несколько часов до смерти она еще шутила.

* * *

В 1852 году вышло замечательное историческое исследование Ренана под названием «Алорозия и Алорозия», имевшее крупный и вполне заслуженный успех. Оно посвящено мало исследованному и очень трудному вопросу о судьбах греко-арабской философии с момента возникновения ее в III в. В этом случае Ренану пришлось потратить немало времени на розыски нежданных документов, хранящихся в итальянских и отчасти парижских архивах и библиотеках. Кроме работы Мунка и Горе, посвященных этому же предмету, у него не было почти никаких иных пособий. Но знание арабского языка и циничные указания таких известных ученых, как проф. Кузель и Виктор Леклерк, в значительной степени способствовали успеху его труда, основного почти сплошь на совершенно новых и самостоятельных исследованиях. В это время Ренан особенно увлекался историческим методом, которому он придавал вообще громадное значение в развитии науки. В предисловии к своему труду он говорит, что

история есть необходимая форма познания всего, что подчинено всеобщему закону причинности и развития». А что-же так или иначе этому закону не подчинено? Съ этой точки зрѣнія философія сведется въ сущности къ исторіи господствующаго въ различныя эпохи философскихъ ученій. Средніе вѣка являются моментомъ наибольшаго упадка науки и рационализма, а печальная участь греческо-арабской философіи въ XII в. особенно интересна. Ренанс уже потому, что это были одинъ изъ самыхъ раннихъ и крупныхъ эпизодовъ вѣковой борьбы духа познания съ всеобщимъ суеверіемъ и нечеловѣчностью,—борьбы, которая еще не завершилась и въ наши дни... Какъ известно, аверроэсъ явился въ сущности смѣлой попыткой перенести въ средне-вѣковой міръ древне-греческую философію. Основателемъ этой школы, жившій въ XII вѣкѣ, арабскій ученій Ибнъ-Абу-Рисдъ, повѣстный больше подъ именемъ Аверроэса (родился 1149 † 1198), былъ приверженцемъ Галена и почитателемъ Аристотеля, къ учению котораго онъ составилъ отличную комментаріи. Въ своей речевѣ съ Ибнъ-Газаломъ онъ старается сравнить свое философское міровоззрѣніе съ Кораномъ. Напрасная надежда! XII вѣкъ не могъ осуществить великой мечты всѣхъ благоразумнѣйшихъ умовъ и проницательнѣйшихъ вѣровъ. Недаромъ слѣды вѣтеранской правды еще и понынѣ существуютъ. Секоръ подъ вліяніемъ народнаго фанатизма греческо-арабская философія безслѣдно исчезаетъ изъ вѣдѣхъ мусульманскихъ школъ. Исламъ не могъ ужиться даже съ тѣмъ наука, которая казалась столь чуждой и ненужной свободъ мыслительнымъ побужденіямъ арабамъ.

Аверроэсъ является имъ типомъ мудреца, непонимаемаго темной фанатической толпой и великаго въ своемъ уединеніи, безвыходномъ одиночествѣ.

А между тѣмъ арабская философія въ XII вѣкѣ стояла гораздо выше европейской. Греческая наука играла въ средніе вѣка такую же роль у арабовъ и персовъ какъ и сегодня, какую современная наука играетъ на Востоцкѣ; она могла бы повліять на людей и укре-

денія того времени, болѣе не встрѣтила непреодолимыхъ препятствій въ Ремахъ. По ижею Ремана, это безслѣдное возмужаніе дѣлалъ великой философской системы является чуть-ли не единственнымъ явленіемъ въ исторіи. Средневѣковая католическая церковь тоже враздѣбно относилась къ наукѣ и ученіямъ, безпощадно сожигая такихъ великихъ мыслителей, какъ напр. Джердано Бруно, на кострѣ и утружая смертью Галилею, но эта жестокость коренилась лишь въ сердцахъ фанатиковъ, а не въ духѣ христианства, и оттого среди европейскихъ народовъ возникло просвѣщеніе, хотя и медленно и съ большимъ трудомъ, все-же шла впередъ. Реманъ подробно изясняетъ, какъ образовался аверроизмъ, какъ проникъ въ средневѣковую школу, и указываетъ на надвигавшуюся роль въ этомъ отношеніи знаменитаго талмудиста Моисея Маймонида, пользовавшагося громаднымъ авторитетомъ въ средневѣковой литературѣ. Особые отдѣлы книги посвящены обстоятельному изслѣдованію судьбы аверроизма среди арабовъ, среди схоластиковъ въ Барнсконъ и падуансконъ университетахъ, указаны первые периоды Аверроеса въ заключеніи для его учениа падуанской философской школы, свито хранившей традиціи Аристотеля и схоластическіе принципы до половины XVII вѣка. Кроме того не оставлено безъ вниманія и влияние аверроизма на средневѣковое искусство и на медицину, въ которой образовалась, благодаря Аверроесу, даже самостоятельная школа съ Петромъ д'Абано во главѣ. Наконецъ очень подробно разобраны и изображенія противъ аверроизма, сдѣланныя школой платониковъ и гуманистовъ, особенно извѣстныхъ Пьеръ де-Мирамдомель.

Такое значительное историческое изслѣдованіе, основанное на самостоятельныхъ изысканіяхъ и документахъ, отчасти впервые изданнымъ въ приложеніи къ книгѣ Ремана, упрочивъ за нимъ славу первоизслѣдателя ученаго. Въ 1856 году онъ былъ избранъ въ Академію Націй, на мѣсто его покойнаго друга Огюста Тьерри, и вскорѣ затѣмъ женился на дочери нидерландскаго живописца Анри Шеффера, племянницѣ замѣнителя Ари

Шеффера. Знакомство съ этой прекрасной семьей Ренанъ обязанъ своему другу Тьерри. Бракъ Ренана можно назвать исключительно удачнымъ и даже счастливымъ. Г-жа Ренанъ не только рѣдкимъ исключеніемъ среди женъ великихъ мыслителей и ученыхъ и не оказала особеннаго вліянія на философскую и литературную дѣятельность своего мужа, но зато она была для него на всю жизнь преданной подругой и принесла ему домашнее счастье и довольство, столь необходимыя для того, чтобы съ успѣхомъ работать. Существованіе Ренана было счастливо и смирно не только славою, но и любовью всѣхъ самыхъ близкихъ людей, любовью матери, сестры, жены и дочери. «Я воспитался подъ вліяніемъ женщины и священниковъ, — пишетъ Ренанъ, — въ этомъ отношеніи концы достоинства и недостатковъ». И въ этомъ отношеніи вся тайна счастья, вытекающаго изъ его доли. Благодаря воспитанію, онъ избѣгалъ несчастія, преслѣдующаго всѣхъ исключительныхъ людей, — особеннота и одиночество.

* * *

Въ 1858 году появился прекрасный переводъ «Книги Іова» съ очень подробными критическими замѣчаніями Ренана относительно языка, эпохи и характера этой поэмы. Два года спустя издѣлано подобное же изданіе «Псалма Псалмій» и наконецъ въ 1881 году выданъ «Дилематъ». Переводъ этихъ книгъ не отличается, по отзыву самого Ренана, особенной точностью, но зато замѣчателенъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Общий характеръ подлинниковъ переданъ съ удивительнымъ искусствомъ, слогъ съ внѣшней стороны не оставляетъ ничего желать.

Но комментаріи Ренана, особенно относительно эпохи возникновенія этихъ произведеній, вызвали сильное неудовольствіе въ клерикальскомъ лагерѣ. Въ нихъ высказаны взгляды на происхожденіе въ некоторыхъ отдѣлахъ Вавилія, послужившіе для Ренана ближайшимъ поводомъ къ оставленію семинаріи и несогласіе съ ученіемъ католической церкви,

благотелью зная, женщина и всѣхъ благо возникла. Но какъ всегда бываетъ съ подобными людьми, отъ въ то же время и большой скептикъ, весь жизненный опытъ котораго заключаетъ въ его изысканныхъ историческихъ сличеніяхъ: «суета суета и все суета». Дружба, любовь, власть, богатство, добродѣтель, мудрость, общество, царь, народы, судья,—все это кофачишко, какъ сова, а все въ концѣ концовъ, представляетъ лишь страданіе и обманъ. Прогресса нѣтъ, по мнѣнію Канта. Миръ—лишь рядъ явлений, несущихся въ безумной круговой палекѣ и потому вѣчно возвращающихся къ своему источнику. Отъ будущаго ждать нечего: оно безслѣдно сольется съ настоящимъ и минувшимъ. Въ чемъ помыслила лучшая, когда по своей природѣ человекъ такъ помещена, ограничена и несправедлива, а мы, пришедше всему живущему, какъ сорная трава, заслуживать всѣ благо нехотимъ. Конечно существованіе Бога неосмыслено. Онъ не устаетъ въ своемъ безконечномъ творчествѣ, но Его дѣла непостоянны. Необходимо признаться передъ этимъ всемогущимъ существомъ, но было-бы большою ошибкой предположить, что Онъ хоть сколько-нибудь интересуется человѣческой судьбой, и что мы въ состояніи когда-нибудь проникнуть въ его намѣренія. Какая дерзость тайну бытія опредѣлять двумя, тремя словами, стремиться къ глубокому либо заключить въ нухомый горшокъ и судить предписывать законы! Таково въ общемъ чертахъ содержаніе Канта.

Рецензъ задается вопросомъ, насколько вѣрнѣе общепринятое мнѣніе, что это произведеніе, насквозь проникнутое скептицизмомъ и отчаяніемъ, принадлежитъ царю Соломону, т. е. насколько въ эпоху славнаго подъема древне-еврейскаго религиознаго духа. Возможно-ли допустить, чтобы личность автора до такой степени обособилась отъ своего народа и своей эпохи? По мнѣнію Ренана, подобный вопросъ съ научной точки зрѣнія можетъ быть рѣшенъ только отрицательно. Но вслѣдъ за тѣмъ, путемъ очень остроумныхъ сопоставленій и соображеній, авторъ приходитъ къ еще болѣе контрастному выводу, что Кантъ есть произведеніе какого-то еврей-инку-

рейца или садукка, жившаго въ I вѣкѣ до Р. Хр., т. е. въ разгаръ религиозныхъ страстей и смутныхъ ожиданій грядущаго всеобщаго міра и пришествія Мессіи. Правда, въ то время еврейская аристократія, т. е. большинство садукковъ, уже усвоила древне-эллинскія воззрѣнія и прониклась скептицизмомъ, но почему-же въ такомъ случаѣ невозможно допустить, хотя-бы въ видѣ исключенія, существованіе одного философа-скептика и въ кругу Соломона? Дѣло въ томъ, что при отсутствіи положительныхъ данныхъ, проникая все глубже и глубже въ область фантастическихъ предположеній и догадокъ, не трудно обитать окончательно съ пути. Ренанъ во Франціи въ свое время явился чуть-ли не одностороннимъ ученымъ представителемъ скептицизма; обладая во истинѣ громадной эрудиціей, онъ имѣлъ самостоятельную путевку и въ критикѣ библейскаго текста («Вопросъ Юва»), «Писаніи Птоломей», «Эклезіаста» разошелся съ традиціонными воззрѣніями. Насколько онъ былъ правъ—это вопросъ, неразрѣшимый въ самомъ безусловномъ очеркѣ. Но общее направленіе его научно-литературной дѣятельности не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Очевидно, оно заключается прежде всего въ критическомъ изслѣдованіи началъ господствующей инакъ религіозной системы. Подобное изслѣдованіе имѣеть громадное значеніе уже потому, что оно открываетъ, выясняетъ и смягчаетъ тѣ ужасы противорѣчій между какою-либо наукою и вѣрой, въ которыхъ заключается источникъ величайшихъ страданій для всякаго мыслящаго и жаждущаго истины человѣка. Ренанъ былъ несомнѣнно такимъ человекомъ, познавшимъ всю сладость вѣры и всю горечь религиозныхъ сомнѣній и разочарованій. Вотъ почему синтезъ религіи, науки и поэзіи является для него высшимъ идеаломъ человѣческаго развитія, о которомъ онъ говоритъ съ такимъ увлеченіемъ въ своемъ первомъ философскомъ произведеніи. Стремится осуществить свою ювенильскую мечту, онъ очевидно не могъ довольствоваться специальными эпистемическими изслѣдованіями и вскорѣ приступилъ къ созданію своей «Исторіи веры и науки христіанства», заключающей въ себѣ сущности сѣдой копыт-

древн. и египт. древн. монетъ для историческаго музея въ Парижѣ; записка о древн. монетъ Финляндии, 1843 г.

Путешествіе въ Финляндію въ 1843 г. (въ 1844 г. въ Парижѣ).— Путешествіе въ Финляндію въ 1843 г. (въ 1844 г. въ Парижѣ).— Путешествіе въ Финляндію въ 1843 г. (въ 1844 г. въ Парижѣ).

У.

Путешествіе на Востокъ.—Смерть Гейсгофта.—Возвращеніе въ Парижъ.—Вступительныя лекціи въ Collège de France.—Подача въ Ассизы.—Трудъ Ренана по исторіи религіи.

Въ май мѣсяцѣ 1840 года Ренанъ, благодаря Сентъ-Бѣву, задвинутому съ правительствомъ Наполеона III, былъ командированъ на Востокъ для изслѣдованія памятниковъ древне-финскійской цивилизаціи. Дѣятельность Ренана по исполненію возложеннаго на него порученія подробно описана въ обширномъ его трудѣ подъ заглавіемъ «Mission en Finlande» (880 стр. in 4°, съ особыми приложеніями въ видѣ таблицъ). По странному стеченію обстоятельствъ, почти въ тотъ-же день, когда Ренанъ получилъ отъ Наполеона III приказаніе объ этой командировкѣ, въ Ливоніи вспыхнули беспорядки и произошли убійства, вынужденныя французское правительство послать въ Сирію значительный отрядъ. Благодаря этому, Ренанъ могъ воспользоваться одобреніемъ французскихъ судей для свободныхъ раскопокъ на мѣстѣ. Не имея съ собою помощниковъ изъ Франціи, онъ уже по прибытіи на мѣсто встрѣтилъ прекраснаго сотрудника въ лицѣ французскаго врача Гильярдо, прожившаго въ Сиріи болѣе 20 лѣтъ и усѣбшаго мнѣніемъ ознакомиться съ мѣстными условіями. Въ первыхъ числахъ октября 1840 года Ренанъ прибылъ въ Вейрутъ и, во время времени, съ дѣльно ознакомленія въ общія чертахъ съ характеромъ страны и съ условіями предстоящей работы, совершилъ двѣ предварительныя поѣздки отъ Вейрута до Сада (древн. Сидонъ) и Гебелъ (древн. Вавилонъ). Затѣмъ стеченіемъ года великій ученый неутомимо работалъ, руководя значительными раскопками въ извѣстныхъ пунктахъ, знакомая во время постоянныхъ раз-

задача съ правами обитателей и видами страны, которую она впоследствии так художественно изобразила в своей истории христианства и еврейского народа.

Исследование памятников древне-финикийской цивилизации во всех отношениях явилось не легкой задачей. Решить ее волею Решать не удалось; он задумал целью пока лишь доказать, что финикийская археология возможна, и дать руководящую нить для будущих исследований. Благодаря исключительно неблагоприятным историческим и географическим условиям, следы древне-финикийской цивилизации были почти совершенно утрачены во время тысячелетней беспощадной борьбы разных народностей за обладание этой некогда процветавшей, а ныне обезлюдненной и пустынной страной. Семьдесят, возмущенные ее сь незамысловатым временем, вообще не любят и не ценят древних памятников. По словам Решаля, арабы не только не знают, как найти или барельефы у араба ценятся прежде всего жемчуге уничтожить их или спрятать куданибудь в тайном. В Триполи напр. ученый путешественник нашел прекрасно сохранившийся древний саркофаг, служивший местом погребения, причем известна сторона этого памятника, богато украшенная резьбой, но принадлежность известий, была прислана к глухой камешной ступе. Несмотря однако на подобные неблагоприятные условия. Решаль успел, особенно в окрестностях Тира и Сидона, открыть и собрать массу очень ценных памятников, а именно: древних урн, монет, надписей, саркофагов, сосудов, орудий, статуэток, барельефов, и сделать много снимков и чертежей. Все это хранится нынче в Луврѣ. Путем самых тщательных изысканий Решаль пришел к очень важным и ценным выводам относительно характера и эпохи древне-финикийской цивилизации, которая, к некоторым отношениям не уступая древне-греческой, отличалась от последней сравнительно очень слабым развитием идеи красоты. В древне-финикийских памятниках замечается напр. полное отсутствие колонн, представляющих такую возвышенную прелесть древне-греческим храмам и теат-

раств. Финикияне впрочемъ и не обладали такими колоссальными материалами, какъ пестельскій храмъ, а потому отчасти икъ даже впоследствии не удавались подражаніи древне-греческому стилю.

На основаніи собраннаго археологическаго матеріала Ренанъ, вопіе не отрицая факта преемственности древне-греческой культуры, возникшей въ силу взаимострожанія съ Востокомъ, настаиваетъ на самостоятельности древне-греческаго искусства и философіи. Въ этомъ смыслѣ Греція стоитъ особнякомъ. Она впервые открыла истинный идеалъ красоты, она дала человѣчеству понятія истиннаго и прекраснаго, точно такъ же, какъ христіанство привнесло идею добра. По мнѣнію Ренана, напротивъ, фаназійское искусство носило по преимуществу подражательный характеръ. Въ самой глубокой древности страна Ханаанъ была обсеяна камитами. Приблизительно за 3000 л. до нашей эры, въ Финикіи водворилась раса, аналогичная съ той, которая занимала территорию Египта, а говорила на языкѣ близкомъ къ коптскому. Въ эту эпоху взаимострожанія или отсюда съ той стороны, откуда пришли и завоеватели. Загнаны, около 2000 г. до Р. Хр., Финиція сдѣлалась добычей фидеящихъ самитовъ, а къ ней получала преобладаніе теганитскій или египетскій языкъ. Около 400 л. до Р. Хр. раса совершенно перемѣнилась. Финиція была паводима продуктамъ древне-греческой и особенно родосской культуры. Древній Сидонъ получалъ икъ Родоса всѣ произведенія промышленности и искусства. Конечно при такихъ условіяхъ не можетъ быть уже рѣчи объ исключительномъ поддѣствіи древне-фаназійской цивилизаціи на древне-греческую. Такими въ общемъ чертахъ результаты фаназійской исторіи.

Часть осени 1861 года Ренанъ провелъ въ хлопотахъ по отправкѣ во Францію своихъ гражданыхъ вещей. Наибольше предметовъ была уже нагружена на суда. Любимая сестра Ренана — Генриетта, сопровождавшая его въ этомъ трудномъ путешествіи, не смотря на разстроенное здоровье и большой упадокъ силъ, не захотѣла покинуть брата на чужбинѣ. Наво-

еще задуманное крупное Дело казалось замершим, оставалось лишь ожидать день отъезда, как вдруг, 20 сентября, из прибрежного селения Амьенъ ужасный приступ лихорадки свалил Ревана. Одновременно заболела его сестра. Когда на третий сутки она пришла из себя, то не увидела больше Генриетты: она скончалась. Мы уже знаем, какую громадную роль она играла в его жизни. Ея смерть наложила глубокий отпечаток скорби на все последующия его воспоминания объ этом времени. Памяти Генриетты она посвятила особое предисловие къ своему предисловию своему сочинению, сверкающему особенными красками юга, но безжизненно, как и природа Палестины. Это предисловие в небольшой переклад под заглавием «На память тебе, кто знала ее», изданный только для друзей въ количестве 100 экземпляровъ, по своимъ литературнымъ достоинствамъ быть-можетъ выше самой блестящей проповеди Ревана. Она проникнута какой-то гениальной прелестью и гармонией.

Всё это о смерти Генриетты сильно поразило и г-жу Реванъ; она посвятила къ мужу съ сестрою Ари, по Реванъ, несколько оправившись отъ своей болезни и глубоко нравственного потрясения, уже возвращалась на родину. Вскорѣ по прибытии въ Парижъ она получила орденъ почетнаго легиона, а въ февралѣ слѣдующаго года состоялась вступительная лекція Ревана въ Collège de France, гдѣ онъ былъ назначенъ профессоромъ по кафедрѣ еврейскаго, халдейскаго и сирійскаго языковъ, на мѣсто своего покойнаго учителя, заслуженнаго ученаго Катрмера. Это назначение глубоко встревожило еврейство. Реванъ уже былъ тогда известенъ, какъ свѣдѣль и толкователь библейскихъ текстовъ и ученый исследователь, но отблескивавшая у него практическая способность. На его первую лекцію, посвященную вопросу о роли семитическихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи, собралась громадная толпа, переполнившая не только аудиторію, но и корридоры университетскаго здания. Реванъ ограничился лишь общими соображеніями и не привнесъ на

одного слова, которое могло-бы оскорбить итрузскихъ. По его мнѣнью, семитическіе народы не внесли ничего самостоятельнаго ни въ науку, ни въ политику, ни въ искусство, ни въ философію. Но зато они впервые возвысились до великой идеи — выразить каждый членораздѣльный звукъ особымъ знакомъ и догадываться бесчисленное этихъ знаковъ до небольшого числа (22). Фонемакъ собственно и послужила прочнымъ основнымъ для развитія письменности, а вместе съ тѣмъ — и для дальнѣйшаго прогресса въ области слова или литературы. Но въ другомъ отношеніи заслуга семитовъ еще замѣлительнѣе: они дали человѣчеству религію, которая въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи среди индо-европейскихъ народовъ стала совершеномъ идеаломъ добра, красоты, истины и справедливости. Религія назвала Христа божественнымъ существомъ, общечеловѣческой «религіей духа». — «религія, доступная всѣмъ расамъ, стоящей выше всякихъ вѣствъ, религія личной и безусловной».

Не смотря на сдержанность и тактъ лектора, въ клерикальномъ лагерѣ воздвигался воображаемый гвалтъ; была предпринята коммунистическая демонстрація. Ренану пришлось оставить кафедру. Въ то время министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ свободомыслящій Дюрин, но онъ не успѣвалъ подѣлывать вліятельныхъ обществанныхъ классовъ. Сначала чтения Ренана были лишь временно приостановлены, но послѣ обнародованія «Жизни Иисуса», въ 1863 году, у его враговъ оказались уже формальные доводы для обвиненія ученаго въ безвѣрїи и нечестїи: онъ отвергалъ божественную природу Христа и вообще великое проявленіе сверхъестественной силы въ его жизни, подвизгахъ и чудесахъ, пытался все это свести къ вліянію общахъ историческихъ причинъ. Даже порочное правительство Наполеона III сочло нужнымъ выказать свое негодованіе: послѣ внесения проколочка, въ 1864 году Ренанъ официально лишился кафедры, предложивъ замѣнить ее другимъ мѣстомъ продіе епископа, отъ которой онъ

конечно отказался, объяснив, что ему не даны пухом.

Протест Ренаня против такого грубого ограничения свободы научнаго исследования и критики, изложенный въ его брошюрѣ подъ заглавиемъ: «Катедра еврейскаго языка въ Collège de France» (изд. 1862 г.), несколько не повлияло на его преслѣдователей, хотя они должны были конить, что нельзя такого таланта, какъ Ренань, обвинять въ безверіи и неверіи.

«Чѣмъ болѣе я живу,—говоритъ онъ-между прочимъ въ этой брошюрѣ,—тѣмъ сильнѣе привлекаютъ меня великая міровая тайна, которая навсегда сохраняетъ свой глубокий смыслъ и свою чарующую мощь. Мы окружены со всѣхъ сторонъ безвѣстностью... Бога открываютъ намъ черезъ наше сердце... Это сознаніе возникло въ высочайшихъ отношеніяхъ къ безвѣстному, глубоко впечатлѣнное въ каждую личность, и есть источникъ всего добраго, великой любви и великой радости. Религія мѣна. Въ тотъ день, когда она исчезаетъ, зачашеть и сердце человечества».

Но конечно развращенная николаевская Франція была далека отъ пониманія подобнаго идеальнаго воззрѣнія, и лишь въ 1870 г. президентство національной обороны возвратило катедру Ренану. Съ тѣхъ поръ онъ не прекращалъ своихъ лекцій до конца жизни, постоянно привлекая многочисленныхъ слушателей не только блестяще своего великаго имени, но и благородной простотой изложенія. Даромъ слова онъ обладалъ не въ меньшей степени, какъ и литературнымъ слогомъ. Своєю искренностью онъ буквально очаровывалъ не только своихъ читателей, но и слушателей.

* * *

Въ 1865 году Ренанъ посетилъ Афины. При видѣ Акрополя онъ испыталъ такое сильное впечатлѣніе, въ сравненіи съ которымъ все прошлое показалось ему блѣднымъ и ничтожнымъ. И странно, только здѣсь, по его словамъ, онъ впервые почувствовалъ всю силу дремлющихъ въ глубинахъ души воспоминаній и сожалѣній

назад. До сих пор ему как-то никогда было не задумываться над своим прошлым, ни наслаждаться жизнью. Вся молодость его прошла, как средневековой ученик, затворником, в стенах монастыря, за книгой. Потом настало время тяжелых неслучайных, упорной борьбы и освобождения, время неутомимой научной деятельности и дружеского общения с такими замечательными людьми, как Вернуф, Курциус и Тюрри. Вокруг имя Ренана стало тоже замечательным, а слава часто заставляет забыть о таком прошлом... Походы в Сирию и Палестину с научною целью еще больше отвлекли его от мирских забот. В святой стране великих преданий и чудес он испытывал столько новых впечатлений! Будничная безличная жизнь оказывалась для него так же далека, как и в то время забыты все заботы дня. Считаясь во Палестине, он как будто снова переживал те чудные евангельские рассказы, которыми так увлекался в юношеские годы. По близким часам он метался у подножия той горы, откуда, по преданию, Иисус в первый раз явился избранному народу, или воспеивался цвѣтущими полями Карсеан, вслѣдственными самимъ Богомъ! Но все эти впечатлѣнія не трогали его сердца, быть можетъ потому, что онъ въ это время уже не веровалъ въ чудо, не ждалъ отъ Бога искупленія, ни участвія въ человеческой судьбѣ. Онъ не допускалъ, чтобы въ этомъ жалкомъ мирѣ возможно было осуществленію идеи добра, истины и красоты. Но вотъ на ряду съ великими чудомъ, в которыхъ онъ читалъ въ Библии, — чудомъ, совершавшимся когда-то среди людей, онъ вдругъ увидѣлъ чудо, если не добра, то красоты, бессмертное созданіе греческаго геника — Акрополь! — произведение, которое могло жить лишь въ античномъ мирѣ, которое для насъ лишь памятникъ великаго, но вечный памятникъ, потому что въ немъ мы видимъ типъ чистой красоты, освобожденный отъ всего случайнаго, временнаго и національнаго! Конечно гораздо раньше Ренанъ уже пришелъ къ убѣжденію, что въ древней Греціи зародились наука, искусство, философія и цивилизація, но только при видѣ Акро-

револю онъ постигъ великій великое значение древне-греческаго гениа и вновь испытала откровеніа безсмертнаго, которое уже коснулось его въ ту минуту, когда онъ съ высоты Касіуна широкимъ увидѣлъ долину Іордана, и передъ нимъ какъ будто открылись всѣ великія евангельскія преданія. Но впечатлѣніе при видѣ Акрополя было гораздо сильнѣе, потому что здѣсь, въ израѣльскіи Ревана, онъ вдругъ постигъ то, о чемъ прежде не смѣлъ мечтать: предъ нимъ явился «идеальнѣйшій, точно застывшій въ сверкающихъ кристаллахъ восточнаго мрамора». Въ сравненіи съ этой дивной красотой весь міръ показался ему ничтожествомъ и пошлостью.

«Римляне были лишь грубыми солдатами,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—величіе Агосты и Траяна когда казалось мнѣ лишь оубо въ сравненіи съ благородной простотой городскихъ и селенныхъ эллиновъ и гражданъ. Величіе, героизмъ и слава представляются мнѣ рядомъ съ ними чѣмъ то вроде развитыхъ синевъ, части впрочемъ испорченныхъ цивилизаціей. Все, что я зналъ до той минуты въ области художественнаго творчества, показалось мнѣ лишь жалкимъ унаслѣдіемъ іудейскаго искусства, сочетаніемъ рококо съ вышеченной скульпой, карикатурой и шарлатанствомъ».

Словомъ, и здѣсь Ренанъ, какъ всегда, является послѣдовательнѣйшимъ идеалистомъ. Все умельмаое развитіе человѣчества, съ его гонка зрѣнія, сводится къ осуществленію вѣчныхъ идеаловъ истины, добра и красоты. Экономическій прогрессъ, политическая свобода, благосостояніе массы, государственная власть—все это лишь второстепенные факторы цивилизаціи. Вотъ почему Ренанъ принималъ такую исключительную, провинциальную роль въ исторіи человѣчества, будучи въ дѣлѣ: она явилась представителями вѣчныхъ идеаловъ въ области религіи и искусства. Путешествія въ Палестину, а затѣмъ въ Грецію, доставившія Ренану столько новыхъ, свѣтлыхъ впечатлѣній и означавшія такое сильное вліяніе на всю послѣдующую литературную его дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали и упроченію

его историческаго міросозерцанія. Цѣль его замысливъ заранѣе была извѣстна: Юден, Греція, по мнѣнію Ренана, явились некоею ареною величайшихъ историческихъ событій. Они съ глубокимъ сожалѣніемъ сознавали, что не были подготовлены къ великому труду по исторіи древне-греческой культуры, но зато они вполнѣ обладали всѣми необходимыми знаніями и гражданскими матеріалами для того, чтобы изнестъ «исторію израильскаго народа и первыя вѣковы христіанства». По замыслу Ренана, «Жизнь Исуса» была выдуманна имъ еще до выхода изъ семинаріи. Лучшіе свои годы онъ посвятилъ на исполненіе сего долга и издала дѣла такую полную исторію различія монотеизма и христіанства, въ которой всѣ событія представлялись бы въ нихъ естественной естественной связи и не было-бы сомнѣній допустить необходимость сверхъестественнаго чуда.

Съ нѣмецкой стороны задача эта несомнѣнно исполнена. Ренанъ — издалъ «Исторію первыхъ вѣвовъ христіанства» (1868—1881 гг. 7 том.) и свою «Исторію израильскаго народа» (1887—1892 гг. 6 томовъ). Трудъ этотъ, съ прибавленіемъ 2 томовъ его «эпохою по исторіи религій», составляетъ значительную долю всего литературнаго наслѣдства, оставшагося Ренаномъ. Отметимъ, впрочемъ о томъ, насколько этотъ трудъ соответствуетъ современнымъ научнымъ требованіямъ, имѣеть крупное значеніе для общей оцѣнки его литературнаго и научнаго значенія. Поэтому постараемся прежде всего отвѣтить на поставленный выше вопросъ. Въ протестантской Германіи уже давно, споконѣво и не торопясь, такие ученые, какъ Экхторъ, Габлеръ, Фатеръ, Врину Вазеръ, Эвальдъ, де-Ветте и мног. друг., трудились надъ критическимъ изслѣдованіемъ Библии. Эти изысканія, предпринятые подъ вліяніемъ историко-критической филологіи, основанной на данныхъ археологіи и сравнительной филологіи, имѣли по большей части строго-спеціальныя характеръ, а потому вѣроятно не производили большого шума, пока въ это дѣло не вмѣшался сѣбѣйскій метафизикъ, каѣбскій докторъ Штраусъ. Книга его подъ заглавіемъ «Жизнь Христа», написанная въ духѣ Гегеля, дѣйстви-

только задыхалась немалю шума, но, как и сознание Ренана, была суровой критикой со стороны ученых-специалистов. Дело в том, что Штраус стремился отождествить, с чисто метафизической точки зрения, историю происхождения религии с историей идеи. Бог, по его мнению, проявляется лишь в конечном, т. е. в мире, а потому немалым, как нечто безначальное, вне всякого бытия. В чем же заключается абсолютная истина? Человек не может представлять, поскольку он конечен; Бог сам не себя, по словам Огю Контанта, лишен реальности. Бог почему-то истинно, действительно бытие духа не есть ни Бог, ни человек, а Бого-человек. С тех пор как человечество достигло зрелости настолько, чтобы на этой ступени основать единственную разумную религию, все сводится к идее такой совершенной личности, которая могла бы олицетворить идею Бого-человека, подверженного, подобно человеку, страданиям и смерти, но лишенной от того, единственно лишь силой духа, господствующего над всей природой. Конечно этот метафизический Бого-человек-Христос не имеет ничего общего с действительностью.

Ренань отчасти лишь воспользовался трудней Штрауса и, так называемой, теистической школы. В своих замечаниях он руководился не столько метафизическими, сколько историческими соображениями. «Вот как сказано, — говорит он в предисловии к «Жизни Иисуса», — необходимо таким образом сопоставить тексты, чтобы из них получалось последовательное и правдивое изображение, в котором не было бы ни одного фальшивого звука. В этом заключается лучший признак того, что последователь не разошелся с истиной». Но что делать, когда из текстов заключаются непримиримая противоречия? «Тогда, — отвечает Ренань, — необходимо, согласно с требованиями науки, допустить некоторые легкие поправки, пока не получится гармоническое целое». Таким образом Ренань стремился соединить требования научной достоверности с чисто эстетическими приемами, то есть дать нечто большее, чем

строго-научное исследование, возментаеся до синтеза искусства и науки, достигнуть такого совершенства понимания, которое—ума!—пока является для насъ лишь чудною жетою. Уже на склони своихъ идти въ преддверіе къ «Исторіи нравальскаго народа» Ренанъ еще смѣлѣе высказываетъ въ этомъ смыслѣ: «Попробуйте въ силу моей интуиціи!» вотъ сущность его метода, въ допущенной строгого научнаго критеріа. «Вѣрнее мнѣ хать немного, какъ добриятъ вообще профессорамъ,—говорить снѣ,—а я глубоко убѣжденъ, что не ошибаюсь въ истолкованіи общаго смысла событія». Конечно, сама Ренанъ, катая въ добриятъ своихъ читателей, слышится въ научномъ консервативнѣ своихъ историческихъ трудовъ и ставитъ себя въ положеніе художника, провидѣнника, сочинителя историческихъ романовъ, пророка, кого угодно законца, но только не ученаго, который никогда не возмется судить о томъ, чего не знаетъ съ полной достовѣрностью, и предпочтетъ лучше остановиться передъ вѣчнымъ неизвѣстнымъ и старательно ко-времи сказать — не знаю.

Ренанъ, прислуная къ исследованію исторіи христіанства, не могъ, да въроптао и не хотѣлъ исполнить этого простаго требованія, неже ему пришлось-бы отказаться отъ даннаго задуманнаго труда. Быть можетъ, въ то время она уже сознавала, что наука сама по себѣ, какъ и религія, не въ состояніи дать полного удовольствія человеку, и, подобно вполамъ выдвинутому уму, томится жаждою болѣе полнаго, возвышеннаго жинія, искать новыхъ путей и староній, какія можетъ дать намъ лишь совершенная интуиція и синтезъ жинія и религіи. Конечно, стремлясь къ такому синтезу, Ренанъ далъ намъ въ высшей степени субъективное произведение, полу-научное, полу-художественное, невольное и невольное, замкнутъ и глубокой, таинственной поэзіи. И-которая мѣста его «Исторіи первыхъ вѣковъ христіанства» производятъ чрезвычайнао сильное впечатлѣніе. Особенно удачна характеристика нравственныхъ и религиозныхъ стремленій эпохи, предшествовавшей жизни Христа. Здѣсь Ренанъ является несравненнымъ мастеромъ

въ изображеніи возмущенныхъ, идеальныхъ чувствъ и религиозныхъ движеній, который сразу уловилъ символически настроенную публику и приобрѣлъ ошеломляюще исключительную славу. Онъ оставался между прочимъ въ громадномъ значеніи идеи космополитизма въ исторіи іудейскій и христіанской вѣры.

По мѣтанію Ревана, идея искупленія рода человѣческаго зародилась еще въ Персіи, которая, въ догмѣ до пришествія Христа, уже выработала егообразный восточный взглядъ на исторію міра, какъ на дѣланіе послѣдственной радъ злыхъ, осужденныхъ племени великихъ пророковъ, которымъ и суждено въ концѣ концевъ, послѣ упорной тысячелѣтней борьбы, безысходно утвердиться на землѣ власти Орузда, т. е. добра. Но прежде чѣмъ наступитъ день великой побѣды и всѣ народы соединятся въ неразрывный союзъ, заключатъ единый законъ и признаютъ одну великую власть и одно общечеловѣческое право, сърыются на землѣ неизменно-грозныя області. Злой духъ, освободившись отъ окова, наполнитъ зря ужаленныя бѣдствіями, пока наконецъ не явятся два великіе пророка—предвѣстники грядущаго Орузда. Во время вавилонскаго плѣненія евреи жадно восприняли эту утѣшительную персидскую идею, столь соответствующую ихъ тяжелой судьбѣ и настроенію. На этой почвѣ и развилась впоследствии мрачная спекулятивная литература. Необходимо помнить, что вѣра въ безсмертіе души вообще была чужда древнимъ іудеямъ. Въ ихъ старыхъ религиозныхъ преданіяхъ нигдѣ нѣтъ даже слова на возбужденіе надежды въ загробную жизнь. Странный табузъ Иеговы за грѣхи отцовъ преслѣдуетъ лишь потомковъ до 7-го колѣна, и праведники подлѣсь должны страдать за усонихъ нечестивцевъ.

Но человѣческое сердце не могло никакъ примириться съ такой ужасной судьбой. Въ эпоху юного расцвѣта древне-іудейской вѣры и порабощенія народа всѣ безотчетно жаждали исхода, но амбѣтъ съ тѣмъ какъ погибавшіе цѣплялись за старые обряды, потому что не было великаго желаннаго пророка, который указалъ-бы

новомъ пути всѣмъ угнетеннымъ и востанувшимъ. Правда, благороднѣйшіе умы уже въ то время проникали идею чистой нравственности. По мнѣнію ихъ, истинная добродѣтель сама по себѣ имѣетъ великую цѣнность и не нуждается потому ни въ поощреніи, ни въ наградахъ. Людямъ не подобаетъ, по прикиту далекихъ работъ, ждать подаянъ за добрыя дѣла. Вѣчно устремленіе къ долгу Бога и забвеніе своей личности — вотъ высшее благо, о которомъ можетъ мечтать великій справедливый.

Но подобная стелогонимая, туманная теорія никогда не пользовалась широкой популярностью. Народъ по мнѣнію ихъ возмущался. Они удивлялись, орился-бы своѣмъ учениемъ фарисеи о воскресеніи мертвыхъ, но услышавъ это было замѣтно тогда жестокой великой претворчивой и жестокостями. А въ дворянствѣ были, разраженныи аристократы и скептики-смысли открыто проникали изысканіи занимательныи исследования на языкъ, отъ которой старался выпытывать побольше исследования въ убѣжденіи, что смерть безразлично разбиваетъ всѣ наши надежды и перестраиваетъ всѣ наши сны и расчеты. Вышесть съ тѣмъ и политическое возмущеніе. Иудей подъ римскою надличностью стало болѣе и болѣе таинственно, используя потому, что «исраиль народъ» никакъ не могъ примириться съ которой возможности и съ властью иностранцевъ, да еще язычниковъ. Иерусалимъ въ то время кинулся отъ сдержаннаго негодования, точно хотѣлъ, на волонтерный до прель загорѣвшейся свободы. Казалось, подготавливалъ всѣмъ возбужденныхъ до крайности политическихъ страстей. На каждомъ шагѣ происходила маленькая стачка или за пуганномъ корни администраціи, по строенымъ въ римскомъ стиль, съ городскими отвѣтъ образованіи царскихъ органовъ, протестами уступочной статуи и отказывали цезарю въ титулъ господина, на томъ основаніи, что для избраннаго израильскаго народа господиномъ являлся лишь единый Богъ. Даже простыл переносъ исполненія каждымъ органомъ коммутироваться законъ римскаго васалла. Избранный народъ, когда-то при поводе Иеговы беспощадно встребанный своими красотами, въ то время еще не отличался ни терпимостью, ни послушностью.

судьбы, ни изворотливости. Они сохранили воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, когда великіе вожди вели его въ вѣрной побѣдѣ; теперь его малютки умирали, какъ рабы, позорной, мученической смертью. Незнакомая власть, чуждан азійская рѣчь и непонятная космическая цивилизація утравали полнымъ уничтоженіемъ народнаго духа. Пришлецы стремились захватить священную землю предковъ. Народъ не могъ понять, почему жь обречены на такую бѣдствію, въ то время какъ его гордые, вѣрноподобные и преданные вероисповѣдники объ руку съ разнородными азіатскими безпачетными завоевателями всѣми благами жизни и глумиломъ надъ старыми вѣроисповѣдниками. Неужели за грѣхъ предковъ Игисъ навсегда отрессен отъ избраннаго народа? Неужели никогда не обрушится его ужасный грѣхъ на головы дерзкихъ нечестивцевъ? Неужели праведные обречены на полное забвене и тлѣніе въ заброшенныхъ могилахъ? И простой народъ томился страшной жаждой обожленія и жила со дня на день въ безсрадномъ ожиданіи чуда. Много всякихъ шарлатановъ, фокусниковъ и лже-пророковъ бродили по странѣ, творили злые чудеса и возбуждали суевѣрній, фантастическій народъ, вступавшіе поспеху съ величайшимъ энтузіазмомъ.

И вотъ тогда раздалось стрелетное воззваніе къ заступничеству столь великаго съ незапамятныхъ временъ Мессіа-Искупителя, судья народовъ и вешателя за всѣхъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ. Изученный народъ въ лучшей его части проникся этою надеждой до глубины души. Многие въ то время ждали скорого ея осуществленія... И вотъ, въ этой атмосферѣ, накаленной и душной, какъ раскаленный громъ, раздался немалымъ сладкій и зрѣткій голосъ, сразу притыдливый княжнникомъ и фарисеямъ, ослѣбленнымъ, изворотливымъ проповѣдникомъ ужкой лицемѣрной морали и гнусной религиозной маузелни. Великій учитель говорилъ оживленнымъ Босъ-Отасъ, по воли Котораго солнце безразлично свѣтитъ для всѣхъ людей, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ. Въ его словахъ заключалась безжесточная проповѣдь правды и добра, обращенная ко всѣмъ людямъ безъ раз-

личия или происхождения, вѣры и народности. — проповѣдь безграничной любви, терпѣнія, всепрощенія, милосердія, кротости. Это была истинная апофеозъ бѣдности и простоты духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ полное осужденіе богатства, ложнаго блеска, обиденной житейской фальши и соблабной изысканной мудрости.

Подобная проповѣдь въ эпоху всеобщаго ослѣбленія и оскотченія народа имѣла: и величій, и жертвъ, и угнетенныхъ, и тарановъ. Каждому собла и ослѣбленія не задумываясь признали въ лицѣ Христа Мессіа, — того великаго пророка, кривизнѣ котораго знаменовало конецъ нечеловѣческихъ бѣдствій и наступленіе новой всемирной эры... Но садукеев и фарисеев — закваску, высокостепенное и дикостепенное претверженіе стараго закона и бѣдунней казуистики — никакъ не могли понять Христа, учившаго, что храмъ во славу отца небеснаго долженъ быть воздвигнутъ не съ горѣщихъ, но на холмахъ, а въ чисточеловѣческихъ сердцахъ. Неужелиже — безчеловѣчная традиція вѣдалась неведомо по прибытіи Иисуса въ Иерусалимъ. За вѣрными проповѣдниками любви и всепрощенія слѣдила съ злобою трескотня, разставшая оу сѣбѣ изъ предательскихъ вѣрототъ и раскоптранныхъ о неспомутительныхъ слухахъ. Фанатично, стремившись скомпрометтировать его передъ синедрионами, судившими нарушителей религіознаго закона, и передъ римскими прокураторами, утверждавшими смертные приговоры. Какъ отвѣчать на это Христосъ, мы знаемъ изъ священной писанія. Прочта о великоблѣнныхъ помянутыхъ грѣбахъ, помянутыхъ внутри тѣлца и вѣстия, отнесеннаго на себя канжамъ, шестуицамъ жемчужамъ и знаменитымъ послѣднимъ крова сиротъ и бѣднякомъ; — въ лицѣбрамъ, платящимъ десятину отъ всѣхъ своихъ оборотъ и превобрегающимъ милосердіемъ и справедливостію; — въ фарисеямъ, заботливимся о чистотѣ посуды и загрязненнымъ до глубины души жадностію и злобой.

Ничто не можетъ сравниться съ злобой грѣшника, заблѣннаго въ своей неправотѣ, и ослѣбленнаго фарисеемъ достигло крайняго предѣла. Наврассю Иисусъ гонимый скорымъ разрушеніемъ изъ синагога, воздвигнутый

изъ дерева и камня, и возбуждалъ о предстоящемъ возникновеніи нерукотворнаго всемірнаго храма, върасно говорилъ о грядущихъ бѣдѣніяхъ народа, распинающаго сына пророковъ. Она не долѣла и во время концы велинныя слова, потому что грубая сила была на ихъ сторонѣ. Въ этой борьбѣ одного праведника, окруженнаго вѣрными и преданными учениками, съ шестью иудейскаго народа нечестивка была вся сила чуждой-чуждому слова противъ грубой силы власти. Настала день, когда Иисуса во всеуслышаніе провозгласилъ, что онъ—Сынъ Божій, Мессія; Искушитель міра, а сиронецъ предательски, не признается-ли онъ себя тоже и царемъ иудейскимъ, отиѣнилъ утвердительно, прибавилъ, что его царство не отъ міра сего. Тогда фарисей и садукей возмущались: ушны были на лицѣ Симеоновъ, конечно не замедлять обвинить того, который являлся «сыномъ божіемъ» и грозилъ разрушеніемъ іерусалимской сѣтканы, а изъ римскому престолѣ возсѣдалъ подозрительный Тиберій, поэтому обвиненіе Иисуса въ самозванномъ присвоеніи титула «царя іудейскаго» являлось въ высшей степени опаснымъ. Незабываемы сцена преслѣдованія, заключенія подъ стражу, осужденія и смерти Иисуса въ изображеніи Ренина производятъ даже еще болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ иллюстраціи картинъ Ге и Мункача.

Въ разнородной толпѣ, состоящей изъ фарисеевъ, возбужденной изъ черни, еврейской духовной и свѣтской знати и учащихся Иисуса, особенное впечатлѣніе производитъ оригинальностью своего облика римскій прокураторъ Понцій Пилать. Онъ никакъ не можетъ понять, о чемъ хлопотуетъ эти заблужденные евреи. Что значить этотъ старый законъ, который они защищаютъ, и тѣ идеалы, возмущенныя понятія, противъ которыхъ они встанутъ съ такимъ ослѣбленіемъ? Да и что такое вообще истина? недоуживаетъ онъ. Что сдѣлать этотъ крошай челоуѣкъ, смерти котораго они домогаются? По-видимому онъ пренебрѣжалъ какую-то новую науку. Но въ древнемъ Римѣ все можно было проповѣдывать, подъ условіемъ не нарушать общественнаго порядка и спокойствія. Въ ученіи Иисуса римскій прокураторъ не

видеть ничего предосудительного. В страсти Цезарю, Сенек, Лукреци и Лукана подобный человек вранство заслуживать бы вообще почтение, как благородный философ и моралист. Понтий Пилат не может скрыть своего презрения къ слепым обвинителям Иисуса, участь которого трогает его. Он даже не прочь под благовидным предлогом освободить узника. Но тот оказался «иудейским царем», как утверждает все свидетели, а въ Римѣ царствует Тиберій — гробъ всех римских прокураторов; а Понтий Пилат, как человек сражательский, скрывает сердце, предпочитая поднести ужасный смертный приговоръ, чтобы не рисковать своей службой карьерой. Он ужимается рука, возлагая всю ответственность на слепых Иисуса на его злобных обвинителей.

Второй том «Исторія христианства» озаглавленъ «Апо-столами». Здѣсь Ренанъ даетъ замѣчательную характеристику умственного и нравственнаго построения зарождающейся христіанской общины подъ собиравшимъ впечатлѣніемъ ужасной войны въ Галломи, — построения столь непохожаго во всемъ отношеніяхъ на эллинистическій индивидуализмъ антикъ людей. Необходимо жить въ виду, что христіанство было эволюціей человѣческаго духа, которая первоначально совершалась въ массѣ простого народа и лишь малымъ охватомъ весь древній культурный міръ в восторженно олицетворяла величественные классическіе кулиры. Какимъ образомъ простое, необразованные люди могли явиться великими и просвѣдителями цѣлыхъ странъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо понять до тонкости своеобразіе вселенское состояніе той отдаленной эпохи. По мнѣнію Ренана, въ этомъ вообще заключается сущность научной историческо-критики, а въ данномъ случаѣ особенно впечатлѣніе характера эпохи могло бы привести прямо къ желаемымъ заключеніямъ. Дѣло въ томъ, что подъ благодатнымъ небомъ восточна въ первомъ вѣкѣ нашей эры масса населенія хотя и отличалась быть можетъ болѣ-

низм, суверенитетъ и независимость, чѣмъ у насъ на се-
верѣ, во-вторыхъ, благодаря врожденной живости темпера-
мента и сильно развитой фантазии, стояла несравненно
выше современной обездоленной, подавленной толпы.
Она не испытывала ужаснаго гнета суроваго климата и
тяжкихъ матеріальныхъ заботъ, преслѣдующихъ на каж-
домъ шагѣ совершенного рабочаго. Правда, и въ тѣ от-
даленныя времена тяжкій физическій трудъ плохо воз-
награждался, но зато и удовлетвореніе простыхъ чело-
вѣческихъ потребностей въ южномъ климатѣ давалось
настолько легко, что даже дрянніе рабы не знали того
ужаснаго труда, какой спускаетъ и падаетъ на долю
свободнаго пролетарія въ наши дни. Кроме того
въ древности религіозное воспитаніе являлось дѣломъ
общественнымъ, а потому до нѣкоторой степени даже
обязательнымъ. Подобное воспитаніе, можетъ быть, спо-
собствовало развитію суверитетъ, но зато съ тѣмъ оно
воспитывало и облагораживало челоѣческую душу. Про-
водя цѣлыя часы въ праздникахъ мечтая подъ тѣнью са-
довъ или въ оживленныхъ спорахъ среди толпы на пло-
щадяхъ, на перекресткахъ большаго дорожъ, у город-
скихъ воротъ и храмовъ, простые люди въ старину, при
всѣмъ ихъ нежизнѣстѣ, приобретали нѣкоторое развитіе
въ жизни община съ собою подобными. Но развитіе
это было въ высшей степени одностороннимъ и услож-
неннымъ. Критическая мысль не въ чемъ не проявлялась.
Грече-римская наука могла оказывать нѣкоторое вліяніе
на возрѣвшаго вѣстника классовъ извѣщенія, а тогда по-
прежнему ковила въ глубокомъ первобытностѣ нежиз-
стѣ. Все ее иррозвердате было основано на преданіяхъ,
старыхъ басняхъ и дикихъ бредняхъ изумбровъ. Легко-
вѣрїе ее было безгранично; она не знала разницы между
своидѣніемъ, сказкой и дѣйствительностью и, не задумываясь,
принимала свои жеманія и предположенія за
несомнѣнный фактъ. Подобная толпа, при исключитель-
ныхъ условіяхъ, очень легко поддавалась всякимъ увле-
ченіямъ и самымъ гнуснымъ подстрекательствамъ. Почти
въ одно и то-же время она способна была прогнать и
жесткую чувствительность, и избранную жестокость, и

фанатическое убеждение, и удивительную прософанность. После кровавой орады на Голгофѣ, когда обезумѣвшая отъ злобы толпа представлялась мученики и кровью Распятаго, возмущающегося въ страшный часъ смерти за вѣртовъ своихъ, встали дни: горькаго раздумья, глубокой тоски, ужасныхъ воспоминаній, скорби и раскаянія. Любомъ изъ великому учителю въ сердцахъ его осиротѣвшихъ учениковъ и многочисленныхъ послѣдователей думалъ до востоянаго зювета. Они ждали чуда, побѣды Некупителя надъ смертыю, осуществленія надежды и предсказаній, связанныхъ съ явненіемъ Мессіа. Вѣдь въ святахъ зингахъ ясно сказано, что съ пришесть зѣтѣмъ, чтобы спасти міръ, искоренить его злобу и пороки, осянать царство божіе на землѣ. Какъ могла она умереть, не исполнить своего предзнамененія? И вотъ чудо, которое такъ ждали зимурально тосковъ и сострадающимъ ученики Христа, свершилось: они опять увидѣли дорогую божественную лико, услышали знакомый голосъ, который еще недавно наполнялъ имъ сердца невыразимымъ счастьемъ и словобитиемъ. Исусъ являлся вѣрующимъ на краю своей могилы, на вершинахъ гора, на берегахъ галлилеинскихъ озеръ и наконецъ въ часъ восторженія собраній, когда ученики предавались тростельнымъ воспоминаніямъ о своемъ божественномъ учителѣ.

Таковыя образы догматы воскресенія изъ мертвыхъ и восторженія Госудина были установлены въ первые моменты возникновенія христіанской общины, когда апостолы, по возвращенія изъ Галilee, собрались опять въ Иерусалимъ. Вѣсь вѣрующіе были глубоко убѣждены, что Исусъ восторжествовалъ надъ смертыю и, подобно Моисею и Ильѣ, окруженный божественнымъ ореоломъ,

вознесся на небо, гдѣ будетъ восседать одесную Бога-Отца, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ уже блаженный день неизмененія всѣхъ предвѣщаній относительно Мессии.

Въ данномъ случаѣ дѣйствио иѣрымъ историческимъ фактомъ надъ всѣми матеріальными претяженіями, и чудомъ стало козметическимъ фактомъ, не возбуждающимъ никакихъ недоразумѣній и споровъ. Первымъ последствиемъ Исуса была такая кераритивно связанная великая надежда, воспоминаніи и любовь, что совершенно помысли о своемъ личномъ существѣ ишѣ. Попытка, о правѣ собственности не была и рѣчь. Имущество иѣруссалихъ поступило въ полное распоряженіе старшихъ, обетившихся о нуждахъ бѣднѣковъ. Эти праздники въ то время и понынѣ являлись праздникомъ «Евхаристіи». Она поселялась въ одномъ изъ кварталовъ Иерусалима, иѣемы члены проводили въ глубокихъ размышленіяхъ и общихъ молитвахъ, а по вечерамъ, собирались за общей трапезой, продолжая вѣстивать о воскресившихся. Словомъ, это была настоящая иѣрусалимская община, но только безъ іерархіи. Ея руководителемъ главою была Исусъ, а духовными отцами—братъ ише его ученики, явившіеся живыми свидѣтелями его чудесъ и смерти, истинными истолкователями его поученій. При этомъ никакихъ принципиальныхъ споровъ и борьбы за преобладаніе не возникало и не могло возникнуть. Воспоминаніе о ситомъ учителя, проповѣдывавшемъ безграничную любовь даже къ солонбасникамъ врагамъ, всѣхъ сдерживало и регулировало. На иѣншіе обряды не обращали особеннаго вниманія. Впрочемъ поступленіе въ члены общины обязательно сопровождалось крещеніемъ, согласно обычаямъ, перешедшимъ отчасти отъ ессенианъ и иѣвоторыхъ древде-серефитскихъ сектъ. Практиковалась при

этомъ и дубачная конюшня. Веф выходилась въ страсть-волю овладѣнія принаслѣдїа Моисіа, а потому о законѣ никто не помышлялъ. Не заботились даже о томъ, чтобы устными преданїя и слова Іисуса уяснѣнїемъ къ книгамъ и такимъ образомъ передать ихъ потомству. Ка чему?! когда дни мѣра сочтены. Переда близкой кончинѣ остается лишь помѣтаться. И вѣрующіе возманились до полнаго самозабвенїа, громко пѣли, пѣвали и проповѣдывали на собранїяхъ. Вефѣдствіе хрипало возбужденїа изъ устъ ихъ иногда вырывались неожиданныя слова, которыя возбужденные слушатели придавали пророческое значенїе. Вефъ точно лезла, не замѣля ничего, въ сверхъестественную мѣрѣ призрачность. Таинственная виднїа и чудесная неопредѣленнѣ, составившія въ то время обычное явленїе, еще усиливали всеобщее возбужденїе. Необходимо замѣтить, что первые послѣдователи Іисуса считали себя правоверными іудеями, строго соблюдали вефъ старыя обряды и законы Моисея. Въ этомъ отношенїи особенно выдѣлялся Іаковъ, крѣпкій подъ вѣсѣломъ: братъ Господня, пользовавшійся среди вѣрующїхъ не меньшимъ уваженїемъ, какъ и апостолъ Петръ.

Было-бы расшатаніе Іисуса должно было безповоротнѣ ослабнуть его ученїемъ отъ народа, замѣтительнаго крѣпко Моисіа; во тѣмъ же время даже въ этомъ случаѣ они не нарушали великаго завета любви и сохранили вѣру въ твердость Израїа. По ихъ понятїямъ, только еврейскїй народъ, избранный самимъ Іеговою, является носителемъ вѣчной правды, а потому Моисіа, соединнїй на землю для того, чтобы основать царство божїе, есть истинный еврейскїй національный вождь. Слова Іисуса о томъ, что они принесли правду и спасенїе всѣмъ вѣрующимъ въ слово божїе безъ различїа ихъ происхожденїа, не были, какъ слѣдуетъ, усмншаны и поняты. Зато послѣдователи его, служившіе соединить проповѣдь всеобщаго братства и любви съ крайнимъ патристическомъ, очень часто повторали слова своего учителя, что они пришли не для того, чтобы разрушить старыя законы,—а рьяннѣе стремились сохра-

вить всё сама съ иудействомъ, поставивъ себя въ положение новой еврейской секты. О распространении своихъ вѣрованій за пределами Палестины они несколько не заботились. По вѣру убѣжденію, весь юмеческій міръ, непобѣдимый Римъ, Греція, Египетъ, — всё эти восточные народы и правительства, не признавше одного истиннаго Бога, заразило обреченомъ на гибель. Однѣ лишь избранный народъ будетъ спасенъ Мессіей въ день страшнаго, но справедливаго суда. Наврасло было-бы признать язычниковъ въ смысле въ истинной вѣрѣ; погрѣшите въ грѣхахъ и заблужденіяхъ, сами же въ состояніи постигнуть ученія Іисуса. Такіе обязанности, дѣлшія своею общечеловѣческимъ характеромъ, учене это распространялось на вѣдѣхъ горѣхъ почти исключительно въ предѣлахъ Палестины и простигло въ Дамаскъ, Александрію, Антиохію и нѣкоторые крупныя города Востока лишь благодаря иудействующимъ, то есть такъимъ иностранцамъ, которые въ поискахъ за истиной, принявъ первоначально иудейство, а затѣмъ и христіанскую вѣру, не возвращаясь изъ родину явились ревностными распространителями новаго ученія.

Но для того, чтобы христіанство освободилось отъ всякаго влияния въ него духомъ еллінаго патристизма, и овладѣло древнимъ міромъ, потребовалось еще не мало упорнаго труда и великихъ жертвъ. Пока послѣдователи Іисуса представляли замкнутую религиозную общину, чернь и фарисеи терпѣли ихъ; но такое положеніе, не смотря на всю уступчивость и смиреніе христіанъ, не могло продолжаться. Велеръ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ и смѣлыхъ проповѣдниковъ новаго ученія, св. Стефанъ, былъ приговоренъ къ смертной казни и казненъ камнями за то, что открыто говорилъ народу о близкомъ возстаніи за казнь Мессія, предсказывая скорое паденіе Иерусалима и разрушеніе храма. Судьбѣ угодилъ было, чтобы среди казненнаго перваго христіанскаго мученика находился человекъ, которому христіанство впоследствии особенно обязано своимъ распространеніемъ и безграничнымъ торжествомъ. Быть можетъ, видъ прелестной и идиллической и взгляды святого мученика, обращенный

ка небу, гдѣ, умирая, онъ видѣлъ Бога-всѣлителя и искупителя, оруженнаго неземными величіемъ, заронилъ первое мучительное сомнѣніе въ душу Савла, быть можетъ здѣсь слѣдуетъ искать начала того великаго обращенія преслѣдователя въ равновѣснаго проповѣдника, въ которомъ такъ красиво сказано въ предисловіи евангелія христіанства? Какъ-бы то ни было, во мучительствованіи Стефана ознаменовался необычайный разрывъ между новымъ и старымъ закономъ. Стремленіе замкнуть христіанство въ узкія рамки національной идеи повлекло полную неудачу, главнымъ образомъ благодаря Савлу, посвященному латинизированное имя Павла и обладающему необыкновенно замѣчательнымъ въ тою времена образованіемъ. Это былъ несомнѣно одинъ изъ тѣхъ людей идеи, одаренныхъ непреклонной волею, которые являются вершителями судьбы племени, государствъ и народовъ.

Характеристикой этой замѣчательной личности и выясненіе ея громаднаго значенія Павелъ посвятилъ почти 2-го, весь третій и часть 4-го томовъ своей «Исторіи христіанства». Особенно сильна обращенія Павла описана у Ренана въ высшей степени художественно и правдиво. Безъ сомнѣнія, такой развитой и нервной личности, какъ Павелъ, должна была испытываться во время ея мучительнымъ угнетеніемъ совѣсти, вследствие ея участія въ преслѣдованіи безобидныхъ и вѣрныхъ послѣдователей Иисуса. Безразвѣтно изъibra могла тронуть сердце и не такого вѣрующаго человека, какъ Павелъ, и заставить его усомниться въ правотѣ дѣла, которое преходилось отстаивать путемъ грубаго насилия. Но въ подобныхъ случаяхъ преслѣдователи и власти обыкновенно стараются заглушить голосъ совѣсти и зайти забвеніемъ въ новыя преступленія. И Павелъ долго не сдавался, какъ всѣ фанатики, пропавшаго болѣе чуждое тиранство въ преслѣдованіи заранѣе замѣченной идеи. Вся его энергія проистекала исключительно изъ духа, а тѣломъ онъ былъ немощенъ: его терзала какая-то таинственная болѣзнь. Онъ самъ сравнивалъ эту болѣзнь съ острымъ мориюмъ, которымъ Богъ исподоседалъ его жалкое тѣло. И вотъ этотъ великій фанатикъ и страда-

люди, нарушившие разрешение еврейского первосвященника преследовать христианъ за пределами Иерусалима, сѣлались въ Дамаскъ, чтобы нанести кровавый ударъ едва возникшей тамъ христіанской общинѣ. Вдали, въ сіяніи мѣсячного дня, онъ уже видѣлъ стѣны и крыши городскихъ домовъ, къ которымъ срывались наобтѣенныи имъ жертвы! А за ними, въ лучахъ кроваваго солнца, сверкала сѣвѣрами вершина Антиливанскъ и Гермонокитскъ горъ. Иногда отъ жары и усталости, Павелъ съ своими спутниками медленно пробирался по дорожѣ, проложенной по склонамъ холмовъ и горъ, среди оріхановыхъ и оливковыхъ рощъ. Необходимо сказать, что эта мѣстность и понынѣ отличается своимъ болотисто-ликарничнымъ характеромъ, притомъ испещрена болѣзнями члѣсто воспроизводится временной потерей зрѣнія. Возможно даже, что путники выходили подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ внезапно нагнущей грозы. Что именно почувствовала Павелъ въ эту роковую минуту, — неизвестно, но онъ вдругъ узналъ, точно оракулъ, и среди ослѣпительнаго блеска услышалъ голосъ Іакова, говорившій ему по-еврейски: «Саулъ, Саулъ, за что преслѣдуешь меня?» Когда надѣние вечнаго, Павелъ убѣдился, что глаза его закрыты для вѣчнаго впечатлѣній. Спутники привели его въ Дамаскъ, гдѣ онъ провелъ три сутокъ почти въ безмалютствѣ, лишенный зрѣнія, пока его не увидали слѣпыя христіане, по повелѣнію Ананія. Въ тѣ времена подобныя исцѣленія посредствомъ праксновѣнія къ большому составу среди иудейскихъ обычаевъ явленіе.

Въ эпоху безграничнаго сомнѣнія люди не доверяютъ даже своимъ впечатлѣніямъ, христианамъ и жидомъ, и сердца ихъ закрыты для безслѣдныхъ откровеній. Но Павелъ, при всемъ его образованіи, избралъ, что міръ управляется сверхъестественной силой, а потому ни на одно мгновение не усумнился въ томъ, что слышитъ голосъ свыше, и что самъ Богъ открылъ ему глаза и указалъ путь къ спасенію. Судьба его была рѣшена. Онъ сдѣлался христіаниномъ.

Вскоре после этого христианская вера распространилась далеко за пределами Палестины, принимая все больше и больше общечеловеческий характер. Къ новому движению примкнули не только евреи, но и греки, и въ богатомъ многочисленномъ городѣ Антиохіи съ греко-сирійскимъ населеніемъ возникла замечательная христианская община. Здѣсь вторично еврейское слово «Мессія» перевели на греческій языкъ, и по имени Христа его последователи получили названіе христиана.

Все это совершилось, благодаря неутомимой дѣятельности Павла и его ближайшихъ сподвижниковъ, среди которыхъ особенно выдѣляется Варнава. Въ евангелиихъ писаніи сохранились несомнѣнные указанія на замеселствія и даже столкновѣнія первопринципалаго дѣятеля съ приверженцами христианскаго іудаизма, востанчивыми лишь о сущности и несмѣрности тождества еврейскаго народа. Дальнѣйшая исторія христианства показала, что въ этомъ спорѣ правда была на сторонѣ свободомыслящаго Павла, стремившагося къ освобожденію веры отъ всего исключительно-національнаго, старо-еврейскаго обряда и предлагающаго всѣмъ указаніе къ тому, чтобы идея всеобщей любви, всемирнаго міру Іисусомъ Христомъ, очищенная отъ всего случайнаго прамѣся, сдѣлалась доступной по возможности всѣмъ людямъ. Словамъ свѣтлымъ умомъ, осознаннымъ возвышеннымъ идеализмомъ съ всебывшею практичностью и прозорливостью, Павелъ понималъ, что востанная вера не можетъ быть исключительно національной, и что, освобожденный фалетизмомъ, далекий азіатскій востокъ рвется на способомъ къ воспріятію новаго ученія. Вотъ почему его походы съ цѣлю проповѣди ограничивались лишь Сиріей, Малой Азіей и прилегающею островами, городами и побережьями съ греческою населенностью. Благодаря ему, возникли могущественныя христианскія общины или соборы въ греческихъ городахъ: Ефесѣ, Колоссахъ, Коринѣ, а также въ Сессалоникатахъ, въ Галатѣ, Фригіи. Въ 58 г. по Род. Христ. Павелъ прибылъ вновь въ Иерусалимъ, чтобы примириться съ враждебною партіей, но ошибся въ своемъ расчетѣ: этотъ еврейскій городъ, уже обреченный на разрушеніе,

до послѣдней минуты остался «спасовать сонмище», стоящей неприкосновенной изувѣренъ. Только благодаря тщательству римскихъ властей, Павелъ избѣгнулъ смерти и бѣжалъ прятаться въ бычачью, какъ нарушитель общественнаго спокойствія. Тогда, подъ впечатлѣніемъ вѣщихъ видѣній, онъ позналъ, что наступилъ наконецъ моментъ осуществленія его давнишней мечты — вознестись славе божіе въ столицѣ міра. Къ, осмысливъ на званіе римскаго гражданина, полученнаго имъ по желанію отъ отца, онъ потребовалъ суда Цезаря и ослы. Это требованіе было исполнено: римскій гражданинъ, гдѣ-бы онъ ни находился и чтѣ-бы онъ совершилъ, могъ поддѣлять лишь суду верховной римской власти, и Павелъ, послѣ тяжкаго и продолжительнаго заключенія, на отходящемъ имъ Азіи кораблѣ былъ отправленъ въ Римъ, гдѣ, въ качествѣ государственнаго узника, содержался подъ дощатымъ арестомъ въ одной изъ гостиницъ, ревностно и събѣло проповѣдуя ученіе Христа.

Здѣсь мы переходимъ къ своему изложенію 4 тома «Исторіи христіанства», гдѣ заглавіемъ «Антихристы». По богатству историческаго матеріала и ясности изложенія томъ этотъ признается какъ-то удачнымъ. Наряду съ великимъ проповѣдникомъ «слова божія», пожертвовавшимъ жизнью ради торжества идеи и доживавшимъ свои послѣдніе дни, Романъ мастерски изображалъ чудовищнаго развратника Перена, неприкаяннаго плутаго, кромѣ страстей и съюсъ личнаго кларизова.

«Когда Цезарь терзалъ утѣ, когда допалъ всѣ артерія его несчастной головы, похитившейся отъ величавой власти, — говоритъ Романъ, — то происходила немощная безобразія. Миръ былъ отданъ въ руки чудовищу. Не было возможности его проспать; его гвардія съ осторожнѣйшимъ оттаивала его. Заправочный мѣбрь укрывался и бѣшено закричалъ. Что касается лично самого Перена, то это было въ одно и то же время и что ужаснее и сѣйшее, величественное и глухое».

Въ его лицѣ, владомъ, перенъ отожествлялся съ неукротимымъ, которое служило лишь средствомъ глумленія несчастнаго разврата. Съ вѣстыи троизъ было обя-

жизни, что добродетель — жизнь, что христиане и вообще все добродетельные люди — или аскеты, или крестоносцы и бунтари, которых необходимо истребить, как дикарей, что велико порочный человек только тот, кто, не стеснясь, сознается в своей полной порочности, что человек велик лишь в деле разрушения, когда он пользуется властью, но думая ничего не делать, когда он все безоглядно разрушает или создает, следуя минутному капризу. Цезарь Рима был одним из подобных капризов Нерона. Каким же, весь древний мир был обречен на гибель по воле обезумевшего Цезаря, и в апокалиптически видных отшельника из Патмоса, казалась, отражалась ужасная действительность. Жестокое преследование христиан, всеобщее падение нравов и безграмотия, восстание иудеев, смерть Нерона, продолжительная осада и разрушение Иерусалима, междуособная борьба людей и убийства в храме, триумф Тита в Вавилоне, казние победителей и скорбных слезок среди иереев, — все это сцена из истории осужденных на смерть народов в образности Рима, соединяется в одно законченное целое. Среди всеобщей гибели историческим было лишь учение Иова и воскресения. Ся тьма перь как осеняющая фантазия и обаянный кровью мучеников и слезами Иерусалима был, победа христианства была обеспечена. После возникновения учения Христа иудейство уже не могло больше существовать, — говорить Ренан. — Израиль отдал все своему началу и истермился в этом рождени. Закон великих созданий таков, что виновник жизни их умирает, передавая бытие другому. После передачи жизни тому, который должен ее продолжать, виновник жизни есть не больше, как сухой ствол, зачавшее существо. Впрочем, редко бывает, чтобы этот приговор природы тотчас же исполнился; ступенчатое растение все еще стремится жить. Мир падает только блуждающих светов, которые переживают порочный их приговор. Иудейство принадлежало к числу их. История не представляет страннее того армянца, какому намерено сохранение этого

парада, который втеченіи почти тысячелѣтій не пріимаетъ жизненной отычливости къ совершающемуся, не написала страницы, достойной прочтенія, не дала намъ вѣркой о себѣ справки. Нужно-ли удивляться тому, что, проглявъ таинств. образамъ цѣлме вѣка вѣкъ волевой атмосферы человечества въ подвалѣ, если можно такъ выразиться, въ состояніи особаго рода безумія, онъ выходитъ изъ него блѣднымъ, чахлымъ?»

Конечно утверждать, подобно Ренану, что жизнь каждаго-бы топа была парода исчерпывается одной идеей и что миллионы людей живутъ лишь исключительно ради идеальныхъ цѣлей,—это значитъ уклоняться, во тѣхъ не менѣе и независимо отъ подобнаго недостатка въ «Исторіи христіанства» въ общемъ дѣлѣ «браве» картину событій той достопамятной эпохи.

* * *

Три послѣднихъ тома годъ изданы: «Евангелие» (т. V-ый), «Христіанская церковь» (VI-ый) и «Маркъ Аврелій или конецъ древняго міра» (VII-ой) Ренанъ заложилъ съ одной стороны изслѣдованіемъ умовъ и событій, сопровождавшихъ созданіе святелій, какъ апокрифическихъ, такъ и каноническихъ, изученіемъ постепеннаго роста христіанской церкви, ея внутренней организаціи и возникновеніи стинной различныя христіанскія общины, а съ другой стороны изобразилъ античной міръ въ эпоху борьбы его съ іудействомъ и нарождающимся великимъ умомъ и наконецъ полное торжество христіанства. Передъ своею кончиной несообразной земной Ренанъ еще разъ встрепенулся и попытался отослать свое существованіе и власть надъ міромъ. Этотъ моментъ очень ярко изобразилъ въ V томѣ. «Послѣ долгихъ, жестокихъ испытаній, веревитыхъ Римское имперіей,—говоритъ Ренанъ,—избраніе Траяна на престолъ римскаго императора обезпечивало цѣлкомъ благому человечеству того времени цѣломъ столѣтіе благополучной жизни. Римская имперія была славна. Траянъ, избраніе котораго Первой поставило во главѣ имперіи, былъ дѣйствительно великій человекъ, состоящій римлянинъ,

краснѣ владычій собой, хладнокровный въ начальство-
ваніи надъ массою, серьезный и достойный. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обладалъ меншимъ политическимъ гениемъ,
чѣмъ Цезарь, Августъ и Тиберій, но онъ былъ зато
выше ихъ по своей справедливости и добротѣ. Въ отно-
шеніи же военныхъ талантовъ онъ уступалъ только Цезарю.
Философѣй онъ не занимался, подобно Марку Ан-
тонію, но онъ былъ равенъ ему своей практической муд-
ростью и благосклонностью. Его твердые вѣры въ
либеральныя идеи на разѹ не колебались. Съ фило-
софомъ Траянъ постоянно относился съ величайшимъ
уваженіемъ и съ самой пылкой и искренней любовью.
Между греческими ученіями такія образцы и рим-
ской гордости установился неизбѣжный союзъ. «Жить,
какъ подобаетъ римлянину и челоѹку», составляетъ
мечту каждаго, сколь же забуду уважающаго себя челоѹка.
Не подожать сомнѣній, что древняя философія вышла на
свою гѣнку для величайшей цѣльноты: еще не-
когда она не аранила такъ глѹбоко въ личную и об-
щественную жизнь. Все это было вхоже на какой-то
железодый расцѣтъ процвѣтавшей умственной куль-
туры, созданный счастливыми умами греческаго и
итальянскаго гениа. Въ основаніи своемъ эта культура
была осуждена на смерть; но прежде чѣмъ умереть,
она дала изъ себя послѣдній расцѣтъ лавровъ и цвѣтовъ.
И вотъ находитъ часъ времени, когда мръ челоѹче-
скій будетъ упрямѣться разумомъ. Встепени эта дѣла
философія предстоить наслаждаться присутствіемъ объ пра-
вомъ дѣлать вѣрды сѣтаннныи. Масса превосходнѣй-
шихъ законодательнѣй, составляющихъ лучшую часть
всего римскаго права, принадлежатъ этому времени. Со-
здаются общественыи благотворительныи учрежденія;
дѣли въ особенности составляетъ предметъ попеченія
государства, Правительство «содушительно вѣтннво-аран-
ственныи чувствомъ».

Одннко самъ Ромулъ признаетъ, что во время муд-
рого управленія величій императора покровеніе хри-
стіанства оказалось въ дѣйствительности гораздо худ-
шимъ, воевои тогда, когда млодѣи 1-го вѣка заносили

ему жестокие удары. Ясно, что все эти прославленные цезари: Траянъ, Адрианъ, Антонинъ и Маркъ Аврелий, если и были мудры, то лишь въ весьма условномъ и ограниченномъ смысле, что ихъ либерализмъ, подобно либерализму магистерскихъ лордовъ, была только кажушеся, что они были въ дѣйствительности пренебрежены великой предрассудкомъ и римской гордостью, но призывали ничего инаго кнѣ Рима, и что поэтому паденіе драгоцѣнаго міра, не смотря на вѣдшіе успѣхи и временный подъемъ античнаго духа, являлось неизбежнымъ. Достаточно вспомнить, съ какою неумолимою жестокостью Траянъ и Адрианъ подавили новое возстаніе евреевъ въ Палестинѣ, Келитѣ и въ Кипрѣ, какъ все іудейское населеніе вѣдомое было съжигалось и поголовно истреблено, и целыя интеллигентныя слои, въ пылу бѣдственной борьбы, пытались вырваться изъ гонимости, дѣлали себѣ пощады иль ихъ кипишь и кожа, выжились изъ крови своихъ жертвъ, отдавали плѣнникомъ живьемъ на съжиганіе дѣлать набраны и подвергали ихъ утонченнымъ мученіямъ; достаточно замѣтить, что работало въ то время процвѣтало, чтобы убедиться въ призрачности гонимости о царствѣ разума въ античномъ мірѣ. Фактически, древне-серебряное правленіе «что за оно и зубъ за зубъ» и имѣть выжидательнаго жемчужнаго Рима устарѣвалъ и не могли устоять въ борьбѣ съ угнетеніемъ всеобщей любовью и воспріимчивости.

Последній томъ «Исторія христианства» заключаетъ въ себѣ очеркъ развитія христианской церкви въ царствованіе Марка Аврелия и параллельную картину успѣховъ философіи преобразовать государственныи и общественныи строй на основаніи чистого рациональныхъ принциповъ.

«Второе столѣтіе,—говоритъ Ронвалъ въ предисловіи къ VII тому,—имѣло двойную славу основать христианство, т. е. великій принципъ, реорганизованныи нравы путемъ вѣры въ сверхъестественное, и видѣть, какъ была воскресана, благодаря стоицизму и бегу всемага империализма сувереннаго натурализма, издохшая попытка свѣтской школы. Обѣ эти попытки были чужды другъ другу, но торжество христианства только тогда возможно, когда отдашь себѣ отчетъ въ томъ, что попытка стоицизма

жизни энергичнаго и недостаточнаго... Въ этомъ отноше-
 нии Маркъ Аврелій составляетъ необычайную личность,
 къ которой постоянно приходится возвращаться. Онъ сосре-
 динуетъ собой все, что было лучшаго въ античномъ мірѣ,
 а именно еще то преимущество, что является бою по-
 крикомъ, благодаря сочетанію безоглядной искренности и
 достоинства. Волею чьей когда-либо, я думаю, что
 періодъ происхожденія, эмбрионія христианства, если
 такъ можно выразиться, олицетворяется съ Маркомъ Авре-
 лиемъ въ 180 г. Въ этотъ моментъ великое дѣло жизни
 всѣмъ своимъ временемъ; оно отдѣлено отъ своей матери и бу-
 детъ жить уже собственной жизнью. Въ томъ-же смерти
 Марка Аврелія можно было разсмотрѣть, какъ за-
 ключеніе античной цивилизаціи. Все, что дѣлается хоро-
 шаго послѣ его смерти, не принадлежитъ уже эллино-
 римскому элементу; торжествуетъ элементъ еврейско-хри-
 стіанскій, и хотя вѣкъ еще дѣлается отъ дѣла до оконча-
 тельнаго его торжества, но уже и тогда видно, что буду-
 щее принадлежитъ ему. Третье столѣтіе есть агонія вѣ-
 даго міра, который еще во Платонѣ возмужѣ жизни и силъ.

Но уже въ то время расцвѣтъ древняго міра является
 изжудившимъ, какъ становится признавать и самъ Ренанъ.
 Греческая философія стоявшая, блестящая предста-
 вительница которой является Маркъ Аврелій, не могла на-
 бавить древній міръ ни отъ пороковъ, ни отъ коммуниста-
 лыхъ злоупотребленій, ни отъ ужасныхъ измѣнъ и же-
 стокостей уже потому, что эта философія, по существу
 аристократическая, могла оперн лишь въ челоѣческомъ
 разумѣ и съ пренебреженіемъ отяорачивалась отъ дѣйствитель-
 ности, а постигающій древній міръ нуждался въ корен-
 ной крестьянской перестройкѣ.

«Исторія первыхъ вѣковъ христианства», состоящая
 изъ семи отдѣльныхъ томовъ, посвященныхъ посто-
 ланію издающихся моментовъ въ развитіи ученія Христа,
 даже по мнѣнію ея автора, не представляетъ сама по
 себѣ никакой законченной цѣлаго. Безъ сомнѣнія, хри-
 стианство возникло изъ иудаизма; ученіе Моисея и Христа,

старый и новый заветъ, какъ известно изъ священнаго писанія, не находится между собою въ непримиримомъ противорѣчїи, а, напротивъ, сливаются въ одно неразрывное законченное цѣлое; поэтому Реванъ естественно долженъ былъ прибѣгнуть къ сознанию необходимости, построить отѣлы, воздвигнуть въ фундаментъ того величественнаго зданія, надъ постройкой котораго онъ трудился столько лѣтъ. Такими фундаментомъ въ «Исторїи христіанства», по замыслу ее автора, должна служить «Исторїя израильскаго народа», написанная имъ однако много лѣтъ прежде, уже въ глубокой старости (1887—1892 гг.). Въ «Жизни Иисуса»,—говоритъ Реванъ,—я пытаюсь представить всенародный ростъ галлейскаго дерева отъ земли до его верхушки, гдѣ воцѣлеть небесныя птицы. Въ книгѣ, которую я попыткаю издать послѣдняго лѣта, я попытаю раскрыть народную христіанства, исследовать почву, гдѣ возросла его жизнь». Однако вновь этой цѣли онъ не достигъ, ограничившись лишь изученіемъ религіозныхъ стремленій народа.

Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію Ревана, весь смыслъ существованія «израильскаго народа» сводится къ созданію великой религіозной системы, что съ появленіемъ Христа цѣль созданія была достигнута людьми, и сарайскій народъ давно уже обреченъ на смерть. Однако онъ все еще живетъ и хочетъ жить, какъ живутъ много народы, не создавшие никакой особенной ни политической, ни религіозной системы и не признающие надъ собою высшей власти идеи. Все дѣло въ томъ, что «жизнь для жизни намъ дана» и что развитіе народовъ, какъ и личности, не истеривается служеніемъ одной стеченной идѣ, что обусловлено оно стеченіемъ разнородныхъ началъ въ чрезвычайно сложномъ сочетаніи социальныхъ, экономическихъ, историческихъ, этическихъ и др. законовъ. Воспитанный монахомъ, Реванъ былъ склоненъ предлагать чрезмѣрно значеніе религіозной идѣ въ развитіи челоуѣчества, упуская изъ виду вліяніе другихъ, не менѣе существенныхъ историческихъ факторовъ. Его «Исторїя израильскаго народа» является въ сущности лишь исторїей религіозныхъ вѣрованій народа.

В интересах изложения, мы отступим несколько от хронологического порядка и постараемся в общих чертах передать здесь содержание этого последнего произведения Ренана из связи с его прочими трудами по истории религий. Метода, какой служовала в данном случае авторь, уже мыма известна; ее особенность заключается в своеобразном сочетании приемов, характерных только художественных и литературных с научными. В «История израильского народа» эта особенность сказывается очень сильно; Ренань иногда прерывает повествование о давно минувших исторических событиях ссылками и намеками на современное положение вещей во Франции и т. п. Свое изложение онъ заканчивает с древнейших временъ, когда израильскій народъ явился еще малочисленным племенем, еврейского происхождения, живущимъ въ близкашнихъ соседствѣ и общении съ финикийцами, амалитянами, моавитами и другими столь-же некультурными и умудренными народами. Его прародителя, легендарнаго Авраама, по словамъ Ренана, возводили финицы, какъ уже извоимому «селевкию». Затѣмъ устанавливается культъ Ягве, который первоначально явился не одиномъ Богомъ-Вседержителемъ и Творцомъ вселенной, а исключительно национальным покровителемъ израиля, какъ Ваэль у финикийцъ, Даэль у филистимлянъ и Молохъ у амалитянъ. Этотъ богъ израиля обладалъ въ полнотѣ всѣми высшими свойствами национальных языческихъ боговъ: былъ антропоморфенъ и жестокъ, особенно съ гражданами своего народа, а гдѣсь его мось быть утиски лишь кровью жертвъ.

Въ эпоху Давида и его преемниковъ, исторію которыхъ Ренань излагаетъ очень подробно, кончатъ единого всемогущаго Бога еще не получило надлежащаго развитія, а еврейскій народъ еще не освободился окончательно отъ чуждымихъ представлений пантеистическаго мировоззрѣнія. Полная религиозная эмансипація наступила лишь въ VIII вѣкѣ до Рожд. Христ., подъ вліяніемъ великихъ пророковъ Михея, Осеи, Амоса и Исаи, съ поразительной силой выразившихъ идею всеблуднаго и вседѣющаго, совершеннаго Бога, требующаго отъ людей во

кровныхъ жертвъ, а нравственнаго совершенства и чистыхъ молитвъ.

Этотъ моментъ большого расширенія религиозныхъ вѣрваній царя, возмущеннаго законод., послѣ долгихъ колебаній и тяжкихъ паденій, до идеи чистаго духовнаго монотеизма, служащей выраженіемъ величайшаго торжества человѣческаго духа надъ ограниченными въсвѣтскими представленіями, изображена Ренаномъ очень рельефно, но въ характеристикѣ выдающихся историческихъ дѣателей авторъ расходится съ господствующими въ эту эпоху вѣрваніями; такъ цар., благодѣтельный и самоотверженный, царь Давидъ, является у него довольно неурядивымъ честолюбивымъ, подобно большинству памятниковъ дѣателей, но особенно развѣрнутымъ въ выборѣ средствъ для достиженія амбіціозныхъ цѣль. Легендарная мудрость царя Соломона изображена Ренаномъ въ довольно двусмысленномъ видѣ. Прославленный храмъ представляется вообще довольно слабою и посредственною постройкой и т. п.

Эпизодомъ въ «Исторіи израильскаго народа» служатъ превосходный очеркъ царствованія іудейскаго царя Ирода Великаго, заключенный уже послѣ смерти Ренана. Въ личности этого легендарнаго тирана, полу-араба, полу-еврея, порывающаго связь съ исторіей и религіей, своей страстью, проявляется какая-то демоническая сила. Холодно-кровна, съ нѣмалымъ ономъ сноровкою доко обдуманнаго убійства, какъ смѣр. утоленіе ненавистнаго ему еврейскаго первосвященника во время купанья, производить ужасное впечатлѣніе. Погадиному ому проникся древне-византизмъ духомъ и стремился имѣть роль покровителя искусства, особенно зодчества. Ому забавлялся, не меньше Нерона, объ украшеніи своей столицы и устройствѣ арены для народа въ римскомъ вкусѣ. Въ сравнительно короткое время ому достигнуть значительнаго успѣха въ управленіи страномъ, матеріальное благосостояніе которой, благодаря ому, быстро возростаеъ. Его цѣль—установленіе сильной еврейской власти, замѣнить теократическаго строя древней Іудей.—обличаетъ въ немъ великаго преобразователя, одареннаго выдающимися умами и прозор-

ливостью. Она как будто создана для того, чтобы возмещать и спасти свою страну, но на самомъ дѣлѣ возмещаетъ его престою—обманчивый блескъ. Это лишь зарево ужаснаго пожара, раздутаго преступникомъ, чтобы скрыть слѣды гнушенныхъ млодѣний. Въ душѣ Иродъ—такой-же зѣбра, какъ и Веронъ, которому по своей жестокости и коварству она могла-бы послужить вѣчнымъ образцомъ и прототипомъ. Правда, съ мучками съ религіею своей страны, но лишь какъ съ необходимыми обрядомъ, а добродѣтель она командовать конечно не меньше Верона. Она не уступала ему въ подозрительности и въ злобѣ; въ сущности она неумолима гонимъ, но включая даже своей любимой женою—Маркеллою, которую подъ пустымъ предлогомъ судила на казнь. И наконецъ, уже на смертномъ одрѣ, измученный ужасными видѣніями, скрутимыми предчувствіями и таинственной мучительной болѣзнію, она при одной мысли, что его сынъ послѣ его казни, освобожденный отъ тюрьмы, можетъ выступить на престолъ, доходить до такого бѣшенства, что на край затылка дѣлается слезодубиной. Не обладая и сотой долей власти Верона, она успѣваетъ свергнуть въ волновъ урѣ и оправдъ власти на казнь млодѣний, чѣмъ безумный цесарь.

Наряду съ вышеописанными обширными историческими трудами, Гезианъ написалъ дѣльный рядъ сравнительно небольшихъ этюдовъ по исторіи религіи, издаваемыхъ въ видѣ двухъ ежемѣсячныхъ сборниковъ, по богатству и разнообразію содержанія представляющихъ исключительное явленіе во всемірной литературѣ. Это дѣлали картинныя галереи. Прежде всего мы съ изумленіемъ осматриваемся передъ мастерскими портретами великихъ религіозныхъ дѣятелей, средневѣковыхъ монаховъ и реформаторовъ, предѣ Кальвина,—мыслителей, прозвучавшихъ святою любовью къ истинѣ, какъ Галлеи и Спенсера,—святыхъ миссионеровъ, предѣ Франциска Ассизскаго, влюбленного въ бѣдность, а Екатерина Стомель, съ сердцемъ пеннишамъ, какъ у ребенка, и за-

рашеннымъ, какъ у мученика, тако умирающей отъ любви къ Богу и возстаданнаго чувства къ человѣку, зажегшему въ ея душѣ несокрушимое пламя вѣры. Рядомъ съ блестящими характеристиками отдельныхъ личностей идель-во познаны цѣлыя картины изъ средневѣковой религіозной жизни, изображенія схоластическихъ споровъ и столкновений различныхъ сектъ съ господствующею церковью, этюды по исторіи буддизма и магнетизма, изслѣдованія по сравнительной хронологіи и оцѣнкѣ древне-персидскихъ и древне-греческихъ вѣрованій.

Во изображеніи самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ религіозныхъ настроеній народа и отдельныхъ личностей Ренанъ является не только мыслителемъ истерическимъ, но и писателемъ. Во Франціи особенно этотъ родъ литературы сорокъ лѣтъ тому назадъ находился въ такомъ пренебреженіи, что даже доктр. провизоръ-пасторъ Бюлоа, издатель журнала «Revue des Deux Mondes», отказался напечатать изслѣдованіе уже не безызвѣстнаго тогда Ренана «о буддизмѣ», подъ предлогомъ, что оно мало правдоподобно и не интересно для читающей публики. Какъ оказалось, Бюлоа на этотъ разъ ошибся, и авторъ «Исторіи христианства» и «Этюдовъ по исторіи религій» вскорѣ достигъ такого крупнаго успѣха, какой выпадаетъ на долю лишь немногихъ избранныхъ. Онъ съумѣлъ заинтересовать даже многомысленнаго, разсѣяннаго Парана вопросами религіи и морали. Секретъ этого исключительнаго успѣха однако очень простъ: изслѣдованіе религіозныхъ вѣрованій у Ренана сводится къ изученію человѣческаго духа и сердца, этого возмущаемаго источника всѣхъ нашихъ надеждъ и утѣшеній. На первомъ планѣ у него не религіозный догматъ, а скрытое въ его глубинѣ чувство; ищущая форма интересуетъ Ренана не столько, насколько она можетъ послужить къ уразумѣнію великихъ тайнъ души. Религія, съ его точки зрѣнія, является лишь основаніемъ фактомъ умственнаго развитія человѣчества. Вотъ почему въ его изображеніи даже величые схоластическіе споры и чудовищныя религіозныя предствленія первообычныхъ народовъ не кажутся намъ скучными и интозными. Рас-

крывал предъ читателемъ весь ужасъ паденія отжившихъ религіозныхъ светомъ, когда высклъ съ лихорадочными богами гнѣба и милліоннмъ вѣрующимъ, Ремакъ всегда съ глубокимъ сочувствіемъ относится къ страдающимъ членамъ, стремлится къ познанию вѣчной истины и обреченнаго на безвыходную борьбу и слѣдствія безъ конца. Основателя коммуны религіи, великаго реформатора, провидѣнника, святца, съ его точки зрѣнія, является прежде всего людьми, но чуждыми обычныхъ слабостей и недостатковъ. Все ихъ величіе заключается лишь въ безразличномъ стремленіи къ истинѣ, а не въ ихъ личныхъ достоинствахъ. Бама сказалъ эта черта слагывается напр. съ Магометъ.

«Онъ вѣроятно рано дѣйствъ имъ острепшено совѣтально, — говоритъ Ремакъ, — стлѣнногма, что посягается своей воли, а не вдохновенно стмше. Онъ дозволяетъ разбойничество, предписываетъ убійство, онъ лжетъ и позволяетъ лгать другимъ на волихъ имъ возмной интрости. Можно-бы правески пѣснчи случаетъ, когда онъ поступаетъ противъ нравственности имъ-за политической выгоды. Однѣхъ имъ его самыхъ страшныхъ поступковъ конечно есть обѣщаніе Осману прѣсненія всѣхъ грѣховъ, которые онъ можетъ совершить до своей смерти, въ награду за большой денежный взносъ».

Въ доуришаніе волю Магометъ до безобразія женолюбивъ, но онъ все же великъ въ своихъ порывахъ нептатаныхъ, всакъ съ силу своей вѣры.

«Въ глазахъ критика, стоящаго среди бѣгущей и вулканной дѣятельности, — говоритъ въ заключеніе Ремакъ, — вѣтъ ничего абсолютнаго въ человекѣ, посленъ радивъ съ печатью красоты и свое прирожденное вѣтво. Кто можетъ въ своихъ собственныхъ нравственныхъ ощущеніяхъ опредѣлить линію, отдѣляющую прѣстное отъ ненавистнаго, безобразіе отъ красоты, ангельское видѣніе отъ сатанинскаго и даже въ вѣкторной еепенн. — радость отъ горя? Такъ такъ религія — самыя полныя производніа человеческой натуры, выражающія се съ наибольшей пѣлькотью, то онѣ востойко-же подѣржаны на противорѣчіяхъ и не допускають суж-

и мечтатель был неспособен ни къ компромиссамъ съ печальной действительностью, ни къ отъѣкѣ современныхъ сложныхъ политическихъ событий. Но крайней мѣрѣ франко-германская война казалась для него совершенной несправедливостью, ужасной катастрофой, въ которой одновременно съ благополучіемъ и спокойствіемъ родины рушилась и его лучшая надежда. Первая спутница войны о близкой войнѣ между двумя наиболее культурными государствами Европы мечтала путникомъ въ гор. Бергенѣ, но принцъ Наполеонъ и его спутники не придали имъ никакого значенія. Война казалась весьма тайной и бездѣльной, что никто не хотѣлъ избирать, чтобы правительство ссылались ее объявить. Рѣшено было ждать дальше. Въ Тромсѣ однажды была получена депеша о необходимости войны отъ самого Олсена, а на другое утро послѣ трюмской ночи Риппъ съ глубокимъ волненіемъ мыслить, что пароходъ, на которомъ онъ былъ, отправляется не на северъ, а назадъ къ берегамъ Франціи. Сомнѣній больше не было: ужасное бѣдствіе разразилось надъ цивилизованной Европой. Гнусная война по волѣ безумнаго песталоццевъ была объявлена. Известный критикъ и публицистъ Брандесъ рассказываетъ, что, по возвращеніи въ Парижъ изъ неудачной поездки, Риппъ казался очень расстроеннымъ. Куда дѣвалось олимпийское спокойствіе великаго писателя, его самоуверенный, слегка наемѣшанный, изысканный тонъ, такъ восхитительный парижанъ и поразившій Брандеса при первой встрѣчѣ съ нимъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Подъ влияніемъ глубокаго негодованія Репать забыла даже свой основной литературный принципъ, что истина замалчивается лишь въ тонкихъ отъѣнкахъ, и, несколько не сдерживаясь, безъ малѣйшихъ отъѣнковъ и оговорокъ, казнилъ извѣстнаго негодованъ и бездарностей людей, стоявшихъ въ то время у кормила правленія. «Никогда еще несчастный народъ не находился подъ властью подобнаго дураковъ, — говорилъ онъ Брандесу, видимо изволнованный, со слезами на глазахъ. — Со стороны кажется, что императоръ лишился разсудка, но виноваты его приближенные, гдѣ это все происъ дѣтствомъ. По-

думать страшно, что все труды людей науки и прогресса поглотит от одного удара. Все рухнет: сближеніе между двумя народами, взаимное пониманіе, полезный совместный труд. Какъ подобная война унизитъ всякую любовь къ величію! Какъа любовь, какъа слава другъ противъ друга втеченіи во крайній міръ погубитъ будетъ признаваться за всеобщую несуду между двумя враждовавшими народами. И эта любовь, подобно глухой слепотѣ, разъединитъ ихъ. Какъ губительно это отразится на умственномъ развитіи Европы! Сопни дѣтъ не хватитъ для возмещенія того, что честолюбивы разрушили въ одинъ день!

Ренанъ съ глубокимъ прозрѣніемъ ставилъ о дѣятельности апостола въ нравѣ и желѣи, вродѣ Паскаря и Мольера, но конечно подобныя господствующія думьствуются румьстваніями чужды и своеты «идеализма», а ииіиіемъ «идеализма» и мечтателей не особенно сѣннются. Викторіанъ Ренанъ, писавшій ииъ въ особой статьѣ о франко-германской войнѣ, послужила лишь поводомъ для грѣшны, но совершенно бѣдѣльной полемики съ Давидомъ Штраусомъ, вроду превратившійся въ кабинетнаго ученаго и метафизико-германца въ пламенный ииловникъ прусской волины жасліа и организующаго международнаго грабана. Безъ сомнѣнія, въ этой полемикѣ правда оказалась на сторонѣ идеалиста Ренана, но дѣятельность не оправдала его искрѣпій и ииладно показала, что политика культуры Европы руководствуется прекрасными соображеніями о благи и дружномъ обединѣи народовъ больше на словахъ, а на дѣлѣ предпочитаетъ практическія цѣли въ видѣ территориальныхъ пріобрѣтеній, военныхъ вознагражденій, контрабундъ, реквизицій и ииодныхъ соизволеній, обезпечивающихъ хотя бы временное преобладаніе надъ другими государствами. Франко-германская война оказала громадное вліаніе на дальнѣйшую литературную дѣятельность Ренана, заставила его задуматься надъ современнымъ положеніемъ Европы. Его мечта о союзѣ наиболее культурныхъ государствъ — Англіа, Франція и Германія — для дружнаго противодѣйствія Россіи безвозвратно

погибла. Неудивительно, что его самое крупное публицистическое произведение под заглавиемъ «Умственная и нравственная реформа», изданное вскоре послѣ франко-германской войны, носитъ явные слѣды глубокаго разочаранія. Подъ сѣбяныя впечатлѣнія ужасныхъ событій, даже изъясняющій, слеза выскочившій и изъяснѣ съ тѣмъ сентиментальной тѣнью Ренанъ становится болѣе изректанъ и рѣкандъ. Сѣбянная демократическій строй съ буржуазнисть современнисть строемъ Западной Европы и особенно Франція, онъ выступишь убѣжденнымъ противникомъ послѣднего, главнымъ образомъ потому, что буржуазия открыто стремится къ захвату исторически-слѣдствителен государственной власти безразличной власти случайно разбогатѣвшихъ людей и отвергаетъ традиционную иерархию, левашую, во ишисю Ренана, въ основѣ всякаго благоустроеннаго общества. Отъ величественныхъ восторговъ передъ французской революцией, выскочившихъ такъ краснорѣчиво въ «Будущее науки», во останись и слѣды. Ренанъ забылъ даже съ, чего ему, какъ ученому, во всякомъ случаѣ во слѣдовало забывать, а именно, что только послѣ великой революцій сдѣлались въ существѣ возможныя широкае научное развитіе, особенно въ области социальныхъ наукъ, и что вѣщныя XIX вѣка осуществлены такія великія научныя открытія и достигнуты во всѣхъ отношеніяхъ такія крупныя успѣхи, о какихъ въ доброе старое время не сѣбяла мечтать. Бѣшь великая, крупная ошибка каждой революцій заключалась въ томъ, что она, отвергнувъ историческія традиціи, стремились основать общественный строй исключительно на отвлеченныхъ соображеніяхъ о народномъ благѣ и правахъ человека, но эта крайность явилась неизбежнымъ результатомъ полнаго отрицанія человеческаго нравъ въ эпоху неограниченной монархіи Бурбонсовъ. Вступивъ на путь крайностей и поддѣлившись увлеченіямъ, Франція вышла слишкомъ далеко. Разочарованіе представлялось неизбежнымъ, або кто забываетъ чертуктуру впередъ, тотъ послѣдствителенъ возвращаться назадъ, и Франція естественно осталась

отъ Англии, последовательно подвигавшейся по пути прогресса. Какое же вышло из переходнаго положенія, созданнаго французскою революціей? Република не дала положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Все ея симпатія на сторонѣ палкой аристократіи и законной монархіи, но она понимаетъ, что возвратъ къ прошлому невозможно, а настоящее является ему почти безнадежнымъ.

Изучая различныя стороны современнаго государственнаго строя, мы приходимъ къ заключенію, что эти формы могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ, по типу преобладанія государства надъ личностью или, наоборотъ, личности надъ государствомъ. Въ первомъ случаѣ государственная власть допускаетъ существованіе личной независимости и свободы лишь на столько, насколько это необходимо въ интересахъ государства. Граждане или, вѣрнѣе, подданные подобнахъ монархіи вынуждены платить обыкновенно громадныя данности, чуть не поголовно обязаны понести повинности и подвергаться на каждомъ шагу очень тягостнымъ личнымъ стѣсненіямъ, но вслѣдствіе этого государственная власть обеспечиваетъ въ значительной степени ихъ благосостояніе, безопасность и даже отчасти ихъ умственное развитіе. Образцомъ государства перваго типа, господствующаго въ Европѣ, является Пруссія. Въ государствахъ же преимущественно демократическихъ, какъ Соединенныя Штаты, напротивъ, самостоятельная власть развиты настолько слабо, что личность пользуется почти неограниченною свободою до тѣхъ поръ, пока ея интересы не приходятъ въ столкновеніе съ стремленіемъ другихъ согражданъ. Изъ столкновенія неизбежно возникаетъ сильная конкуренція и ожесточенная борьба за существованіе, въ которой государственная власть не принимаетъ почти никакого участія, а потому болѣе слабыя и неуклюжія болѣе приходится иногда очень плохо. Она обречена на гибель. Правосудіе въ подобнахъ странахъ обыкновенно находится въ печальномъ состояніи. Наука и особенно искусство не процвѣтаетъ, почти не видно бле-

станицах кундирова и не бывает особенно парадных церквей, но зато личность пользуется сравнительно значительной свободой, не несет особенно тягостных повинностей, не обременена чрезмерными налогами въ интересах казны и при большой энергии может вполне ограждать себя от неудобствъ, происходящихъ изъ-за отъема недостатка гарантій безопасности со стороны государства.

Франція, по житію Ренана, вслѣдствіе попытокъ нѣкъ ея потрясеній и переворотовъ, уклонилась отъ общаго вышесказаннаго типа государственнаго устройства, и пока она не выработаетъ прочной общественной формы, совмѣщающей личную свободу съ прочими государственными порядкомъ, то тѣмъ корѣ она обречена на тягостныя блужданія и утомительные переходы отъ одной крайности къ другой. Ренанъ не рѣшается въ точности опредѣлить желательную форму будущаго государственнаго и общественнаго строя, но въ своихъ «Философскихъ дискурсахъ» даетъ знать, что будущее во всякомъ случаѣ принадлежитъ не демократіи, а скорѣе безусловной монархіи или даже, скѣпко сказать, олигархіи, то есть такой формѣ правленія, которая, будучи въ рукахъ группы узурпаторовъ-аристократовъ, по общепринятому мнѣнію міра, основанному на известныхъ историческихъ примѣрахъ, соединяетъ въ себѣ всѣ удобства всеподданной монархіи и деспотизма. Необходимо замѣтить, что оригинальные политическіе взгляды Ренана вытекаютъ въ тѣснѣйшей связи съ его философскими воззрѣніями. Его презрѣніе къ демократіи основано на убѣжденіи, что толпа не способна возмъщаться до полнаго пониманія высшихъ идеаловъ добра, истины и красоты и что всѣ ея стремленія сводятся къ существованію въ удовольствію матеріальныхъ потребностей. Считая и довольная толпа, по мнѣнію Ренана, хуже еще, пожалуй, голодной, потому что сакдодовальное желѣзство дѣлаетъ человека окончательно неспособнымъ къ самоощущенію и развитію.

Во примѣненіи къ современной смращенной буржуазіи большаго города эта мысль дѣйствительно

представляется довольно странным. Влияние буржуазных революций было сомнительно очень неблагоприятно отразилось на современном искусстве и отчасти способствовало перелому в нем; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что аристократія является высшимъ воплощеніемъ всѣхъ человеческихъ добродѣтелей, живымъ образцомъ благородства и красоты. Не убѣждаетъ-ли насъ исторія, напротивъ, въ томъ, что власть, основанная исключительно на сословныхъ привилегіяхъ или преобладаши капитала, въ концѣ концовъ приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, способствуя лишь разоренію и всякимъ злоупотребленіямъ. Въ древнемъ мірѣ только Греція достигла сколько-нибудь успѣховъ въ области философіи, искусства и науки, то и въ эпоху наибольшаго своего процвѣтанія Византия была имено демократическою республикою. Въ средніе вѣка, во времена феодализма, умъ человеческій былъ погруженъ въ тяжелую дремоту, а пробужденіе выступило лишь выѣстъ съ торжествомъ маршаловскихъ и особенно демократическихъ началъ.

Болѣе Ренессансъ въ своихъ сужденіяхъ о значеніи демократіи въ умственномъ развитіи Европы основывался на несовершенныхъ данныхъ, то онъ не могъ бы прослѣдить знаменательнаго соединенія материальнаго научнаго и демократическаго движеній, — соединенія, характеризующаго XIX вѣкъ. Быть можетъ, влияние демократіи оказалось неблагоприятнымъ въ области изящныхъ искусствъ (балетъ и тѣмъ исключенное куварное искусство, надо полагать, особенно при этомъ пострадало), но наука, несомненно, при демократическомъ стрѣб только выиграла, потому что ей прогрессъ завести главнымъ образомъ отъ самѣтателъ дѣятельности такой массы ученыхъ, которой не можетъ выдвинуть никакая аристократія, а тѣмъ болѣе олигархія, являющаяся, по мнѣнію Ренессанса, высшимъ идеаломъ общественнаго и государственнаго устройства. Правда, ренессансовая олигархія—это аристократія ума; ей власть надъ обществомъ представляется какъ-бы осуществленіемъ конечной цѣли міространія, торжествомъ духа надъ

матерой. Но, выступая приверженцем великих идей, Ревань не ищет в них освободительную и просветительную силу, не допускает, чтобы над их влиянием чужеземская прелесть ослепленности могла усовершенствоваться, а народная масса сделаться туманной и разумной, пить,—но его мнѣнью, духъ лишь путемъ насилия можетъ восторжествовать надъ человеческой тьмой, обреченной на безвыходное вѣчное рабство.

Ревану кажется особенно естественнымъ и вероятнымъ, что въ отдаленномъ будущемъ государственная власть перейдетъ въ руки нѣсколькихъ великихъ людей, которые, владѣя высшими тайнами науки, будутъ господствовать надъ тьмой, подобно Зевсу-Громоверзцу, обухивая непослушныхъ ударами возмущающей молнии или, говоря проще, свистя какаль ибуль усовершенствованныхъ орудій, чудовищныхъ разрывныхъ снарядовъ и т. под. Но возможно, что въ концѣ концовъ вся власть надъ миромъ сосредоточится въ рукахъ одного неограниченного, высокопресвитеннаго монарха. Можно себѣ представлять, что по изобрѣтеніи тыканатій какойнибудь великій изобрѣтатель откроетъ такой ужасный корыччатый составъ, посредствомъ котораго онъ будетъ въ состояніи угрожать существованію не только человечества, но и планеты, на которой мы живемъ. Конечно, если этотъ гадій будетъ созданъ высокопресвитеннымъ разумомъ, то онъ воспользуется своимъ изобрѣтеніемъ исключительно лишь въ интересахъ человечества и, захвативъ неограниченную надъ нимъ власть, позаботится о томъ, чтобы превратить землю въ иритушій рай, въ царство всеобщаго мира, справедливости и благоденствія. Ревань не видитъ въ этомъ ничего необычнаго, чудовищнаго и безнравственнаго. Видъ только съ ограниченной лачкой точки зрѣнія намъ кажется коммутаторнымъ такой порядокъ, когда жизнь миллионъ людей, всего человечества и наконецъ цѣлаго міра будетъ сведена къ неограниченному господству одного или нѣсколькихъ великихъ человекоподобныхъ или богоподобныхъ существъ, а земля сдѣлается насестомъ ирушкой въ ихъ рукахъ. Конечно онъ сознаетъ, какія

гражданские жертвы должны быть принесены, пока осуществляется высшая цель волепобедо-господство разума, но ради такой цели, но его мифоло, можно забыть по-жертвовать. А человеческая толпа всегда вырывается за цель, чтобы великие ученые за нее думали, святые молились, а герои действовали. Если когда-нибудь все эти разрозненные высшие функции соединятся в одной великой личности, облеченной к тому же властью, то цель душе для толпы. Но Ренан, забываешь обь ономъ, что великие ученые, герои, святые и вообще все благодетели человечества, никак глубокое отрицание во всякому пасали, никогда не смирившись въ порабощенію себя подобнымъ. Напротивъ, люди жертво-положкаго типа, не задумываясь, доблестно великими изобретениями, провъ саронскихъ языковъ и телеграфа, для осуществления своихъ истинно-общественныхъ замысловъ. И еслибы торжество идеи завысьлооть трезвой мыслию, то на землѣ утѣли-бы далеко послѣдствіе арабскаго востана. Какъ жаль, писатель Ренанъ забылъ, что идеи справедливости, красоты и правды развиваются лишь въ человеческой душѣ, а потому не могутъ быть проведены въ жизнь путемъ насилия и угрозы. Очевидно, его мечта о всемірномъ господствѣ собранія мудрецовъ, вооруженныхъ бичами и разрывными бомбами,—чуждою ил-люзія, развившаяся подъ сильными впечатлѣніемъ такихъ ужасныхъ событий, какъ франко-германская война и коммуна. Писатель, неутомимо трудившійся надъ рѣшеніемъ вѣчныхъ вопросовъ религіи, морали и эстетики, человекъ, вся жизнь которого была посвящена на служебно великимъ идеаламъ, въ концѣ концовъ возмущался противъ буржуазнаго общества, преданнаго исключи-тельно дѣлу наживы, и съ арарбическы отворачиваясь отъ мнимо-культурныхъ воколѣній и народовъ, готовыхъ пролить потоки крови изъ-за клочка земли или политическаго преобладанія.

Къ несчастью, Ренанъ такъ и остался до конца своихъ дней профаномъ въ политикѣ, насколько вообще такой унылый и талантливый писатель можетъ быть профаномъ. Благодаря своему бретонскому проис-

вожделію и клерикальному воспитанію, онъ не могъ иа должной мѣрѣ оцѣнить громаднаго значенія современныхъ стремленій къ всеобщему образованію и благо- состоянію, а оттого его сужденія о ближайшихъ событіяхъ не отличались особеннымъ безпристрастіемъ и широтою взгляда. Онъ видѣлъ лишь одну сторону медали. А ли- тературная слава, которой онъ добился, благодаря своему необыкновенному таланту и познаниямъ, еще сильнѣе за- ставляла его переносить всю горькую разладу съ окру- жавшимъ обществомъ. Безъ сомнѣнія, недоброжелде и грубость современной толпы явились для него неоднократно источникомъ глубокихъ и тяжелыхъ страданій. Вѣтъ во- меть, это было для него даже однимъ изъ единичныхъ об- дѣлъ. Но вѣдь такова ужъ судьба всякихъ выдающихся людей. Долга истиннаго героя и мудреца въ толпѣ и не- замечается, чтобы стать выше средня личнаго впечатлѣнія и страданій, чтобы всѣмъ такимъ обѣдамъ и до конца сохранить вѣру въ благородство человеческой души. Въ литературной дѣятельности Ревиль встрѣчаются минуты глубокихъ мыслей, сильныхъ и даже отчаянія, но въ концѣ концовъ онъ сохранилъ вѣру въ человека, состоя- лящую въ сущности всю силу гола. Не смотря на все свое ижекое презрѣніе къ толпѣ, Ревиль являлся горячимъ защитникомъ свободы развитія, высказывался противъ теорій, направленныхъ къ ограниченію самыхъ безспорныхъ правъ человеческой личности.

Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ лекція о значеніи національной идеи, прочитанная имъ въ Сорбоннѣ 11 марта 1882 года в послѣдствіи замечательная въ сборникѣ подъ заглавіемъ:—«Современные вопросы». Здѣсь Ревиль подвергаетъ тщательному исследованію современныя господствующія воззрѣнія на значеніе націи и сущность національнаго права. На основаніи общемо- вѣстныхъ историческихъ фактовъ онъ, съ неумолимой послѣдовательностью, доказываетъ всю ошибочность и не- состоятельность этихъ воззрѣній. Особенно онъ возражаетъ противъ аннаго права націй путемъ законной опредѣ- лить свои такъ называемыя «естественныя границы». Правда всего онъ задается вопросомъ, могутъ ли горы

и реки служат таянии границами, и приходится къ заключенію, что если горы действительно раздѣляются, то реки къ скорѣ соединяются, и что отъ Торона до Вирани нѣтъ устья реки, которое имѣло бы болѣе разграничительный характеръ, чѣмъ наирѣдѣ: Сена, Луара, Эльба, протекающія въ центрѣ государства. А горные хребты, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, спятъ и радомъ не совпадаютъ съ существующими государственными границами. Поэтому очень распространенный въ наше время взглядъ, что границы имѣли бы предположительно на географической картѣ и что государство имѣетъ право съ кѣмъ въ рукахъ добиваться ихъ,—представляется къ высшей степени нелѣпнымъ и даже абсурднымъ.

Но и раса, в общности говоря сама по себѣ не имѣетъ еще рѣшительнаго значенія въ вопросахъ о національности. Языкъ, по выраженію Ренана, не принуждаетъ къ единенію, а лишь способствуетъ ему. Въ исторіи раса не составляетъ всего, какъ напр. у народъ индусовъ и гималусовъ. Къ тому же, съ развитіемъ культуры, роль ея становится все болѣе и болѣе второстепенной. Никто не имѣетъ права ходить по миру и хватать встрѣчныхъ за горло съ крикомъ: «ты чуждѣ расы, а потому ты чуждѣ!» Да въ такомъ образѣ опредѣлить границы расы, когда еще подъ влияніемъ историческихъ событий почти безусловно востали Великобританія, какъ Англія, Франція, Россія, сложившіяся изъ чрезвычайно разнородныхъ племенныхъ элементовъ, и въ сѣченіи послѣднихъ, а не въ обособленности, заключается одно изъ важнейшихъ условий успешнаго развитія. Въ концѣ концовъ приходится убѣдиться, что для созданія сильной націи еще недостаточны ли общности языка и происхождения, ли удобныхъ территориальныхъ границъ и военныхъ усѣбныхъ, ли даже солидарности между сослоями въ области промышленныхъ и чисто материальныхъ интересахъ. Нація, по мнѣнію Ренана, прежде всего есть духъ или великій историческій принципъ. Два фактора порождаютъ этотъ духъ и создаютъ жизненный национальный идеалъ; съ одной стороны это обладаніе общими послѣдственными историческими, а съ другой—желаніе жить и трудиться

способа ради сокращения дорогого историческаго изслѣдана. Такой образъ въ национальномъ чувствѣ любви къ прошлому неразрывно связанъ съ надеждами на свѣтлое будущее. Великая слава, воспоминація о подвигахъ национальныхъ героевъ и о минувшихъ бѣдствіяхъ, желаніе страдать, наслаждаться и надѣяться вместе со своимъ народомъ—вотъ сущность патриотизма, который не можетъ быть созданъ никакими искусственными и принудительными мѣрами. Въ вопросахъ о национальности, по мнѣнію Решавъ, рѣшающими факторамъ должно являться преобладающее чувство и симпатія народа.

Высказывая подобныя взгляды вскорѣ послѣ заката Вильяма и Лотарингін, великій историкъ превратилъ собою въ то, что они называютъ лицъ-профѣтисъ со стороны великаго и великаго грубой силой. Но онъ не теряетъ надежды на лучшее для. И эта надежда даетъ возможность Решаву вернуться съ самыми тяжелыми политическими разсужденіями. Его политическіе, если можно такъ сказать, особенно умственно проявляются въ его философскихъ драмахъ, служащихъ выраженіемъ не только міросозерцанія Решавъ, но еще въ большой степени его симпатій и настроенія. Въ первой драмѣ, подъ заглавіемъ: «Канібала», поминившей въ 1878 году, какъ разъ въ разгаръ борьбы клерикальной аристократіи, руководимой герцогомъ де-Бролли. Макс-Магономъ и де-Фурту, Бюффе и Шенеловомъ,—съ буржуазно-республиканской партіей, Решавъ даетъ полную волю своему отращиванію къ демократіи. Воспользовавшись въ общахъ чертахъ фабулой и персонажами Шенеларовой «Бури», онъ воплощаетъ въ лицѣ благороднаго мудреца Просперо аристократію, въ лицѣ свѣтлаго духа Ариэла—идеализма и въ лицѣ Канібала (т. е. канібала, дикаря, извѣдана) — рабочей массы и вообще демократіи. Дѣйствіе происходитъ въ итальянскихъ владѣніяхъ герцога Просперо. Для большого поощренія демократіи, Решавъ заставляетъ Канібала—«уродливаго и дикаго рба»—запѣть до безчувственна превосходнаго вѣномъ, украденнаго изъ погреба своего господина, и, лежа въ лучѣ вытекающаго изъ разбитыхъ бочекъ пива, оченъ

краснорѣчиво разглашествовать о своемъ челоуѣческомъ достоинствѣ и чести, объ инсинуаторахъ и утурпаторахъ, о санкціонныхъ правахъ народа и грядущемъ восстаніи, потеряя при этомъ современные ходячія фразы. Честный духъ—Ариэль—напрасно пытается его перевернуть и образумить. Калабанъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго раскаянія; напротивъ, воспользовавшись одиночествомъ Просперо и его пренебреженіемъ къ общественнымъ дѣламъ, онъ своими торчящими рѣчами возбуждаетъ чернь въ бриту, а въ концѣ концовъ захватываетъ диктаторскую власть въ свои руки. Онъ выказываетъ при этомъ ловкость и тактъ истиннаго политическаго дѣятеля, вродѣ Гамбетты, успѣвая распалочить къ себѣ и народъ, и буржуазію. Мало того, онъ является въ некоторомъ родѣ даже покровителемъ некульта и просвѣщенія, защищая своего бывшаго вассала и политическаго врага отъ преслѣдованій инквизиціи, требующей Просперо къ суду по обвиненію въ ереси. Романъ оказывается настолько оптимистиченъ, что даже въ побѣдѣ невѣстной ему демократіи надъ благороднымъ герцогомъ готовъ видѣть хорошую сторону: дикій Калабанъ, достигнувъ власти, быстро разлагается и становится советомъ благородныхъ.

Продолженіе этой драмы или, вѣрнѣе, политическаго памфлета, написаннаго въ 1881 году подъ заглавіемъ «Филантѣльная вода», по содержанию своему еще сложнее «Калабана» и также пренесено наивнѣе на современные политическія событія, хотя дѣйствіе этой драмы происходить въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Романъ очень яркими красками изображаетъ распущенность вассальскаго двора въ эпоху англоленскаго владычествія. Дѣлами перья управляетъ вассалъ любовника Брунессола. Насилье и разорать царствуютъ повсюду. Мудрецъ Просперо опустился въ погребу и на все захватилъ ручей, отдавшійся всецѣло пожелать живой воды, чудной эссенціи, обладающей способностью возрождать стариковъ, а Калабанъ обнаруживаетъ такую политическую мудрость, что съ его властью впрямъ даже его заклятые враги. Просперо, подъ именемъ ученаго Арио, отправляется стран-

становит. Повидимому его поиски за «значительной во-
дой» угадываются уэлксом. Огь, подобно Фаусту, из-
учного превращается в искателя земных наслаждений
и, проповедуя воздержанье лишь для труженников на-
уки, требует увеселений для простого народа. Какому
образаются эллины мира сего за драгоценные камни
возрождающего алмаза. Пана Кинкель мечтает о воз-
вратѣ изувещаннх дней юношескаго воева и любовных
всладженнх. Последовател германскаго императора, тре-
буетъ живой воды для какихъ-то политическх цѣ-
лей и, насильно выхвативъ бочаль у Арно, на-
павается до безумства, проносится аэлетальщиной глы-
бой прохладнх тестовеннх рѣчъ и несогрудивой сабъ тѣмъ,
никогда не введшаго въ обѣщанъ, а пражскаго по-
литика «красн и желтъ», — рѣчи, которае еще такъ не-
давно раздавались въ преддвернх келье Бисмарка. Фран-
цузъ, впротавъ, обѣщаетъ знаменъ, провозгласитъ самыя бла-
городныя слова. А Просперо въ судѣ правоученнх ко-
внелетъ, что жизнь изда лишь пробуждаетъ скрытыя въ
насъ способности и чувства: «это идаль, который ни-
когда не увидитъ. Сама, возрождающая насъ, есть чи-
стота нашей души», говоритъ оль. Въ концѣ концовъ
все прекрасно устраняется. Арно въключается въ оче-
редательную временну, возстановлену въ монастырѣ для
извѣстнаго удовольствнх, посредствомъ которой пытались
было соблазнить Просперо. Подъ каменемъ страсти
«свѣтлый духъ» становится обыкновеннымъ свертникомъ
и получаетъ выгоду синекуру отъ благополучно цар-
ствующаго Калибеля. А мудрецъ Просперо, извѣдавшнй всѣ
облагоднн жизни, тихо умираетъ «съ улыбкой на
устахъ». Въ слѣдующей драмѣ, озаглавленной «Синцен-
никъ изъ Нванъ», Рекакъ проводитъ глубоко-печальную
мысль, что въ общественной жизни чаще всего торже-
ствуютъ преступныя и безпрямственныя дѣятели, а бла-
городныя идеальте, предѣ горюя племъ, жестоко платятся
за свои добрыя дѣла, направленные ко благу человѣ-
чества, и что вообще реформы дается не легко и сопря-
жены съ большими опасностями, благодаря тупости и
умственной лениности массъ. Однако въ концѣ концовъ

добро и правда должны торжествовать. В последней драме, подь заглавиемъ «Журналы Игумены», («L'abbé de Jonatte»), изображается какъ бы примиреніе стараго и новаго общества въ силу любви. Подъ разнородными названіемъ идея о зрѣлости земной жизни сначала торжествуетъ грубые инстинкты, но наступаетъ часъ неизбежнаго пробужденія и возрожденія чужака идеала. Добродѣтель торжествуетъ и получаетъ поощреніе награду. И такъ, даже на снѣжной снѣжкѣ идей, не смотря на весь свой кажущійся эстетизмъ, на конитивности нѣтъ разочарованія и тяжелаго труда. Романъ является непосредственнымъ идеаломъ и эстетизмомъ. У писателя, несомнѣнно искуснаго, изъ чертъ таланта, сказывается въ драмѣ рѣдкѣ способность прѣдстать произведеній, конечно не можетъ быть объяснена ни случайностью, ни лицемѣриемъ. Что же поддерживаетъ вѣру Романа въ идеалъ среди глубокаго индифферентнаго и логическаго французскаго общества? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо взглянуть въ сокровенную глубину міросозерцанія «сказочнаго святника», какъ назвали Романа, выяснить основныя моменты его философской системы. Въ слѣдующей главѣ мы и постараемся это выполнить.

VIII.

Философія Романа.

Важкий предмет не можна поблизувати великими питаннями: об'єктивності, справедливості, визначення членства і вселенної, вічно волаючих нашу мисль, і Романів постійно задумується надь этими питаннями. Неспівомала-ли ось в мислях роздумувати тоті тривоги передь грядущимъ невизначеннямъ, ту безпосередню глубокую тривогу, котрима мимоволя востановлюють величайшихъ мученик для членства? Повадимому в ось не избігнути общей участи всьохъ сомнѣлющихъ и жаждущихъ віри людей, потому что съ его возмозможностямъ, философскихъ драматъ, историческихъ епизодовъ, въ его публицистическихъ статьяхъ, въ его письмахъ и рѣчахъ ясно склывается прерізіе къ католическимъ забобамъ и часто востановлюеть вісний вопросъ о конечной цѣли жизни и всьохъ членствескихъ стремленій. Ось не хочеть и не можеть примиритися съ безнадежною дѣятельностью. Жизнь сама по собі, безъ идеаловъ и надѣждь, жизнь для жизни вклятоя ему ужасной, невозможной, худощавою неадекватностью. «Першою моею мислю—сказавъ Фейербахъ,—былъ Богъ; второе—разумъ, третье и послѣднею—членство». Эти слова мовить прихвильми в къ Роману; ось слѣдують тому-же процессу мисленія.

Неспівомало, мислять въ конствѣ, подобно Фейербаху, вклято Гегелю, ось по конствѣ существующимъ котомъ былъ видѣть воплощеніе идеи и цѣли членства лишь какъ орудіе этой конечной идеальной цѣли. Но, въ сьогдній, ось сльшкомъ часто сльшували мислять Богъ и идеи, попеременно переходя отъ теологическихъ воз-

срѣній къ метафизическимъ и позитивнымъ. Вотъ почему такъ трудно иногда его понять.

«Сказо Бизъ,—говоритъ онъ въ своихъ этюдахъ по исторіи религій,—пошло во всеобщее употребленіе; оно является такимъ великимъ символомъ познѣн, добра и красоты, что безъ него намъ трудно выразиться о возвышенныхъ предметахъ. Напрасно было бы говорить простому человеку, чтобы онъ имѣлъ стремленіями къ величію, добру и красотѣ—даже само это имѣе пустые слова, а скажите ему, чтобы онъ любилъ Бога больше самого себя и баялся гнѣва Богоугоднаго, и онъ весь прекрасно пойметъ. Богъ, Провидѣніе, бессмертіе—все это старые слова, но никто изъ насъ не устранилъ. Вотъ навсегда останется неизмѣннъ-выраженіемъ нашихъ сверхчувственныхъ стремленій, категоріей идеала, точно такъ-же какъ время и пространство является категоріями тѣла, то есть формами познѣн матеріи». «Тѣмъ первоначальной причиной всѣхъ вещей,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—не можетъ быть послуга изъ абсолютнаго умоу; разрабатывается она по законамъ, а законенъ помысли (т. е. религиозными системами). Абсолютный разумъ и справедливость проявляются лишь въ челоукоустѣ; кѣ его абсолютъ представляется отвлоченнымъ понятіемъ. Безконечное дифференциально существуетъ лишь тогда, когда онъ принимаетъ законченныя формы. Богъ виденъ въ его дѣлахъ и возпомощіяхъ».

Затѣмъ, отбывая подъ вліаніемъ минутнаго религиознаго настроенія, Ренанъ говоритъ, что было-бы богоугоднымъ точно опредѣлять природу божества и давать ему имя либо наименованіе. «Вѣрно лишь одно: Богъ существуетъ». А книгу «О будущемъ метафизика» онъ заканчиваетъ слѣдующей пламенной молитвой:

«Откуда небесный? не знаю, чѣ ждать насъ въ будущемъ? Или та вѣра, отъ которой Ты не можешь имѣть отреченія, есть божественное утѣшеніе, послѣднее, чтобы наша жизнь имѣла часть не казалась намъ невозможной? Или это только иллюзія, которой Ты насъ лишешь по своей безконечной добротѣ? Или это глубокий инстинктъ, стремленіе, дѣловое лишь праведнымъ? Или

быть может истина до того ужасна, что намъ ничего не остается кромѣ отчаянія? Но, должно быть, Ты не хотѣлъ, чтобы мы избавились отъ мучительныхъ сомнѣній, такъ какъ только вѣра въ добро, вытекающая изъ внутреннего настроенія, является дѣйствительною помощью. Будь благословенъ за свою таинственность, благословенъ за то, что, скрывшись отъ насъ, Ты намъ оставляешь свободу думать сердцемъ».

И наконецъ усталый, почти на краю могилы, онъ пишетъ:

«Ничто не убѣждаетъ насъ въ существованіи всеобъемлющаго мирового сознания души вселенной, но и для безумнаго отрицанія подобнаго бытія вѣтъ тоже оснований. Теперь вѣтъ вѣста для чудеса, но можетъ быть по прошествіи многихъ тысячелѣтій она свершится. Въ сущности всѣ человѣческія опыты сводятся къ одному явленію въ безмаломъ развитіи. Жизнь людей иллюстрируетъ развитіе бактерий въ закрытомъ сосудѣ. Если бы эти существа обладали развившимся критическимъ умомъ, они тоже могли бы прийти къ сознанію, что въ мірѣ — этомъ крохотномъ сосудѣ въ сравненіи съ безконечностью — вѣтъ кризисаго влияния посторонней разумной воли. Но вотъ настала урочная часъ. Опытъ созданія окончился. Ученый исследователь вскрылъ сосудъ и замкнулъ въ него, чтобы превратить тѣ измѣненія, какія должны были совершиться въ назначенное время, и внимательное наблюденіе воли въ жизнь бактерий стало очевиднымъ. То, что мы называемъ безконечнымъ временемъ, быть можетъ лишь явленіе между двумя этапами разумнаго созданія міра. Не будемъ ничего ни отрицать, ни утверждать, будемъ ждать. Всему есть время, когда забудь наступитъ дань всеобщихъ похоронъ, рыданій, заупокойныхъ молитвъ и злобнаго пѣнія».

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній Риванъ опять сообщаетъ къ Богу:

«Отецъ любезный, благодарю Тебя за жизнь. И была не боль груба, но я любилъ истину и все ради нея пришелъ въ жертву. Я ждалъ, когда наступитъ Твоя часъ, и еще вѣрою, что она наступитъ».

Вот эту всеобъемлющую идею Бога, или конечной цели человеческого и вселенного развития, или абсолютной истины, — так угодно, Роккаль и положила в основу своей философской системы, изложенной с тайной блеском, но без особенной последовательности в его «Философских диспутах и отрывках» (1876 г.), в его книжечном произведении под заглавием «Будущее науки» («L'Avenir de la science», изд. 1890 г.), в его философских драмах и небольшой статье под заглавием «Философская неправда» («Essai sur une science philosophique», 1888 г.) Особенного внимания заслуживают его философские диспуты. Ведутся они сгущены несколькими учеными друзьями и разделены на три части по степени достоверности изложенных утверждений. К первой категории относятся исторические выводы, во второй — эстетические как гротеск — мифы. По убеждению Роккаль несомненно, что во мифе все связано неразрывной цепью причин и следствий, что ни одно звено из этой цепи не может быть оторкнуто исторической волей существа, стоящего выше сферы естественных явлений. Но крайней мифе подобная нарушение в установленном естественном порядке никогда не были наблюдаемы в собрании беспристрастных ученых. Напротив, безмолвные факты убеждают нас в чудотворной и бессознательной жестокости природы.

История народов говорит нам постоянно о побдах зла и злободневных расх вадь религиозными и кроткими. Во частной жизни мы слышим и радости видим то-же самое: как часто труженики умирают от истощения и лишения, а богатыри и лентяи благоденствуют. Никогда надходящий камень не уклонился в сторону, чтобы не ударить на голову праведника и гения. Никогда самое глубокое отчаяние и пламенные молитвы не вернули умирающего к жизни, и с бессмысленных времен земля жадно пьет кровь и слезы, как добрых, так и злых, а солнце светит не только для святых страдальцев, но и для палачей. Жизнь с бессмысленных времен идет своим естественным путем, не обращая ни малейшего внимания на страдающее челове-

чество, а потому нѣтъ смысла нѣй допускать, что когда-нибудь даннаго данно на свѣтѣ явится лучшаго. Впрочемъ не легче дѣло доказывать влияние сверхъестественныхъ силъ на человѣческую судьбу. Эти силы могутъ быть постигнуты лишь черезъ откровеніе. Но мы его не испытали. Кому-же вѣрять, если мы не можемъ довериться даже нашимъ собственнымъ глазамъ? Какія у насъ доказательства, что русскія и притомъ иногда не существовали? Только одно, что никто ничего подобнаго не надѣлалъ. Почему люди перестали вѣрять въ дьявола? Очевидно, только потому, что были открыты естественныя причины принимаемыхъ насъ дѣяній. Но гадать, что ходъ событій не нарушается вторженіемъ сверхъестественныхъ силъ, еще не слѣдуетъ, что вселенная—этимъ и что надъ всѣмъ царитъ слѣпой случай. Напротивъ, существованіе высшей стѣны эволюціи—развитія, по выраженію Гегеля, несомнѣно. Есть что-то въ мірѣ, развивающееся къ силѣ скрытой внутренней энергіи, подъ влияніемъ безсознательнаго инстинкта, который заставляетъ какъ стремленіе растений къ свѣту, такъ и телу или условія сформированія личинки перемѣнить свою оболочку. Все возможное стремится перейти въ действительность, все действительное, путемъ постепеннаго развитія, идетъ все къ вышнему и высшему самоопычанію. Вся организованная тѣла, какъ животное какою-то силой, подталкивается впередъ, приобретаетъ безсознательно все необходимыя орудія для этого движенія. Община, народы, государства и вообще все собирательное и общественное органами заранѣе съ животными подчинены закону постепеннаго развитія, въ основѣ котораго чувствуется стремленіе къ осуществленію какой-то всеобъемлющей программы, къ восполненію необходимыхъ частныхъ формъ. И что всего удивительнаго, очень часто личности и виды дѣйствуютъ какъ будто вопреки своимъ inclinationамъ и очамъ дѣлаютъ расчетамъ. И во главѣ этого мирового движенія выступаютъ челоуки. Но съ этимъ мнимымъ царемъ природы судьба поступаетъ особенно безжалостно. Она обманываетъ его на каждомъ шагѣ, никогда не открывая ему своихъ картъ. И такъ

бы на были великие знания человека и власть его над силами природы, ему в конце концов не избежать проигрыша в этой ужасной игре с нем, которая зовется жизнью, потому что в решительный момент всегда является безнадёжная смерть, захватывающая своей когтистой рукой последнюю ставку и разбивающая всё наше надежды на лучшее счастье. Положено самого обездоленного подопытного на фабрике встать лучше участь человека на земл, потому что фабричный рабочий получает определённую плату за свой труд, а человек, вставая в ворота и счастливо, в конце концов ничего не получает. Он трудится, страдает, борется за свое существование, вернется как быкъ в колесе, изображая, что он бьётся в желваковой дщи. Какое ужасная иллюзия! Цды постоянно существуют, но она никогда не совпадает с нашими желаниями, и мы идем совсем не туда, куда нам угодно... И если бы по крайней мере мы могли преодолеть мировую волю и предвдти свою участь! Но в этого утешения нам не дано... Природа ведет человека на смерть с замкнутыми глазами.

Здсь Ренант как будто сбодается с прославленными pessimистами нашего времени: Шопенгауэром, Гартманом и друг. Но это лишь случайная встреча, но бесце. Мы одурочены, — говорят Шопенгауэр, — мы связаны по рукам и ногам, мы обречены на бесконечные страдания, будем вынуждены выполнять жестокие веления какой-то воли, действующей над нами. Воля эта очевидно безумна, убивает Гартмана, так как она действует бессознательно. Цды разум раскрыть безумие мировой воли, лежащее в основе жизни, и уничтожить эту вопиющую бессмыслицу. Очевидно, подобное высказание, как вообще всё pessimисты, стоит на стороне человека, безжизненно страдающего из-за своего умышленного превосходства и физического бессилия перед природой.

Ренант в этом великом безжизненно слоръ человека с судьбою становится всецело на сторону природы. Но почему же это? На этот вопрос мы расно

было-бы искать у Решава категорического и полного ответа. Как человек, когда-то бесконечно влюбивший, он сохранил до конца своих дней такую бесогненную покорность перед неизданной высшей волей, что одна мысль о бесконечности изводит его сердце трепетом. Иногда трудно даже разобрать, рассуждает-ли он, говорит о ней, обстоит или молится, но несомненно, что он, подобно Решаву, отождествляет силу с идеей и не допускает безцельного движения к жизни. Вот почему, несмотря на все свои сомнения и раздумья, он является вестником оптимизма, как и большинство идеалистов. Материя, по его мнению, лишь средство осуществления абсолютной идеи. Во этом стремлении к действительной жизни и кроется неиссякаемый источник всякого развития. Грехи изобретений — это не злое, а скрутка лишь из руках искусства звучит восторженной мелодией. Идеалы истины, добра и красоты — это чудные, душевные цветы жизни, которыми усыпана наша тернистая путь. Они быстро увядают и гибнут в глаза, но твердая сила идеи бессмертна. Вылетев с солнечными лучами на землю жизни идею потока счастья, и, тихо возрождаясь, истина и красота с концы концов дают некоторый минимум самознания и благоволия на земле. Когда забудь быть идеальным космическим планетой, на которой мы живем, а вылетев с ней в все надежды наши, но бесконечное развитие совершается в такой неизмеримой пространств, что эта катастрофа никак не ограничится на судьбы вселенной и цель ее раньше или позже будет достигнута. Кто знает, быть может возрожденная звезда, дрожащие лучи которой с недостижимой высоты еще не согрели страдающей земли, станет когда забудь колыбелью той божественной правды, о которой аморально мечтали безымянные страдальцы и величайшие герои человечества. Но впрочем, говорит Решав, пока идет основной отчаяться в возможности окончательного торжества этой правды еще и на земле. Если верить научным вычислениям, ей суждено благополучно вертеться вокруг солнца еще несколько миллионов лет. Конечно в сравнении с вечностью это

пустыня, но и за это время человечество можетъ достигнуть такого высокаго развитія, о которомъ мы теперь не въ силахъ составить даже приблизительнаго понятія. Великія науки оказались не особенно трудно, а между тѣмъ она уже творитъ настоящія чудеса, о которыхъ и не смѣлось думать мудрецамъ. Великія побѣды знанія — вмѣстѣ съ тѣмъ побѣды и добра. Кто знаетъ, гдѣ находится предѣлъ великихъ завоеваній человеческого духа?

Съ точки зрѣнія Рамана, отчаяніе нашихъ дней — не только великая ошибка, но и грѣхъ. Только жалкіе пингвины или выродки могутъ востановить противъ мировой идеи. Мудрецъ же долженъ скоротаться своей судьбѣ, каѣтаться, трудиться и бороться... Когда разумъ говорить, языкъ лезныя желанія должны молчать... Развитіе истинны есть знаніе безконечности и независимое отъ воли человека. Прогрессъ желонное, какъ и инстинктивное, совершается въ насъ, но безъ насъ, и результаты ихъ при извѣстности извѣстныхъ условій такъ-же неизбежны, какъ неизбежны сопутствующія имъ физическія и химическія явленія... Поэтому намъ слѣдуетъ, по возможности, ограничиваться скромною ролью наблюдателя и твердо помнить, что всякое восстаніе противъ естественныхъ законовъ вь насъ имѣетъ за собой жестокое возмездіе и горькія разочарованія. Это какое глубокое значеніе приобретаетъ вся наша жизнь, когда мы съ вѣнъ самимъ добровольно отдаемъ за служеніе идеи съ вѣрностью за великое терпѣніе правды и добра. Конечно намъ ждетъ смерть на полѣ битвы, и никому изъ насъ неуживаться на суждено наслаждаться плодами побѣды, но что дѣлать! Въ мировой борьбѣ за правое дѣло лучше быть вѣрными солдатами, чѣмъ жетонникомъ и презрѣннымъ коммѣванникомъ. Чистые и кроткіе сердца, святые страдальцы, герои и герои найдутъ всегда успокоеніе и награду въ отрадномъ сознаніи, что они — соль земли, что въ нихъ воплощаются высшія идеалы человечества, что они являются проводниками грядущаго Бога. Изъ безмятежной ибры, изъ чистыхъ слезъ и скорби праведниковъ, изъ крови мучениковъ за

великія идеи и создается неподобно то царство божіе на землѣ, царство вѣчныхъ идеаловъ добра и правды, къ которымъ въ сущности всегда стремилось измученное человечество. А природа? Стремилась ли она? Совпадаютъ-ли ея идеи съ человеческими стремлениями? Кто знаетъ, быть можетъ, гдѣ нибудь за тысячи мильоновъ верстъ действительность даннымъ давно признана всѣми нами нашими святыми ожиданиями. Пожелаемъ, за Юпитеръ или Венера вѣтъ на чиновниковъ, борющихся съ жадностью и обманывающихъ свое начальство и пародъ, вѣтъ для вѣрныхъ воиновъ, вѣтъ труженниковъ, умеряющихъ съ голоду, и пресмыченныхъ разоритниковъ, во имя-то, жалкихъ обитателей земли, отъ этого не легче! Каково-же намъ дѣло, что черезъ три тысячи мильоновъ дѣтъ какой рай освѣтится отъ теней грѣшниковъ и негодяевъ, если намъ, не выразивъ на всѣхъ нами подвигахъ и жертвахъ, не суждено никогда засладиться вѣчными несказанными блаженствами? Какова-же тутъ справедливость?

На всѣ эти простые вопросы у Ренана вѣтъ простыхъ отвѣтовъ. Гдѣ доказательство, что природа стремится къ осуществленію нашихъ идеаловъ? Наука знаетъ ихъ во дѣлѣ, вѣтъ ихъ и у Ренана. Она сознаетъ всю необходимость вѣры въ существованіе Бога и въ бескортіе души для того, чтобы безроково трудиться и страдать, не жадясь на вознагражденіе и счастье въ этой жизни. Но тутъ уже мы вступаемъ въ такую область, гдѣ разумъ человеческій бессильно передъ чувствами. Всѣ вѣрующіе твердо убѣждены, что ихъ ждетъ награда по заслугамъ или казнь... тамъ, въ странѣ тѣней, откуда еще никто никогда не возвращался. Но это царство тѣней и тайны закрыто отъ насъ непроходимой завѣсой. «Мы, — говоритъ Ренанъ, — прекрасно чувствуемъ въ глубинѣ нашего сознанія какъ будто голосъ изъ другого міра, но мы не знаемъ, какой это міръ». Таинственный голосъ изъ безконечности говоритъ намъ о какихъ-то безотчетныхъ радостяхъ, о неопредѣляемыхъ ужасахъ и о такомъ величьи, въ сравненіи съ которымъ все осансе лишь жалкій прахъ, воздымаемый бурными вихрями безумья

страстей. Любовь, религия, поэзия и добродетель — лишь идеальные проблемы охватывающей насъ безконечности. Съ конной антиквской точки зрѣнія, все, что не подлежитъ точной практической оцѣнкѣ, — мечта или безуміе; но несомнѣнно, что вся наша теперешняя жизнь въ сущности — безумная мечта, и еслибы утасала вѣра въ идеалъ, действительность утратила бы вселѣйшій смыслъ и привлекательность, а человечество должно было бы остановиться въ своемъ развитіи, охваченное непрогляднымъ мракомъ. На это практическимъ людямъ весь міръ существуетъ лишь ради идеальной вѣры, в таинственный голосъ, говорящій намъ о высшей правдѣ и безконечномъ счастье, есть лишь чудный отзвукъ «армонія победитель сферъ, музыки безконечности». Любовь есть самый «суднооственный» изъ всѣхъ творческихъ инстинктовъ, господствующихъ надъ природою и создающихъ высшей волей. Ея громадное значеніе обусловлено ея всеобщностью. Зародыши ея повсюду заключаются уже въ организованный вѣсточекъ, и такимъ образомъ этотъ всепроникающій инстинктъ создаетъ всѣ существа мерзавиной цѣлю, а родившимъ помыслъ придаетъ ему общинную силу и привеле, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи къ поразительнымъ результатамъ. Изъ него главнымъ образомъ развито чувство красоты, тогда какъ еще болѣе возвышенное сознаніе долга, складывающееся такъ сильно въ инстинктѣ материнскомъ даже у животныхъ, въ исторіи человечества получило дальнейшее развитіе, благодаря религіи.

И такъ, всѣ благороднѣйшія стремленія человеческой природы, простекая изъ безконечности, запечатлѣны космическимъ божественнымъ характеромъ. Но бессмертна ли человеческая душа въ силу присутствующей ей способности откликаться на голосъ безконечности, это знаетъ? Чѣмъ болѣе мы живемъ, тѣмъ сильнѣе сознаемъ необходимость вѣрять въ существованіе Бога и въ бессмертіе души, но вѣреть съ тѣмъ мы не можемъ и непреодолимыя препятствія, вѣщающія намъ отдаться всѣмъ сердцемъ чувству вѣры. Въ этомъ весь ужасъ нашего положенія: мы не можемъ ни безусловно вѣрять, ни безусловно от-

решать. Но если даже человечеству нить выбора между иброй и добровольным отречением от свободы интеллекта, то лучше пусть человек во поисках за истиной погибнет, потеряв чувство ибры, чѣмъ упадетъ въ непреходящее нещастіе, отказавшись навсегда отъ попытокъ постигнуть истину. Жизнь безъ возможности безконечнаго развитія не можетъ быть для насъ никакою цѣлью. Безсрочное тюремное заключеніе хуже смерти. Человѣчество притворилось бы въ гражданскій муральникъ, еслибы оно не стремилось раздвинуть границы предѣловъ своей жизни и не страдало отъ избыточныхъ мыслей... ибра въ Бога и бессмертіе души пока — уны! — лишь чудная, великая мечта, которая путемъ опыта не можетъ быть доказана, но отъ которой мы отрицаемся никакъ не можемъ. Намъ остается поступать такъ, какъ будто наши думнія иброванія не подпадаютъ сомнѣнію. Мы признаемъ ихъ безусловную необходимость, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они безусловно истинны. И наконецъ, кто знаетъ? вѣдь въ бесконечности все возможно. Невостанавимыя средоточія по предѣламъ миліонной лѣты быть могутъ вдругъ станутъ космическими фактами: мертвецы проснутся въ своихъ заброшенныхъ могилкахъ, а вся наша земная дѣятельность уйдетъ въ область ужасныхъ свѣдѣній. Не надо забывать, что всѣ наши теоретическія голкіи о времени и пространствѣ въ высшей степени условны. То, что намъ кажется безусловно вѣдчимъ, быть можетъ только ничтожная часть другого свѣтлаго намъ міра, который въ свою очередь лишь началъ въ безпредѣльномъ океанѣ бытія. А съ другой стороны безусловно мало для насъ является, пожалуй, цѣлосъ вселенной для какихъ забудь бактерий.

И такъ, въ концѣ концовъ Ренанъ ничего не разрѣшаетъ и не даетъ намъ ничего, кромѣ скрутной надежды на вѣчное блаженство въ недоступномъ для насъ идеальномъ мірѣ. Но этотъ градушій міръ, эта абсолютная цѣль великаго существованія, эта всепроникающая идея или нематематическій всемогущій Богъ, какъ онъ относится къ вселенной? Создалъ-ли онъ ее, или только неразрѣши-

связать ее нею, какъ цѣль съ причиною? Ромашъ часто задавалъ этимъ вопросамъ, но подождавшимъ впрочемъ точному научному рѣшенію, и конечно отвѣчалъ на нихъ лишь поэтическими загадками. Мы уже знаемъ, что его понятія о Богѣ почти вероломны. Пониманію его склоненъ къ пантеистическому натурализму и отождествляетъ Бога съ природою, идею съ действительностью, но чистотѣ съ тѣмъ идею у него обособляетъ отъ міра въ смыслѣ вѣчной безусловной цѣли. Однако понятія цѣли и причины тоже относительны, какъ и понятія времени и пространства. Идея цѣли необходимо связана съ понятіемъ данности, всякое движеніе совершается въ пространствахъ, — безъ среды движеніе невозможно, а понятія среды и безвѣчности невозможны. Следовательно понятіе цѣли представляется какъ ограниченное и конечное не только въ будущемъ, но и въ прошедшемъ, не только во времени, но и въ пространствахъ. — Но если цѣль возникла изъ возможной лишь идеальной, то она не можетъ быть абсолютной и всеобщей, такъ какъ условной могутъ быть уже теперь или возникнуть современно и другія цѣли; цѣли же производяція должны быть и производимы, послужитъ, даже случайными. Если же цѣль, въ смыслѣ идеи, предшествовала возможной, то она отождествляется съ ее причиною, но въ такомъ случаѣ конечной цѣлью природы не можетъ служить, какъ думаетъ Ромашъ, выработка всеобъемлющаго сознания, потому что тѣмъ сознаніемъ уже послужило его первой причиной. Если законить цѣль отождествляется безусловно съ возможной, то раздѣлять эти два понятія, хотя бы даже въ безвѣчности, какъ это дѣлаетъ Ромашъ, вѣтъ не мыслимаго основанія. Въ этомъ именно и заключается вѣчная роковая ошибка всѣхъ метафизиковъ, что они выдвигаютъ возможной или относительная человѣческія понятія. Ромашъ не избѣгнулъ общей участи. Его возникшая попытка приписать религиозныя вѣрованія съ всеобщими научными вѣрованіями должна быть признана безуспѣшной. Создать подобную систему могъ конечно только гений. Какимъ силѣмъ мысли, какое богатство творческаго воображенія! Мы точно видимъ

величественное здание, по красоте своей превосходящее даже прославленный собор Петра и Павла въ Римѣ, но адина—уныл—построенное изъ карты...

“.”

Вѣрнѣе-ли самъ Ренанъ въ неизбѣжность своей философской системы, или, напротивъ, считалъ философію лишь праздной забавой, позволяющей намъ хоть на минуту забытья и улетѣть терракота гнѣзъ сомнѣній,— вотъ вопросъ, имѣющій громадное значеніе для литературной характеристика еще неразрѣшеннаго писателя. Амаль—одна изъ самыхъ искреннихъ вымысловъ XIX вѣка,—напрасно вѣнчаній у Ренана положительнаго и опредѣленнаго отвѣта на вѣчное вопросъ челоѣчества, право обвинять его въ легкомысленномъ къ нимъ отношеніи. «Обсѣдните фарисея»,— горько предупреждаетъ онъ автора «философскихъ диалоговъ» въ «Исторіи христіанства»,— не говорите откровенно съ честными людьми», и этотъ упрекъ повидѣому не лишень основанія. Дѣйствительно, непросвѣдній туманъ скрываетъ отъ читателей всѣ основныя положенія ренановской системы. Все выступаетъ въ какомъ-то саркастическомъ таинственномъ полумракѣ, а секретъ этого эффектнаго освѣщенія въ сущности очень простъ. На вѣчное вопросъ челоѣчества о Боги и природѣ Ренанъ съ ласканъ сердцемъ даетъ, какъ видите, самыя протестантскія отвѣты. То онъ обращается съ пламенной молитвой къ всемогущему, всеидущему Богу, отовѣщая на его волю съ цѣлью всемогущей, то, наоборотъ, понижаетъ эту цѣль, какъ нѣчто бессознательное, какъ равнодѣствующую всѣмъ естественнымъ силамъ. Наконецъ въ книжечкѣ своей предшественника, изданномъ въ 1890 году подъ заглавіемъ «Будущее науки», Ренанъ отождествляетъ понятія Бога и механической цѣли всемогущей. Высшій моментъ мирового развитія, по его мнѣнію, наступитъ лишь тогда, когда «изъ всего сущаго возникнетъ равнодѣствующая, которая и будетъ Богомъ, какъ въ челоѣкѣ душа является равнодѣствующей всѣмъ элементамъ, составляющимъ

ос». Автор хочет картинно изобразить этот момент всеобщей безвечной гармонии, когда вся материя, образующая вселенную, достигнет самой совершенной организации, когда атомы сойдут, сойдутся в неразрывное и совершенное целое, послужат материалом для создания одного существа, чувствующего, мыслящего, живущего, господствующего своим оплотнением, самострастным устами все окружающее и без устали повергающего в безвечность царице жизни и блаженства. Тогда, по мнению Ренана, и наступит третий совершеннейший момент в мировом развитии, соответствующий моменту полного слияния в осуществление развития человечества, которое, воплотившись в совершенного эмбрионализма, то есть общего высшего состояния на все окружающее, путем овладения изолированными планет, должно достигнуть совершенного понимания мира, как во всей его совокупности, так и в частности.

Все это очень утешительно, но кроме утешения философия должна стремиться и к положительному знанию, а не к видению, лишнему научного характера, она рискует превратиться в искусство — фантазия для воображаемых, да еще в искусство весьма сомнительного качества, ибо в смысле утешения и успокоения конечно великая философия не в состоянии бороться с религией не только древнейшей, но даже, пожалуй, и новейшей. Однако в наше смутное время не мало найдется мыслителей, утративших непосредственные эмпирические впечатления и пытающихся найти в философии ответы на часто религиозные вопросы о Боге, о цели мироздания и т. под. Ренану повидному принадлежат к этой категории. Самостоятельного научного значения за философией он не признает; по его мнению, это не наука, а лишь что-то вроде необходимого дополнения к естественным наукам. Она осуществляется, по выражению Ренана, очень хорошо приправу к жизни, но сама по себе купальница служить не может. С этой точки зрения он последовательно отвергает возможность, основанную, по его мнению, преимущественно на пустых предположениях.

Дальностику отъ приращивать къ среднестатковей сла-
 зливствѣ; этуку же понимать весьма своеобразно, срав-
 нивая добродѣтельного чловѣка съ художникомъ. Бла-
 городный подвигъ и великое доброе дѣло, по его мнѣнью,
 подобно чудной музыкальной нотѣ и величайшему
 извѣнью, вынужденъ, такъ сказать, результатомъ непосред-
 ственнаго вдохновенія.— Слѣдовательно суть нравствен-
 ности, въ смыслѣ вѣрной основы чловѣчествата благо-
 получія, заключается въ широкое душевное развитіе
 личности. Къ этому и сводится въ сущности дѣятельность
 благоустроеннаго правительства. — Права на развитіе
 является высшимъ и основнымъ правомъ чловѣка, опре-
 дѣляющимъ весь правовой и государственныи строй.
 «Прогрессъ чловѣчества—это суть права,—говорить
 Решанъ;—все идущее въ разрядъ съ ними есть безмыс-
 лное; прогрессъ же, наоборотъ, все оправдывается».

Но въ чемъ же именно заключается природа про-
 гресса? Решанъ не рѣшаетъ этого вопроса, затѣмнивъ его
 фактическия размышленія о неограниченной цѣли
 вселенной, о Богѣ и вообще объ абсолютныхъ сущно-
 стяхъ, не поддающихся научному изслѣдованію. Мы
 понимаемъ мнѣніе Решана, когда онъ, подъ вліяніемъ
 свѣтлнхъ жонескихъ воспомнаній, обращается съ
 пламенной мольбой къ всеотеченному Богу, но мы
 остаемся въ недоумѣніи, когда онъ намъ гово-
 ритъ о цѣляхъ справедливости и о милліонахъ солнць,
 слѣтншихся въ одно организованное мыслящее существо.
 Легко сказать—милліоны солнць!.. Но еслибы хоть
 одинъ чловѣкъ могъ взглянуть собоѣ предстануть, что
 это значитъ, то вѣрнѣе его бѣднаго голоса закружи-
 лась бы отъ неподдающагося величія безконечности.
 Къ тому же эти гордые ноты о вѣрномъ и всеотечен-
 номъ, когда вселенная для насъ почти стала все
 объята, какъ и земной шаръ для вѣчнаго жука.
 Безъ сомнѣнія, идея всеобщаго развитія, охватывающая
 весь доступный нашему воображенію міръ втеченіи ряда
 тысячелѣтій, является величайшей идеей, до какой могъ
 возмѣнться чловѣчесткій умъ, но и въ этой идеѣ намъ
 не дано постигнуть безконечнаго. Напротивъ, идеаліа

прогресса и может быть издешающим образом изъяснено лишь путем научного исследования и сопоставления определенной группы фактов. Великая особь различается лишь от предметов своего рода и вида, стремится, путем приспособления к среде, достигнуть возможно полного воспроизведения себя: характерных, типичных особенностей наследия. Человек во данном случае не представляет исключения; его развитие заключено в определенные формы семьи, общины, государства и человечества. Ограничить в своей личной жизни лучшие общечеловеческие стремления, сохранять при этом все свои индивидуальные, родовые и национальные особенности, — вот высший идеал человека, какой до сих пор успевали осуществлять лишь великие гении и герои. Но не было ни одного человека, который в своих действиях и мыслях вышел бы за пределы общечеловеческого развития. Идеи человечества таковы образом является высшая научная, философская и нравственная критерия *); точно так-же идея одного Бога представляется меньшей религиозною формулой. Современная наука прежде всего должна стремиться к разграничению области чувства и разума, жизни и формы. Религиозные понятия о Боге и вечной цели бытия могут интересовать ученого и философа не сама по себе, а лишь в смысле исторических и психологических фактов, дающих возможность глубже выискивать законы общечеловеческого развития. Предоставляя чувству вопрос формы, отказываясь от надежды достигнуть абсолютного знания, наука стремится лишь к знанию общечеловеческому, — знанию, ограниченному условиями человеческой организации, но зато вполне достоверному, определенному и доступному для всех людей. Не дало ученого подняться за тайнами четвертого измерения, и без того работы довольно: Ренанс же хотѣлъ, а въ качестве воспитателя семинаристов, пожалуй, и во

* Подробнѣе это изложено въ сочиненіи автора подъ названіемъ: «Философія современнаго развитія». Спб. 1898 г. Стр. 68—70.

мость примириться съ этими существенными требованиями философіи и науки XIX вѣка, и потому на каждомъ шагѣ выдаться въ явные противорѣчія. Туманность его философскихъ позрѣній проясняется главнымъ образомъ въ небрежнаго взгляда на задачу и методу философіи. Смыслъ нашъ считать себя мыслителемъ-критикомъ, примыкающимъ къ коинтимаго школы, но это просто недоумѣніе. Рецэнзъ расходится не только съ Ст. Бантомъ, противъ котораго онъ неоднократно высказывался, но и съ ново-кантіанцами и съ ново-критическою школою въ Германіи, а къ сеѣ относятся В. Герингъ, Паульсенъ, Аленардусъ и другіе съ выдающимся предостереженіемъ. Неудивительно, что философская система Гегеля никому не могла удовлетворять. Истинно несовершенной съ научной точки зрѣнія, она въ то же время вызвала неудовольствіе и со стороны покрѣпшихъ метафизиковъ предѣ Азіада. «Она возмущаетъ, — замѣчаетъ Рецэнзъ въ своей статьѣ, посвященной этому мыслителю и напечатанной въ 1884 году, — что я, говоря о возвышеннѣйшихъ предметахъ, неумо не удерживаюсь отъ улыбки и унынія. Что за бѣда! въ данномъ случаѣ я поспушаю, какъ по доблать философу. Непривидѣтима тѣмъ, быть можетъ для нашего же блага, скрывается отъ насъ правдивѣйшая цѣль мірезданія, а между тѣмъ спорить и пререкаться безъ конца о томъ, что въ сущности никто не знаетъ. Истинный-же смыслъ интереса — goal scientio, въ испанскій ладъ, заключаются потѣ въ чести: внутреннее побужденіе, заставляющее насъ предстать передъ долгомъ, является какъ бы оракуломъ, непоколебимымъ призывомъ, претензіямъ къ высъ коней и служащимъ провѣнціямъ объективной реальности. Мы полагаемъ всю нашу гордость въ томъ, чтобы твердо осознать это убѣжденіе. Прекрасно; за это сабдуеть держаться даже вопреки очевидности. Но, чего добраго, столько же ищите добраго и за то, что истина лежитъ на противоположной сторонѣ. Возможно, что этотъ внутренний голосъ проистекаетъ изъ благородныхъ заблужденій, скрѣпленныхъ приобретеннымъ навыкомъ, а хиръ въ сущности не болѣе какъ забавная фантазматрфія». «Быть при-

готовые идти во всю — вот может быть истинная мудрость. Отдаваться, следуя минутному настроению, то вѣрѣ, то скептицизму, то оптимизму, то проищу — вот лучшее средство по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько приблизиться къ истинѣ. Вы мнѣ скажете, что такимъ образомъ можно никогда не достигнуть истины — истину. Ну, конечно! но такъ какъ вообразить нѣтъ шансовъ, чтобы случайный жребій провозглашенія къ тайнѣ бытія выпалъ на долю человека, то не благоразумнѣе-ли удержать свои воззрѣнія?»

Въ этомъ отицѣ — весь Ренанъ, съ его насмѣшливостью и остротой ума; но, къ сожалѣнію, есть жгучіе вопросы жизни нельзя сморгнуться путомъ путною. Она требуетъ положительнаго и приваго отица. Ужасно весь нѣтъ балансируетъ надъ бездною, то шута, то молчокъ, то забываясь въ трудѣ. Ренанъ не испугался такого положенія, но нѣтъ онъ — гениальный олимпіецъ въ нѣкоторомъ родѣ, а люди сердечные и прямые, вроде Амаль, замечаютъ отъ ужаса, блуждая во мракѣ неопредѣленности, а съ торопомъ спрашиваютъ себя: «Гдѣ же законцы спасенія?» «Охъ, Пожарной, — отица Ренанъ, — да спасеніе въ томъ, что всякому дастъ силу вести брени жизни. Средства спасенія далеко неодинаковы для всѣхъ: для одного это — добродѣтель, для другого — жажда истины, для третьяго — любовь къ искусству, для иныхъ — любознательность, честолюбіе, страсть къ путешествіямъ, роскошь, жажда, богатство; законцы на самой низкой ступени развитія — морфій и алкоголь. Праведники ищутъ награды въ добродѣтели, а заурядные люди — въ наслажденіяхъ. Но всѣ въ большей или меньшей степени одарены воображеніемъ, составляющимъ имъ высшую радость, сгарованіи которой не старѣются». Однако нельзя же жить однимъ воображеніемъ и на все смотрѣть исключительно съ личной точки зрѣнія. Когда авторъ, въ числѣ жизненныхъ утѣхъ, радостъ съ добродѣтелью и правдой, становится морфій и алкоголь, то остается лишь замѣтить, что онъ недостаточно разборчивъ при оцѣнкѣ различныхъ предметовъ. Кромѣ личной точки зрѣнія, есть еще научная, открывающая намъ возможность, основываясь

на опытъ человечества, разобраться въ самыхъ сложныхъ социальныхъ и нравственныхъ вопросахъ. Реванъ не воспользовался въ достаточной степени теми средствами, какія представляются современнымъ наука, и это—нашело упущеніе. Но гдѣже преслѣтся знание, если только оно искренно стремится къ высокимъ цѣлямъ,—Реванъ былъ несомнѣнно искренній человекъ, несомнѣнно искренній въ прогрессъ человечества. Несмотря на всю категоричность настроенія Ревана, эта кѣра въ душѣ его никогда его не покидала; она проявлялась и въ его упорномъ трудѣ надъ сложными историческими вопросами, и въ пламенныхъ молитвахъ, обращенныхъ къ всебгудущему Богу, и даже въ его вѣчныхъ воздыханіяхъ и слезахъ переходила отъ сомнѣній къ надеждѣ и отъ увлеченія наукой къ наскитанью надъ господствующими воззрѣніями. Во всякъ его произведеніи слышывается искренній идеализмъ, не только глубоко обрившій въ вечное торжество добра надъ зломъ, въ вѣчное развитіе и преусибливіе человеческого сознанія, но и сумѣвшій внушить эту вѣру своимъ многочисленнымъ читателямъ. А это—большая заслуга, заслуживающая съ избыткомъ вся небольшія увлеченія Ревана.

IX

Последние годы Реюана.—Праздникъ въ Брессе.—Восстаніе, смерть
и вѣдомое возмѣсто писателя.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Реюанъ, сбросивъ розу, почти безъ средствъ и силъ позвалъ въ шумный водоворотъ вѣковой ему парижской жизни. Постепенно онъ, если можно такъ выразиться, перемѣлъ въ новую ступень вѣра. Онъ приобрѣлъ силу величайшаго вѣнителя Франціи, какой въ свое время пользовался только Вольтеръ, Руссо, отчасти Шатобрианъ и Викторъ Гюго. Насколько была велика вѣнность Реюана, какъ ученико-семитолога, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что еще въ ноябрѣ 1840 года Императорская Академія Наука въ С.-Петербургѣ избрала его въ свои члены-корреспонденты, а въ 1874 году онъ былъ избранъ членомъ Академіи Наука въ Лозаннѣ. Даже Тэнъ, не смотря на всю его громадную эрудицію, необыкновенный философскій умъ и образцовый по вѣности и краснѣ слогъ, долженъ былъ уступить первенство Реюану, чѣмъ впрочемъ несколько не помѣшало ихъ дружескимъ отношеніямъ. Въ концѣ концовъ даже врага Реюана должны были преклониться предъ его гонимомъ. Въ іюлѣ 1878 года, несмотря на противодействие клерикальной партіи, онъ былъ избранъ членомъ французской академіи на мѣсто Клодъ-Бернара, по принятіи въ кружокъ «сорока бессмертныхъ» состоялось только въ 1879 г. Особенно противъ избранія Реюана ратовалъ его бывшій воспитатель, епископъ Дюнану, объявившій, что онъ отказот-

се отъ званія члена французской академiи, если въ число «бессмертныхъ» попадетъ такой безбожникъ, какъ авторъ «Жизни Иисуса». Благодаря столь решительному протесту, избранiе Ренана замедлилось на нѣсколько лѣтъ. Еще раньше, въ письмѣ къ одному изъ своихъ приближенныхъ, Дюману объявлялъ, что его бывший ученикъ никогда не посмѣетъ вскинуть ему руку въ глаза. Однако всѣ эти предостереженiя оказались недостаточными, и французская академiя въ концѣ концовъ открыла свои двери передъ прославленнымъ писателемъ. Дюману отъ своихъ угрозъ и не вышло изъ собранiя слова бессмертныхъ, а Ренанъ, принявъ избранiе, очевидно не испугался взглядовъ своего бывшего воспитателя и послѣ многихъ лѣтъ разлуки в праздны вострѣтился съ нимъ лицомъ къ лицу, какъ товарищъ по академiи и какъ побѣдитель въ борьбѣ за славу и успѣхъ. Но, даже достигнувъ величайшей славы и мѣны, Ренанъ не забылъ своей родной Бретани. Безъ сомнѣнiя, изъ любви къ почитаемымъ памятникамъ ея дорогого прошлого и оставаясь старымъ, онъ основалъ въ 1879 г. культное общество, которое развилось настолько успѣшно, что число его членовъ въ эти годы возросло уже въ 1884 г. до 150. Въ 1888 году Ренанъ былъ назначенъ командиромъ ордена почетнаго легиона. Но по мѣрѣ того какъ возрасталъ успѣхъ Ренана и увеличивалось его литературное мѣсто, увеличивалась и вражда къ нему въ клерикальномъ лагерѣ. Съ очевидной цѣлью скомпрометтировать автора «Жизни Иисуса», въ некоторыхъ листахъ появлялись анонимическiя письма Ренану, подложность которыхъ онъ не считалъ нужнымъ разоблачать. Между прочимъ его обвиняли даже въ продажности: распустили слухъ, что за вышесказанное сочиненiе онъ получилъ мнѣею франковъ отъ Ротшильда. Конечно, когдаже Ренана, вообще не читавшаго извѣстныхъ лично противъ него статей, окончательно наводило изъ терпѣнiя его враговъ. Его громилъ съ персониой каюдра, а ультрамонтанскiе листки и журналы просто неистовствовали, особенно «L'Univers» съ тѣмъ же правоборнымъ

редакторами во главе, какъ Вебб (Veillot) и Гедленский. Но все подобная обвинения и нападки послѣдующему лишь способствовали популярности Ренана. Въ парижскихъ обществахъ онъ пользовался не только самой первокласснаго писателя, но и университетскаго собесѣдника и лектора. Аудитория его всегда была переполнена. Знатные иностранцы, по прибытіи въ Парижъ, сѣдѣла побывать у него, и хотя она вѣроятно не разъ предлагала Ренану работать и надобила банальными речиторами, тѣмъ не менѣе онъ встрѣчалъ всѣхъ съ возможной, можно сказать даже пылкой, любезностью. Брандесъ, посѣтившій его въ 1870 году, слѣдующимъ образомъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него Ренаномъ:

«Иходя, я увидѣлъ за послѣднюю ступенью человека небольшого роста, широкоплечаго, гнѣздышко сутуловатаго, съ тяжелой, большой головой; неволгой, землистой пѣть лица, грубая черта, взглядъ глубокой и мудрой, даже во время волчанія выразительная губы. Некрасивое, но привлекательное лицо, съ выраженіемъ высокого ума и сосредоточенной энергіи, было обрамлено темными, тѣло посѣдѣвшими на вискахъ, волосами. Вся важность Ренана заключалась не въ одной изъ его афоризмовъ: «наука заключена въ мужикомъ характеромъ». Въ преклонномъ возрастѣ Ренанъ сильно осирѣлъ и лицо его обрѣкло. Но важности онъ не производилъ впечатлѣнія особенно интеллигентнаго человека, но стоило ему заговорить, чтобы сразу узнать свѣтъ слушателей. Все окружаніе его, а тѣмъ болѣе родные находились какъ бы подъ обаяніемъ его свѣтлаго ума и привѣтливаго, спокойнаго характера, и его семейная жизнь сложилась особенно счастливо. Кто еще современно приобрѣлъ некоторую извѣстность, какъ талантливый художникъ, а дочь вышла замужъ за бар. Пеншара, профессора восточныхъ языковъ въ Сорбоннѣ. Среди семьи и ученыхъ друзей много и благополучно прошла почти вся трудовая жизнь Ренана. Сорбоннѣ четыре года сличномъ онъ перушино работалъ на литературномъ поприщѣ и состарился среди научныхъ

знатій, на до послѣдней минути его воображеніе и раз-
умъ сохранили по нестигъ юношескую живость и ои-
зность. Уже въ преклонную возрастъ онъ написалъ свои
премьстныя «Воспоминанія дѣтства и юности» и два раз-
сказа подъ заглавіемъ: «Третьячички льна» и «Эмма
Козилась», въ которыхъ, съ неподражаемой простотой
и художественностью, онъ изображалъ чистую, глубокую
любовь простыхъ бретонскихъ дѣвушекъ, стыдливо сры-
вающихъ свои сердечныя раны даже отъ самыхъ бан-
ныхъ людей и въ своемъ пылуудря доходящихъ до на-
стоящаго героизма или безумія. Наряду съ этими поэ-
тическими произведеніями Ренанъ въ послѣдніе годы
обогатилъ семитологію такими спеціально-научными тру-
дами, какъ «Исторія религіоза» и «Сводъ семитическихъ
виднисей» (*Congrua inscripturatum indicibusque*), дошедшій
впрочемъ до конца при сотрудничествѣ товарищей Ре-
нанъ по Академіи Надписей. Въ то же время онъ успѣлъ
закончить и свой капитальный трудъ — «Исторію мораль-
скаго народа», послѣдніе томы которой вышли уже послѣ
смерти автора. Въ этой изумительной, всесторонней,
почти лекторадичной дѣятельности великаго писателя за
послѣдніе годы какъ будто ослѣпляетъ предчувствіе
ближней кончины. Сознавалъ-ли Ренанъ, что дни его
считаны? свѣдѣвалъ-ли показывать свои падушенныя мысли,
или нескль забвения въ трудѣ отъ грустныхъ старче-
скихъ думъ? боялся-ли онъ неизбежной разлуки?..... Да,
космично онъ сознавалъ приближеніе смерти и безо-
тровоги ждалъ ея. Велика даже онъ вбрызгъ въ без-
смертіе души, ему нечего было бы бояться упрековъ
своей совѣсти, ибо онъ никогда не нѣмѣвалъ своимъ
убѣжденіемъ. Нашлись однако нѣкоторые люди, пытавшіеся
замучить старика утренними загробныхъ мукъ. Одна бла-
гочестивая, но довольно гнусная особа изъ Нанта ите-
ченія вносила лѣтъ еженѣдневно присылала ему анонимныя
письма съ навоинаніемъ о существованіи ада. Вспоми-
ная объ этомъ съ смѣхотворными презрѣніемъ, Ре-
нанъ высказывалъ надежду избѣгнуть вѣчнаго осужденія
въ загробной жизни. Впрочемъ даже адскія мученія, по

его жизни, все так же лучшим волею уничтожения и небытия, ибо в нь аду человека наивно сохранить хоть и некоторую надежду на милосердие Творца в грядущее существование. А христианство является вь его воображении под видом чудного пенетрируемаго зарка, сваренного неугасяющимъ рознымъ свѣтомъ полнаго дня, гдѣ осуждены бурждать скорбныя тѣла людей, не возманихъ на землѣ блаженства чистой, возманимой любви, пока не наступитъ часъ полнаго искупленія и просвѣтленія. Мрачныя дантовскія представленія о загробной жизни чужды Ренану. Божъ сонѣтиа, вь своемъ идеализмѣ онъ находитъ неискажанный источникъ утѣшенія, ибо, не смотря на свой искаженный сонѣтицизмъ и отрицательное отношеніе къ господствующимъ воззрѣніямъ, онъ до конца своихъ дней сохранялъ великодушную вѣру вь конечное торжество добра и правды. Для всѣхъ вѣрующихъ такой абсолютной правдой является единый всемогущій Божъ; сонѣтики и мтевеси пытаются замѣнить это священное слово гними неопредѣленными терминами, во для людей, вродѣ Ренана, во вь сонѣтиахъ суть дѣла, а вь глубокомъ убѣжденіи, что эта правда или Божъ вь концѣ концовъ возторжествуетъ надъ зломъ и что смыслъ всей нашей жизни заключается въ служеніи вѣчной истинѣ. Въ рѣчи, произнесенной 29 июля 1890 г. вь Монмареши надъ прахомъ Мицковича, Ренанъ вслѣду прочимъ замѣтилъ, что этотъ возманимый народный вѣсть былъ умомъ безмощностию и что вообще великимъ людямъ влнютелъ лишь тѣ, вь которыхъ возманивается единъ нль моменты мирового сознания. Эти слова прекрасно характеризуютъ и самого Ренана: онъ тоже былъ проникнутъ идеей безмощности, и наша земная действительность не могла его удовлетворять. Житейская пошлость возбуждала вь немъ лишь вѣроподобное отращеніе. Очевидно онъ принадлежалъ къ породѣ великихъ, исключительныхъ людей, одаренныхъ такой несокрушимой вѣрой вь идеалы добра и красоты, таковыя глубинныя стремленія къ истинѣ, передъ которыми безсильна не только жизнь съ ея обманчивыми

сознаниями, но даже смерть со всѣми ея ужасами. Вотъ почему онъ выказалъ такую мѣнь въ своихъ произведеніяхъ, такую зверство въ трудѣ, такое глубокое презрѣніе къ скорбѣющимъ и преслѣдованіямъ своихъ враговъ, такое радостное изстрѣненіе въ преклонномъ возрастѣ и такое спокойствіе къ виду приближающейся смерти. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ дѣтства и юности» онъ замѣчаетъ, что жизнь его похожа на прелестную прогулку по живописной мѣстности. Только когда то неожиданнымъ образомъ или волнъ добрыхъ боговъ охраняла его въ замкнѣ опаснаго минути. Онъ смѣлѣнно приближалъ крупицы ошибокъ, которыя могли бы пагубно повліять на его личную судьбу. Лишь благодаря неслыханно благоприятному стеченію обстоятельствъ, онъ изъ гавани Бретани поплылъ въ Парижъ, гдѣ получилъ доступъ къ источникамъ современной науки, и выглаждался всю жизнь разумно, утоливъ свою глубокую жажду знанія. По мнѣнію Реванъ, для человѣка эмаллиаго и способнаго созерцать въ наше время — сущій кладъ. Его нельзя назвать ни особенно счастливымъ, ни тѣмъ болѣе великимъ, но оно безъ сомнѣнія интересно и способно затронуть въ высшей степени наше любопытство: оно богато важными неожиданными полетаческими событіями и крупными изобрѣтеніями, словомъ, въ наше время можно весь вѣкъ прожить, не скучая, въ надеждѣ, что, благодаря всеобщему развитію, сума добра и счастья въ мірѣ не уменьшается, а исполномъ и гостеприимно растетъ. Безконечная благодать, проливнавшаяся, по словамъ Ревана, во всей его жизни, даетъ ему основаніе надѣяться, что вѣчность превозможна тоже неисчерпаемой доброты. Ему ничего не остается болѣе желать въ старости, какъ легкой и вѣсной смерти. Онъ не ищетъ страданій подобно стоикумъ, ибо, по его мнѣнію, возмозрніа страданія уважаютъ, ослабляютъ человека и побуждаютъ его къ богохульству. Онъ зараніе протестуетъ противъ тѣхъ безумныхъ словъ и поступковъ, которые онъ могъ бы совершить подвліяніемъ болѣани и предсмертнаго отчаяніа. Реванъ, на полемину разрушеннаго смертью, по его словамъ, не ко-

4. 8

жизни видеть ничего общего съ убѣжденнымъ писателемъ, каковымъ она явилась въ лучшее года своей жизни. Последнія времена Ренана обильны: судьба послала ему зоркую, свѣтлую старость и сравнительно легкую смерть...

* * *

Въ сентябрѣ 1891 года Ренанъ, уже состарившійся и немощный, по приглашенію своихъ друзей-земляковъ, посѣтилъ островъ Бреа, гдѣ она когда-то, еще будучи подросткомъ, задумчиво бродила по скалистому берегу, прислушиваясь къ глухому шуму морскихъ волъ и тоскась мечтами далеко въ будущее. Вспоминала о безсмертно минувшихъ лѣтахъ дѣтства, въ своей отшельной рѣчн на привѣтливомъ вѣнскомъ морѣ, Ренанъ съ грустью замѣчаетъ, что ему пришлось осужденнымъ одна четвертую долю своей жизни посвятить философскимъ мечтаніямъ. Но вѣдь и этого для человѣка много достаточно, чтобы чувствовать себя счастливымъ и на остаткѣ своей дней смотрѣть на результаты своей дѣятельности съ радостнымъ чувствомъ самоудовольствія, исполненнымъ своимъ житеицемъ. «Когда то въ юности,—сказалъ Ренанъ,—я былъ болѣе печаленъ, чѣмъ теперь, ибо я болѣе уверенъ самимъ собою рано, не успѣвъ осуществить того, что таялось въ сокровенной глубинѣ сознания». И все таки старость пришла слишкомъ рано: дѣла хватало бы на вѣкомыя жизни. Ренанъ глубоко сожалѣлъ о томъ, что онъ уже не успѣетъ написать ни задуманной имъ исторіи французской революціи, ни подробнѣйшей исторіи Англїи, изображающей послѣдовательно, чуть не день за днемъ, процессъ развитія науки, искусства и свободной мысли,—ни исторіи родной Бретани въ шести томахъ, ни наконецъ изучить китайскій языкъ съ цѣлю критическаго изслѣдованія великаго вопроса, каковыя были исторіи и литературы.

Но, выказывая все это не безъ грусти къ кругу друзей-земляковъ, Ренанъ жила такой снисходительной

валъ и усталъ такъ увлечь своимъ рѣчью все общество, что никому не вѣрилось въ близость роковой разлани, да и самъ ораторъ вѣрнѣе надѣлся еще хотя немного пожить и поработать. Однако съ наступившемъ зномъ онъ подвергся жестокой припадкамъ мозжечковыхъ болей, по его мнѣнiю, — паралича. Это и было начало болѣзни сердца, осложнившейся впоследствии воспаленiемъ легкихъ и кончившейся причиной его смерти. Ренанъ долго не сдавался, замачивая свои литературныя работы и читая закурывая свои лекцiи въ Коллежѣ, хотя ось лѣтъ съ большими трудами добирался до аудиторiи.

Въ июлѣ онъ затосковалъ по своей родной Бретани и перебрался туда съ семьей. Но воздухъ родины и отсутствие дышанiя океана не принесли болѣзному особенной пользы, и онъ мечталъ лишь о томъ, чтобы вернуться въ Парижъ и умереть среди своихъ учениковъ и любимыхъ книгъ. Возвращенiе въ шумную столицу и усиленные литературныя и научныя занятiя конечно очень неблагоприятно отразились на здоровьи Ренана, и въ воскресенье 2 октября 1892 года, въ 6^{1/2} часовъ утра, наступила наконецъ разлани, неизбежность которой была очевидна не только для окружающихъ, но и для больного. Еще накануне онъ сказалъ жентѣ: «Святѣе! Необходимо подчиниться законамъ существа, пропавшагося въ насъ». После глубокаго раздумья онъ прибавилъ: «съ 70 лѣтъ дни чина сегодня». Но это было сказано смерти въ видѣ утѣшенiя: больной очевидно понималъ, что онъ не доживетъ и до этого предѣльнаго возраста. Еще за два часа до кончины Ренанъ, казалось, спокойно спалъ. Въ пять часовъ утра больной проснулся, сказалъ вѣсколько словъ жентѣ, дочери и сыну. Потомъ онъ еще пытался работать и лишь за нѣсколько мгновенiй до смерти вдругъ вскричалъ, прерывая диктовку: «Я вижу ясно!» Потомъ, какъ будто восхищенный чуднымъ видѣнiемъ, великiй всестель прибавилъ: «Наводите солнце на Аврорель». Это и были, если вѣрить лучшимъ свидѣтелямъ, его послѣднiе слова. Необходимо замѣтить, что яркiе парижскiе журналисты сочиняли по поводу смерти Ренана много ва-

какъ небывающу, приискалъ ему живо вымышленныя предсмертныя изрѣченія, которыми онъ во всю пронахоты въ подобную минуту. Палата депутатовъ рѣшила принять похороны Рюмъля на счетъ республики,—честь, оказываемая лишь немногимъ деятелямъ, смерть которыхъ является національнымъ горемъ.

З а к л ю ч е н і е.

Какъ мыслитель и ученый, Ревзвъ вечно не можетъ быть поставленъ за рядъ съ Кювтомъ, Спенсеромъ, Дарвиномъ и Миллемъ. Но силъ творческаго и литературнаго таланта онъ уступаетъ Гёте, Шлегелю и Байрону; но тѣмъ не менѣе ни одна изъ великихъ писателей XIX вѣка не сумѣла охватить въ своихъ произведеніяхъ индивидуальнѣе, трезвишнѣе характеръ переживаемой нами эпохи такъ искренно и полно, какъ Ревзвъ. Весь современный разладъ, всё глубокія противорѣчія великаго міросозерданія, возникшаго въ эпоху великихъ умственныхъ переворотовъ и политическаго борьбы, сказался въ его трудахъ съ особенной силой именно потому, что онъ обладалъ не только необыкновеннымъ умомъ, но и чрезвычайной впечатлительностью. Онъ былъ великимъ ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтомъ, скептикомъ и мечтателемъ-идеалистомъ, всю жизнь тоноконшамъ безвозвратно утраченныхъ внѣшнихъ вѣрванійхъ. Благодаря несравненному богатству своей духовной организаціи и всестороннему развитію, онъ является самымъ таинственнымъ писателемъ XIX вѣка, глубоко сознающимъ умственные запросы и стремле-

ня своего времени. Очевидно современное міросозерцаніе, представляющее грубое стихійно-историческое сочетаніе новѣйшихъ научныхъ воззрѣній съ средневѣковыми предрѣсудками и уцѣлѣвшими обломками давно и безвозвратно погибшаго греко-римскаго міра, не могло удовлетворять его, послѣ того какъ его юношеская бездѣятельная жизнь была покороблена. Онъ неутомимо искалъ выходъ изъ мучившихъ его противорѣчій. Его долготѣвшая литературная дѣятельность представляеть цѣлый рядъ смѣлыхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Въ своихъ поискахъ велины: онъ не разъ заходилъ слишкомъ далеко; плавалъ въ крайности и несомнѣнная прелесть ея, но, не смотря на все свои ошибки и колебанія, никогда не забывалъ основному принципу всей своей жизни и литературной дѣятельности—идей развитія. Еще юношей, безъ имени, силъ и средствъ къ существованію, Ренанъ не задумался, ради *свободы своего разсужденія*, сбросить расу, отречься отъ варьеры, которая наиболее съестъ-блетьвовала его наклонностямъ и влеченіямъ, порвать свои отношенія съ церковью и любимыми наставниками, привлечь на себя преслѣдованія могущественной клерикальной партіи, даже послѣ смерти не оставившей его добраго имени и заклеймившей его самыми грубыми ругательствами и проклятіями.

Съ первыхъ уже шаговъ на литературномъ поприщѣ и до конца своихъ дней онъ въ сущности являлся, не смотря на горькія разочарованія и терзанія его подчасъ сомнѣнія, самымъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ идеи развитія, великой ру-

ководящей идеи, лежащей въ основѣ современнаго умственнаго прогресса. Въ этомъ, главнѣйшмъ образомъ, и заключается положительное значеніе его произведеній и его несомнѣнная заслуга. Въ разъясненіи и развитіи этой идеи онъ сыгралъ, наряду съ величайшими мыслителями и учеными XIX вѣка, совершенно опредѣленную и быть можетъ самую отиѣтственную и неблагодарную роль: Контъ прамѣнилъ идею развитія къ исторіи и философіи абстрактныхъ наукъ, Спенсеръ — къ социологіи и психологіи, Дарвинъ — къ естествознанію, а Ренанъ — къ этикѣ и эстетикѣ. Конечно труды этихъ мыслителей являются лишь первыми несовершенными попытками къ указанной направленности.

Но изъ чего же однако заключается сущность этой великой идеи развитія по отношенію къ вопросамъ нравственности, философіи и религіи? Прежде всего, конечно — къ надлежавшему, безпристрастному научному роузанію роли и назначенія челоуѣка, т. е. его отношенія къ природѣ и челоуѣчеству. Только благодаря такому пониманію, составляющему одну изъ величайшихъ побѣдъ челоуѣческаго духа, представляется нѣмѣ возможной научно-критическая оцѣнка различныхъ историческихъ міровоззрѣній и постепенное освобожденіе челоуѣчества изъ мрака невежества и суевѣрій. Но пониманіе истинной своей роли далось челоуѣку не легко и не сразу. Прошло нѣсколько тысячелѣтій, пока онъ, путемъ ужасныхъ бѣдствій и разочарованій, дошелъ до убѣжденія, что онъ не богъ и не царь вселенной, и что созданныя имъ идеалы не обладаютъ никакой властью надъ

явленіями природы. Но даже послѣ этого человѣкъ еще долго отождествлялъ свои личныя измышленія съ волюнтаріями божества и не могъ освободиться отъ енисомерной и дивной претензіи дѣйствовать и говорить отъ имени боговъ. Давно-ли инквизиторы тысячами отиравали своихъ благодѣтелей на костеръ въ пошломъ убѣжденіи, что они свято исполняютъ заветы Христа? И если въ наши дни протестантизмъ, свобода совѣсти и слова—не пустой звукъ, то этикъ человѣчество обязано прежде всего успѣхамъ знанія и критическаго духа. Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ началъ понимать, что познаніе истины можетъ быть достигнуто лишь путемъ постепеннаго развитія и трудового общенія цѣлаго рода человеческихъ поколѣній съ цѣлью изученія явленій природы,—и возникло въ сущности новѣйшее міросозерцаніе. Лежащая въ основѣ его идея всеобщаго развитія представляется неизбежнымъ результатомъ человеческого самосознанія и самоопредѣленія. Она возникла основана на предположеніи, что умствешный прогрессъ человечества, какъ и развитіе познаваемого нами міра, не только цѣлесообразны, но и подчинены неизмѣннымъ законамъ, что въ исторіи рода человеческого нѣтъ мѣста для случайностей, и что изъ цѣлы естественныхъ явленій нельзя выдернуть въ сущности ни одного звена. Остается следовательно, отбросивъ всѣ произвольныя теологическія и метафизическія объясненія природы, заняться научнымъ изслѣдованіемъ эмпирической послѣдовательности явленій и законовъ историческаго развитія. Вотъ единственный путь къ познанію истины. Какъ свѣтъ фонаря и остра

никогда не забыть свѣта солнца, такъ и наши личныя идеи, служащія лишь блѣднымъ отраженіемъ дѣйствительности, никогда не забывать насъ отъ необходимости изученія движеній природы; ибо только путемъ такого изученія мы постепенно достигнемъ истиннаго знанія.

Все эти основныя положенія теоріи развитія впрочемъ лишь замѣчены у Ренана, но не проведены послѣдовательно до конца. Въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи религій онъ съ большимъ искусствомъ выкалалъ зелье яда религіознаго фанатизма и все безудѣе человеческое высокоумія, стремящагося отождествить мелкія личныя воззрѣнія и дѣла съ божественной волей. Онъ училъ, что лучшія наши надежды и вѣрованія, какъ и наши гѣлы, со временемъ превратятся въ прахъ и безслѣдно погаснутъ въ безконечной сѣнѣ движеній. Одно лишь стремленіе человека къ познанію истины, т. е. къ Богу, по существу своему священно и безсмертно, потому что оно не угасаетъ на землѣ, пока живы люди. Мы знаемъ, какое громадное значеніе Ренанъ придавалъ христіанству въ развитіи человечества, однако онъ не побѣдился обвинять въ безбожьи и вѣчестіи. Кто успѣлъ составить себѣ хоть нѣкоторое понятіе о его безукорызненной частной жизни и литературной дѣятельности, тотъ оценитъ по достоинству подобнаго обвиненія. Очевидно писатель, всю жизнь трудившійся надъ разрѣшеніемъ вопросовъ религіи и морали и принесшій столько жертвъ ради свободы своей совѣсти и своего развитія, — не могъ быть ни атеистомъ, ни безшабашнымъ

скептикомъ, каковыя его пытались выставить враги. Скептицизмъ очень часто служилъ для него лишь надсинымъ средствомъ влѣсть на легкомысленную и мало развитую публику и скрыть передъ той-пой глубокую душевную тоску объ утраченныхъ идеалахъ. Придавая громадное значеніе чувству вѣры въ развитіе человечества, Ренанъ, въ интересахъ этого развитія, возставалъ лишь противъ крайняго догматизма, направлявшаго въ сущности къ порабощенію человеческого разума и вратическаго духа. Онъ сознавалъ всю опасность человѣческаго самозниція, фанатизма и суевѣрія, благодаря которымъ такъ часто величайшія заблужденія служили предметомъ поклоненія вѣрованія многихъ вѣковъ, являясь передъ толѣнопреклоненной толпою подъ священнымъ покровомъ истины.

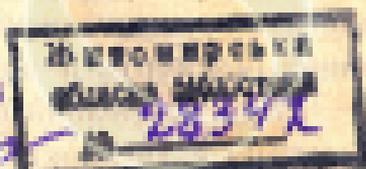
Но, провозгласивъ относительность всѣхъ человѣческихъ понятій и неубѣдимость ихъ постепеннаго прогресса, Ренанъ не отрицалъ абсолютной истины, т. е. существованія неизмѣннаго начала въ средѣ. Напротивъ, изъ этого понятія онъ выводилъ необходимость всеобщаго развитія. Онъ не допускалъ ничего случайнаго въ эволюціи природы и человечества, прежде всего потому, что идея случайности несовмѣстима съ идеей развитія, основанной именно на предположеніи цѣлесообразности и единства силъ природы. Цѣлью міра, по мнѣнію Ренана, является развитіе духа, а свобода есть необходимое условіе духовнаго развитія. Но что такое духъ? Въ чемъ именно заключается неизмѣнное абсолютное начало? Ренанъ пытался дать такое рѣшеніе этого вѣчнаго вопроса, котораго могъ

бы удовлетворяться и ученый, и художникъ, и всякій вѣрующій человекъ. Съ научной точки зрѣнія неизмѣннымъ началомъ познаваемого міра является опредѣленная послѣдовательность всѣхъ его явленій, т. е. такъ называемый законъ природы. Для человека вѣрующаго воля всемогущаго, всевѣдущаго Бога—это единственный законъ природы, а для художника весь смыслъ жизни, цѣль всякаго существованія заключается въ неупадающей безсмертной красотѣ.

Развитіе человечества, какъ и вселенной—не простая случайность, а результатъ всеобщаго стремленія къ усовершенствованію, къ осуществленію идеаловъ истины, добра и красоты. И въ философской системѣ Ренана эта идея цѣлесообразности всего существующаго, идея естественнаго неизмѣннаго закона и понятіе о Богѣ довольно подробно развиты. Но стоитъ они особнякомъ. Его попытки синтеза религіи, искусства и науки на основаніи идеи развитія оказались безуспѣшными. Очевидно былъ взятъ замахъ не по силамъ, и вѣроятно понадобится еще трудъ цѣлаго ряда поколѣній и цѣлой арміи ученыхъ, пока рѣшеніе столь великой задачи окажется возможнымъ, а мыслитель, который служилъ поднести окончательные итоги развитія въ сферѣ снѣтца религіи и науки, безъ сомнѣнія явится однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей рода человѣческаго.

Ренану, не смотря на его гений и поразительное трудолюбіе, не было суждено сдѣлаться такимъ благодѣтелемъ. Но все таки не даромъ она приобрѣла славу великаго писателя; не даромъ она воз-

будаль столько спорить, сомневаться, восторгаться и правды. Его громадное влияние на умственное развитие Кароши и его научная заслуга не подлежат сомнению. Как отнесется к его деятельности будущая posteritas — неизвестно, но без сомнения имя этого великого интеллектуал-труженика не будет забыто, пока человечеству дорога участь знания и свобода развития.

недоуменявшей ни мартинихъ сочиненій относительно священнаго происхожденія библейскихъ текстовъ. По высказаніямъ Ренана оказывается, что «Книга Иова», «Псал. Псаломъ» и особенно «Эклезіастъ» въ свое время возбуждали даже среди православныхъ евреевъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно ихъ священнаго происхожденія. Все произведенія, входяща въ составъ Библии, были переведены на греческій языкъ во II и III столѣтіяхъ до Рожд. Христ., за исключениемъ «Эклезіасты», о которомъ мнѣ узналъ лишь въ I вѣкѣ нашей эры, когда одна изъ еврейскихъ школъ, Алаба-гилъ-Аманна, перевела это замѣчательное произведеніе. Святоточивъ и непринужденный тонъ его настолько не соответствовалъ мрачному религиозному настроенію еврейскихъ ученыхъ того времени, что лишь послѣ долгихъ споровъ и сомнѣній она рѣшилась наконецъ отнести эту книгу къ числу священныкъ, духовныхъ свящъ, книгъ, рукоподступае въ языкъ еврейскій исполненнаго несовершенство нѣсколькихъ религиозныхъ са астрѳъ. Отцы церкви въ III вѣкѣ духовноудивились къ этому мнѣнію. Въ то время доискивались таинственнаго смысла въ сочиненіяхъ, затрагивающихъ философію и религиозные вопросы, задумывались надъ своеобразными сочетаніемъ буквъ и слоговъ, не довольствуясь простымъ смысломъ, и доходя до тѣхъ образцовъ до выводовъ, о которыхъ автору и во сѣ не грезились. По общепринятому мнѣнію, «Эклезіастъ» является произведеніемъ Соломона, третьяго по порядку израильскаго царя, жившаго приблизительно за 100 лѣтъ до Р. Хр. Однако авторъ не называетъ себя, заставляя свое имя инициалами К. Г. Л. Т., то-есть являющимся въ которыхъ соответственныхъ гласныхъ получается еврейское слово Ка-Ге-Ле-ТЬ, то-есть «всезнущій». «Эклезіастъ» есть лишь греческій переводъ этого слова. Въ немъ усмотрѣла намекъ на Соломона, потому что этотъ царь, подобно многимъ происшедшимъ согласно преданію, былъ одаренъ необыкновенной мудростью. А въ довереніе этого сходства съ Соломономъ, неизвѣстный авторъ изображалъ себя могущественнымъ царемъ, большимъ энциурейцемъ, искусствомъ искусства и лю-